

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

О. А. СУХАРЕВА, М. А. БИКЖАНОВА

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ СЕЛЕНИЯ АЙКЫРАН

ОПЫТ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
КОЛХОЗА ИМЕНИ СТАЛИНА ЧАРТАКСКОГО
РАЙОНА НАМАНГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ — 1955

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение культуры и быта колхозного крестьянства составляет одну из важнейших задач советской этнографии и является основной проблемой, разрабатываемой отделом этнографии Института истории и археологии АН УзССР.

Настоящая работа представляет собой опыт этнографического исследования, посвященного одному из крупных высокоурожайных хлопководческих коллективных хозяйств Ферганской долины — колхозу им. Сталина, Чартакского района, Наманганской области. Изучение колхоза проводилось первым отрядом Ферганской этнографической экспедиции Института истории и археологии АН УзССР в 1950—1953 гг.

История селения Айкыран и образовавшегося в нем колхоза им. Сталина отражает победу ленинско-сталинской национальной политики нашей партии. Она показывает в подробностях грандиозную перестройку всей жизни и быта узбекского народа, вызванную Великой Октябрьской социалистической революцией, которая превратила Узбекистан из отсталой колониальной страны в передовую социалистическую республику. Освобождение народов Узбекистана от эксплуатации и колониального угнетения привело к расцвету национальной культуры, вызвало к жизни неиссякаемую творческую энергию советского человека, открыло перед ним путь к коммунизму.

На примере колхоза им. Сталина воочию видны преимущества, которые дал крестьянству союз с рабочим классом и колхозный строй. Огромная помощь, оказанная деревне Советским социалистическим государством, дала возможность узбекскому крестьянству в короткий срок преодолеть вековую нужду и темноту, феодальную отсталость, которые на протяжении веков характеризовали жизнь трудового крестьянства.

Вся жизнь колхоза им. Сталина является подтверждением того, что социалистический строй создает огромные возможности для мощного развития экономики и расцвета культуры, для повышения благосостояния народа.

Главной задачей, которую поставили перед собой авторы настоящего труда, было выявление новых черт, порожденных эпохой социализма в быту и культурном облике современного сельского населения. Мы старались показать, как эти новые, прогрессивные черты складываются в борьбе с пережитками феодального прошлого, особенно живучими в области идеологии, вследствие чего требуются особое внимание и большая воспитательная работа для их преодоления.

Публикуемый труд состоит из трех разделов: „Прошлое кишлака Айкыран“ (автор О. А. Сухарева), „Селение Айкыран после Великой Октябрьской социалистической революции“ (автор О. А. Сухарева). Глава „Бытовые условия жизни колхозников“ написана М. А. Бикжановой) и „Семья в колхозе имени Сталина“ (автор М. А. Бикжанова). Для написания этого раздела использованы также материалы, собранные в 1950 г. Дж. Х. Кармышевой).

Вопросы экономики колхоза и истории селения после Октябрьской революции, а также истории партийной и комсомольской организаций колхоза не получили в публикуемом труде полного освещения. Они кратко намечены здесь лишь в своих главных чертах. Специальные исследования по этим вопросам проводятся историками и экономистами и будут опубликованы позже. Собранные ими материалы частично использованы при написании некоторых разделов настоящего труда: по истории селения после Октябрьской революции — материалы А. Ю. Ибрагимовой; по экономике колхоза — материалы В. А. Полозова; по истории партийной и комсомольской организаций колхоза — материалы К. П. Гринько.

Иллюстрирующие книгу фотографии выполнены фотографиями С. Я. Кравченко и М. Я. Розенкранц.

Монумент И. В. Сталина перед клубом колхоза.

ВВЕДЕНИЕ

Кишлак Айкыран представляет собой одну из частей крупного селения Чартак, расположенного в северо-восточной части Ферганской долины, по среднему течению Чартак-сая, в восьми километрах от областного города Намангана.

Общим названием Чартак объединяется группа расположенных поблизости друг от друга кишлаков: Ляскидон, Мучум, Айкыран, Бешкапа, Булянак и Булон. Последний находится вблизи железнодорожной станции Чартак и, приняв на себя то же название, с 1949 г. сделался центром вновь выделенного Чартакского района.

Правобережная часть Чартака состоит из селений Айкыран, Бешкапа и Булянак, издавна объединявшихся под названием Айкыран.

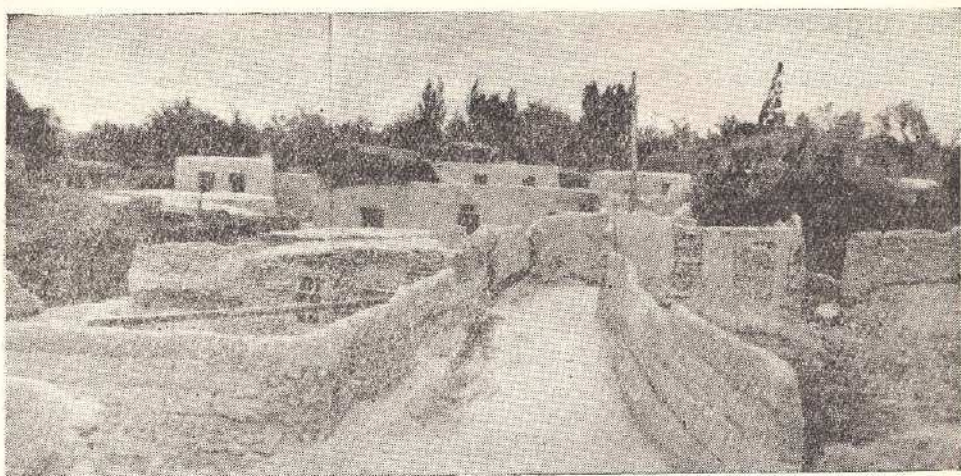
Местность, в которой расположено селение, ранее отличалась неровной поверхностью. В результате самоотверженного труда дежкан Айкырана, в особенности многолетней работы колхозников по выравниванию и планировке полей, большая часть пахотных земель превратилась в хорошо спланированные крупными участками, приспособленные к механизированной обработке. Лишь в северо-западной и западной частях территории колхоза имеются участки возвышенные, кое-где неровные, с покатою поверхностью. Средняя часть селения, собственно Айкыран, расположена на возвышенности, круто поднимающейся от берега сая. Булянак лежит в низине, к югу от Айкырана; Бешкапа расположен к северо-востоку и занимает низину, постепенно переходящую в возвышенность.

Среднегодовая температура в этом районе достигает $+28^{\circ}\text{C}$. Максимальная температура равняется $+39^{\circ}\text{C}$, минимальная — -16°C ¹. Колхозные поля составляют один сплошной массив,² который со всех сторон имеет естественные границы: с севера его замыкает цепь довольно высоких холмов — адыров, защищающих поля от холодных ветров, с востока — Чартак-сай, или, вернее, межрайонная дорога, идущая по его правому берегу, с юга и запада — русло Северного Ферганского канала.

Почва представляет собой мощный слой плодородного лёсса, при надлежащей обработке и орошении дающего возможность получать с

¹ Пояснительная записка Главного Управления по делам сельского хозяйства при Совете Министров УзССР, 1951.

² На землях нового орошения, отведенных колхозу в урочище Буз, Андижанской области, и обрабатывавшихся отдельной бригадой, с течением времени образовался отдельный колхоз.

Старая улица селения Айкыран.

полей большие урожаи. Для этой местности характерно глубокое залегание грунтовых вод и отсутствие признаков засоления почвы.

Основным источником орошения как земель селения, так и всего Чартакского района является Чартак-сай. Лишь с 1952 г. колхоз им. Сталина начал использовать с помощью специальных насосных установок воду Северного Ферганского канала.

Чартак-сай, стекающий с юго-восточных отрогов Чартакского хребта, имеет в основном родниковое происхождение. Главный из питающих его родников Вайсиль-кырон находится в 24 км к северу от селения Чартак; ниже сай принимает в себя воды еще нескольких крупных родников, лежащих в отрогах тех же гор: Пират-булок, Баштал-булок, Шуркан-булок и родника Кульбикон, находящегося несколько ниже по течению. Однако в сай спускается не вся вода этих родников: она разбирается жителями селений, сложившихся на берегах родников, и лишь часть ее доходит до Чартак-сая.

Родниковое происхождение сая обусловило, с одной стороны, его маловодность, а с другой — постоянный характер его водного режима, нарушаемого только весенними и летними селями, в отдельные годы низвергающимися с гор в русло сая. Тогда сай на несколько часов или дней превращается в бурный поток, размывающий берега и головные водоразборные сооружения, сносящий посевы и поселения, расположенные близко к его руслу.

Режим воды в Чартак-сая значительно изменился в результате ряда проведенных после Великой Октябрьской революции мелиоративных мероприятий, главным из которых является систематическое подпитывание Чартак-сая из многоводного Пашата-сая. Раньше вода Пашата-сая поступала в Чартак-сай лишь во время сильных паводков, имеющих здесь характер селей, и не могла использоваться для орошения. После установления Советской власти в месте выхода Пашата-сая с гор был создан мощный Заркентский водораспределительный узел, усовершенствованные шлюзовые установки которого дают возможность в любое время пропускать в нужном направлении определенное количество воды. Громадное значение Заркентского водораспределительного узла для всего расположенного на Чартак-сая оазиса видно хотя бы из того, что ныне треть воды, проходящей по Чартак-саю, поступает в него из Пашата-сая.

Старая улица селения Айкыран.

Принимая в себя притоки, Чартак-сай, в свою очередь, дает начало развитой сети выводных каналов-арыков, на каждом из которых образовались окруженные культурными землями поселения. Эти поселения составляют значительный по своим размерам и густонаселенный земледельческий район, почва которого отличается плодородностью, а рельеф местности и климат благоприятствуют полеводческому хозяйству.

Однако использовать эти природные ресурсы население кишлака смогло только при Советской власти.

После окончания гражданской войны был проведен ряд мероприятий по улучшению системы орошения.

В результате земельно-водной реформы 1925—1926 гг. была ликвидирована частная собственность на землю и отменены оставшиеся от прошлого отсталые и несправедливые традиционные нормы водопользования. Вода Чартак-сая была перераспределена с учетом жизненных потребностей всех питающихся водой сая районов и всех водопользователей.

Отмена исстари сложившихся привилегий в водопользовании одних районов за счет других, а также увеличение водных ресурсов района путем переброски в Чартак-сай дополнительной воды из Пашата-сая в корне изменили жизнь трудового дехканства этого района. Была изжита вековая нехватка воды, и хозяйства селения Чартак получили новые возможности для своего развития. Быстрое развитие хозяйства потребовало, в свою очередь, дальнейшего увеличения водных ресурсов: рост потребности в воде обуславливался введением в эксплуатацию новых земель и, главным образом, растущей интенсификацией сельского хозяйства.

Эти возросшие потребности обеспечиваются, прежде всего, за счет улучшения всей системы орошения. Из года в год повышается техника орошения, улучшается использование природных условий, сокращается нерациональная трата воды. Большое значение для селения Чартак имеет Северный Ферганский канал. Воды этого канала являются новым мощным источником орошения для земель колхоза им. Сталина.

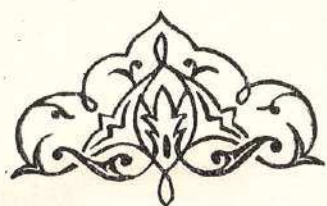
Постановление Советского правительства о переходе на новую систему орошения указывает путь дальнейших усовершенствований в использовании воды; ряд мероприятий в этом направлении колхозом им. Сталина, как и другими колхозами этого района, уже осуществлен.

В настоящее время Чартакский район, в особенности в той части, которая расположена по среднему и нижнему течению Чартак-сая, превратился в один из плодороднейших районов республики. Здесь находятся крупные высокоурожайные хлопководческие колхозы, ежегодно дающие государству тысячи центнеров хлопка. К таким высокопродуктивным колхозам относится и колхоз им. Сталина.

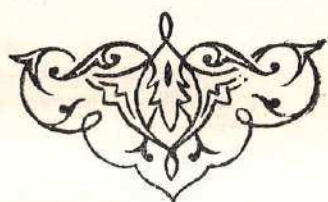
Помощь государству и умелое использование преимуществ, которые дала сельскому хозяйству коллективизация, самоотверженный труд членов колхоза сделали его одним из самых значительных и преуспевающих коллективных хозяйств Наманганской области¹. Хозяйственные достижения колхоза, благосостояние и материальная обеспеченность членов артели, их неизмеримо возросший за годы Советской власти культурный уровень представляют разительный контраст с убогой, нищенской жизнью дореволюционного кишлака, население которого, преодолевая неимоверные трудности, освоило для земледелия эту часть долины Чартак-сая, но не могло использовать в полной мере те возможности, которые давала для хозяйственной деятельности человека природа этого района.

До Великой Октябрьской революции трудовой народ в условиях тяжелой эксплуатации и общей культурной отсталости, при господстве мелкого крестьянского хозяйства, не был в состоянии завершить освоение земель для земледелия. Только в советскую эпоху, особенно после коллективизации, благодаря созданию новых социальных условий, благоприятных для развития хозяйства, трудящиеся получили возможность ликвидировать вековую нужду в земле и воде. Постоянная помощь Советского государства и мудрое руководство Коммунистической партии открыли перед ними безграничные возможности для улучшения жизненных условий, роста благосостояния и расцвета культуры. Решения XIX съезда Коммунистической партии, сентябрьского и последующих Пленумов ЦК КПСС наметили величественные перспективы дальнейшего хозяйственного и культурного развития страны. Для Узбекистана, в частности для хлопководческих колхозов, каковым является и чартакский колхоз им. Сталина, первостепенную важность имеет задача увеличить в течение пятилетки, главным образом за счет повышения урожайности, производство хлопка-сырца на 55—65%. Эта задача включает в себя, прежде всего, повышение культуры сельского хозяйства, поднятие ее на новую, еще более высокую ступень. Решение этой задачи сделает возможным дальнейший подъем материального благосостояния и культурного уровня народа.

¹ Этому колхозу, как одному из участников Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1938 года, была посвящена брошюра А. В. Русакова „Хлопковый колхоз имени Сталина“ (Москва, 1939). Имея немало ошибок (начиная с утверждения, что колхоз находится „в пойме реки Нарын“), брошюра эта в основном верно изображает жизнь колхоза 1930—1938 гг. и представляет собой интерес в связи с тем, что при ее написании был использован утраченный позже архив колхоза за первые годы его существования.

ПРОШЛОЕ
КИШЛАКА
АЙКЫРАН

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ ИЗ ИСТОРИИ КИШЛАКА АЙКЫРАН

Многочисленные предания, сохранившиеся в народе, археологические памятники и исторические данные говорят о том, что уже издавна, вероятно, с глубокой древности, территория селения Чартак была обжита человеком и использована для земледелия. Ценой героических усилий многих поколений были орошены и приспособлены для земледелия площади, расположенные на холмах или прилегающие к адырам, осушены и распаханы места, заболоченные и заросшие тугаями.

По имеющимся сведениям, многие участки прекрасных колхозных полей даже в недалеком прошлом представляли собой либо заболоченные места (кўль), либо заросли кустарников (туқай), либо кочковатую равнину, пригодную только для пастбища. Так, лишь в советское время была полностью освоена та часть земель колхоза им. Сталина, которая лежит к югу от большого сада первого участка колхоза и в настоящее время представляет собой наиболее хорошо обработанную и спланированную часть его земельного фонда. Старейший член колхоза Юлдаш Хакимбаев, бывший батрак и издольщик, вспоминает, что в этих местах он пас в детские годы байских овец и коров.

Сохранившееся до недавнего времени старое название этой части территории колхоза — Тунгуз-отар (место, где стреляют кабанов) доносит до нас память о более далеком прошлом, когда здесь простирались густые заросли.

Основным источником для выяснения древнейшей истории селения являются археологические памятники — четыре высоких холма искусственного происхождения (тепе), давшие название селению Чартак (таджикское чор тоқ — четыре свода)¹.

Эти холмы расположены по обоим берегам сая в районе селения Чартак. Три из них — два на левом берегу и один на правом — хорошо сохранились. Местонахождение четвертого холма менее ясно, и указания старожилов о нем разноречивы. Многие из них считают четвертым чартакским тепе высокий холм, где теперь возвышается новое здание школы-десятилетки, а раньше находились небольшое медресе и мечеть. Однако осмотр холма показал, что он состоит из галечника и не содержит никаких культурных остатков. Более правильно отожд-

¹ Местным населением это название толкуется как „чор тахт“ — четыре трона. Замена термина „ток“ (свод, арка) словом „тахт“ (трон) объясняется тем, что первый неизвестен современному узбекскому населению этого района.

дествление четвертого тепе с возвышенной площадкой, находящейся на левом берегу сая, где сейчас расположено общежитие курорта Чартак, а раньше находился бекский дворец, почему это место известно под названием Урда-бог. Археологический осмотр показал, что этот холм, с западной стороны круто спускающийся к берегу сая, а с восточной переходящий в высокую равнину, содержит большое количество культурных остатков, главным образом, черепков глиняной посуды¹. Эти находки подтвердили сообщение местных жителей о существовании четвертого холма и установили его местонахождение.

Все четыре тепе лежат у той границы, до которой доходят воды наиболее мощных силей, скатывающихся с гор в Чартак-сай во время весенних и летних паводков и дождей. Опрос местных жителей показал, что в момент самых больших силей вода доходила до подножия холмов.

Рекогносцировочное археологическое обследование этих тепе, произведенное археологами В. С. Спришевским и Я. Г. Гулямовым, показало, что три из них, совершенно однотипные и до сих пор сохранившие свои контуры², представляют собой остатки высоких зданий, сложенных из крупного сырцового кирпича (45 см × 27 см × 10 см) с арочными перекрытиями, одно из которых сохранилось в западной стороне тепе, находящегося на правом берегу сая и носящего название Супи-кургона.

В обвалах и осыпях другого тепе, расположенного напротив тепе Супи-кургона, на левом берегу сая и называемого населением Мазарбувом, отчетливо видна кирпичная кладка высоких, метров в восемь, стен, прослеживающихся от земли до самой вершины холма. Такие же стены, из того же крупного кирпича, видны кое-где и в самом северном холме Юмалак-тепе. Кирпичная кладка везде доходит до современного уровня почвы. Все это дает основание предполагать, что холмы образовались вследствие разрушения многоэтажных зданий.

Размеры кирпича, характерного для строительной техники V—VII вв. нашей эры, служат датирующим указанием для определения времени строительства зданий, которые превратились при своем разрушении в тепе.

Находимые на поверхности тепе, правда, довольно скудные, фрагменты керамики, среди которых, наряду с очень поздними образцами XIX—XX вв., обнаруживаются черепки неполивной архаической посуды, говорят о том, что жизнь на городище существовала, повидимому, еще в кушанский период. К этому периоду были отнесены В. С. Спришевским и А. Н. Бернштамом наиболее архаические из подобранных на поверхности тепе черепков. А. Н. Бернштамом была высказана мысль, что кушанские поселения Чартака могли возникнуть на базе еще более ранних поселений.

Чрезвычайно важным для понимания истории тепе моментом является их связь с оросительными каналами, выведенными из сая в том месте, где он течет в сравнительно пологих берегах и где, следовательно, всего легче было использовать его воды для искусственного орошения.

Все четыре тепе расположены в местах, где находятся головы этих каналов: тепе Супи-кургона, на правом берегу сая, находится

¹ Осмотр холма произведен археологом В. С. Спришевским.

² Только Юмалак-тепе, находящийся выше остальных по течению сая, был слегка обкопан в конце XIX в. с восточной стороны, откуда бралась земля для выделки кирпичей. Другие два холма, находящиеся друг против друга, одно на правом, другое на левом берегу сая, считались мазарами (местами захоронения), вследствие чего из них не брали землю на бытовые нужды.

близ головы арыка Ширасон, три других, лежащих на левом берегу, — в районе выхода арыков Мучум, Ляскидон и Будон. Это дает основание думать, что происхождение тепе связано с каналами. Названия всех четырех каналов, несомненно, относятся к древнейшему пласту в топонимике этого района, а техническая несложность выведения каналов в этом месте из сая позволяет предполагать, что они были прорыты в глубокой древности. Представляется несомненным, что с описанными тепе, так же как и с упомянутыми каналами, связаны наиболее древние из современных поселений этого района.

Следы древних поселений обнаруживаются не только в описанных выше холмах-городищах.

При строительстве колхозной электростанции в 1950 г. в земле, на глубине нескольких метров, были обнаружены, по сообщениям работников, следы очагов, древесный уголь, фрагменты керамики. Была найдена также одна медная монета.

Народное предание говорит о городе (шахар), находившемся когда-то в местности, известной сейчас под названием Тут-мазар и расположенной к юго-востоку от колхозного сада, на землях десятой бригады колхоза. Предание подтверждается многочисленными находками в этом месте фрагментов керамики и даже целых сосудов. Так, в 1936 г., во время тракторной пахоты лемех плуга наткнулся на громадную корчагу (хум), которая была извлечена из земли целиком, но потом рассыпалась. Хум оказался покрашенным изнутри синей краской, из чего колхозники сделали правильное заключение об употреблении его для крашения пряжи или тканей в синий цвет при помощи индиго. Пять таких же хумов было обнаружено при срытии части Юмалак-тепе, на левом берегу Чартак-сая.

Сосуды этого типа употреблялись для крашения до недавнего времени, и их вид был хорошо знаком населению Узбекистана.

Обнаружение хумов, покрашенных индиго, свидетельствует о значительном развитии здесь в прошлом текстильной промышленности. Применение этого красителя, сложное технически и дорогое, всегда носило промышленный, а не домашний характер, а следовательно, не могло развиваться там, где не было развитого ткачества. Мы не находим индигового крашения в Чартаке конца XIX — начала XX вв., когда выработка тканей находилась здесь на весьма примитивном уровне и не имела товарного характера. Повидимому, такой способ крашения применялся в Чартаке в более отдаленном прошлом. Это может служить подтверждением предания, считавшего поселение в Тут-мазаре городом.

Еще в предреволюционный период на месте этого старого, возможно, городского поселения находились отдельные жилища — например, окруженная высокими стенами усадьба (кургон) богача Якуббая. Старики еще помнят место хауза и следы находившихся около него строений рынка, например, складов зерна (каппон). Перенесение рынка на берег Чартак-сая приписывается народным преданием кокандскому сановнику Олтинвой-додхо, очевидно, правителю этого района. Судя по тому, что еще в середине XIX в. остатки строений базара сохранялись, перенесение базара можно отнести к концу XVIII или началу XIX вв.

Новый рынок Чартака, помещенный на берегу сая, имел совершенно иной характер, чем тот, который рисуют нам, правда, пока очень скудные, данные о старом городище. Новый базар был типичным сельским рынком, где производилась торговля зерном и скотом, осуществлялся обмен между скотоводами и земледельцами. Такой характер имел этот рынок и в начале XX в.

Развитие жизни и культуры в районе селения Чартак и образование современных кишлаков, его составляющих, было связано с постепенным расширением оросительной сети, которая делалась все более сложной, подводила воду к все более отдаленным саям участкам, в том числе и возвышенным. Это стало возможным в результате развития производительных сил, спустя много веков после того, как здесь образовались первые поселения. Ключом к пониманию их истории является история каналов, проводившихся в разное время и обусловивших развитие в этом районе земледельческой культуры.

Из всех каналов, орошающих земли трех селений, вошедших в колхоз им. Сталина, наиболее древним предание считает (повидимому, справедливо) арык Ширасон. Отведенный из сая близ тепе Супи-кургона, он давал воду южной части земель правобережных селений Чартака и являлся в прошлом основным источником орошения для второго древнего поселения этого района — кишлака Караскон, где сейчас образовался мощный колхоз им. Андреева.

Вторым по давности является, повидимому, арык Тош-кечит, отведенный из Кушан-арыка, проходящего за грядой адыров. Арык Тош-кечит, орошающий в настоящее время лишь 100 гектаров земли, расположенной с южной стороны адыров, раньше обеспечивал водой гораздо большую территорию. Мираб Турсун-ходжа (родился около 1865 г.), с юности интересовавшийся историческими преданиями, сообщил, что, по сведениям, полученным им в свое время от стариков, именно этот арык снабжал водой земли того города, который находился в местности Тут-мазар. Это позволяет предположить, что арык Тош-кечит в прошлом являлся основным каналом, орошавшим культурные земли этой части селения. Вероятно, он потерял свое значение с проведением арыка Айкыран, который дал возможность обжить высокий холм, где располагается современное селенье Айкыран, ныне поселок колхоза им. Сталина.

Проведение арыка Айкыран, несомненно, явилось очень важным фактором в освоении окружающей селение территории и приспособлении ее под земледельческую культуру. Сооружение этого канала, подающего воду из Чартак-сая на возвышенные участки, было делом технически сложным и сделалось возможным лишь в результате значительного прогресса ирригационной техники. Для того, чтобы поднять воду Чартак-сая на возвышенность, голову арыка Айкыран пришлось отнести на расстояние 8—10 км от селения. Арык проходит больше половины этого расстояния вхолостую, после чего дает воду селениям Бешкапа и Айкыран.

Сооружение арыка Айкыран приписывается деду одного из правителей этой местности Бой-донбеги (девопбеги). Бой-девопбеги жил, по сообщениям, накануне присоединения Средней Азии к России, следовательно, строительство арыка Айкыран, осуществленное его дедом, может быть отнесено к последней четверти XVIII в. Не лишено, однако, вероятия, что к этому времени относится не проведение, а лишь значительная перестройка и расширение арыка Айкыран. Название арыка принадлежит к древнему пласту в топонимике района, что указывает на его более древнее происхождение. То обстоятельство, что после проведения арыка Айкыран население одноименного кишлака не отказалось от пользования водой арыка Тош-кечит, является, повидимому, своеобразным пережитком древнего права, основанного, очевидно, на том, что население правобережья Чартака когда-то участвовало в прорытии этого канала. Так же пережиточна и мало рациональная теперь переброска через многоводный Ферганский канал воды Ширасон-арыка в колхоз им. Андреева.

Арык Айкыран дает четыре ответвления: Гаухан-арык (или Гаухана), орошающий кишлак Бешкапа, Чукур-арык, проходящий, примерно, по границе Айкырана и Бешкапа, Тева-арык (Верхний арык) и Пас-арык (Нижний арык, иначе называемый Бақа-тэши), на которые делится Айкыран при выходе из селения на поля и сады. Тева-арык доставляет воду на возвышенные террасы, расположенные у подошвы адыров, Пас-арык орошает юго-западную часть посевной площади колхоза. В прошлом этот рукав служил для сброса зимой всех лишних, неиспользуемых вод, вследствие чего его русло в некоторые сезоны оказывалось заболоченным, чем и объясняется его второе название (Бақа-тэши — лягушечий камень).

В прошлом раздел воды Айкырана между кишлаками Айкыран и Бешкапа сопровождался постоянными ссорами и распрями, нередко оканчивавшимися побоищем.

Раздел воды не утратил в полной мере своей напряженности даже и в первые годы Советской власти. Лишь образование укрупненного колхоза, объединившего всю орошаемую этим арыком территорию, полностью разрешило проблему распределения воды.

Два арыка — Ширасон и расположенный рядом с ним арык Пайзабад, орошающие лежащие в низине земли второго и отчасти первого участков колхоза им. Сталина, выведены из Чартак-сая в пределах самого селения, неподалеку от базара и моста через сай.

В прошлом западная часть территории колхоза, особенно страдавшая от безводья, орошалась также небольшим керизом,¹ выведенным с адыров, от обнаруженного там родника. Этот кериз (здесь его называют „кудуқ“ — колодец или „кубур“ — труба) существовал еще в первые послереволюционные годы, то приходя в упадок, то снова восстанавливаясь, пока, лет 25 тому назад, во время сильного паводка, его колодцы не оказались засыпанными песком и галькой.

Условия ведения хозяйства, неодинаковые во всех частях этого района, в прошлом были неблагоприятны для селений, расположенных, как селение Чартак, по среднему и нижнему течению Чартак-сая. Верхняя часть сая, где находились родники (как крупные, питающие Чартак-сай, так и многочисленные мелкие, вода которых полностью потреблялась на месте) и где, кроме того, выпадает сравнительно много атмосферных осадков, располагала большим количеством воды, и там могли культивироваться самые влаголюбивые растения, в том числе и рис. Средняя и нижняя части долины сая получали лишь излишки воды, которые считались „отпускаемыми по милости хозяев родников“. Эти „хозяева“, хотя и не имели права вовсе лишать воды нижележащие селения, все же давали эту воду лишь после традиционных угощений и подарков, подносимых им за счет населения мирабами арыков, берущих воду из Чартак-сая.

Водное право было установлено традицией, которая определяла как количество воды, пускаемой в каждый канал, так и срок, в течение которого эта вода по нему шла. Так, расположенные на арыке Айкыран селения Айкыран и Бешкапа получали воду за три летних месяца только трижды, каждый раз по шесть дней. Конечно, этой воды для орошения земель крупного населенного пункта не хватало, и лишние влаги посевы нередко погибали. Маловодье, непреодолимое в

¹ Кериз — подземный канал, выведенный с гор на равнину. Его рытье и очистка осуществляется через колодцы, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга.

общественно-экономических условиях дореволюционного Узбекистана, тормозило освоение пригодных для земледелия земель кишлака Айкыран; часть из них была освоена только после Великой Октябрьской революции.

Этнографические сведения и анализ географических и топографических данных позволяют наметить отдельные этапы формирования современного селения.

Предания говорят о том, что его часть, которая носит название Бешкапа, сложилась позже, чем другие селения, и что там первоначально поселилось пять семей переселенцев, живших сначала в шалахах (капа), чем и объясняется название Бешкапа (пять шалашей). История некоторых населяющих Бешкапа семей подтверждает приведенное предание. Например, житель этого селения Мир Абдуллабай (родился в 1880 г.) является потомком переселенца из Чуста. Его прадед застал территорию, занятую теперь кишлаком, почти незаселенной и был здесь одним из первых жителей. Это семейное предание позволяет отнести начало формирования селения Бешкапа к середине XVIII в.

Селение Айкыран было в то время, повидимому, значительно меньше современного. Та его часть, которая носит название Этак-махалля (Нижний квартал) и в настоящее время населена довольно густо, еще лет 75 тому назад, т. е. в восьмидесятые годы XIX в., была занята преимущественно садами, куда жители центральной части кишлака выезжали лишь на лето.

Такой помнит эту часть селения родившийся около 1860 г. житель Этак-махалля Исамаддин-чоль, который был еще юношей, когда здесь построили первую мечеть, что окончательно оформило этот район, как постоянное поселение.

Можно предполагать, что к поздно сложившимся частям селения относятся и кварталы, лежащие на правом из двух рукавов, на которые делится арык Айкыран. Этот рукав, очень искусно выведенный из арыка Айкыран и называемый Тева-арык, несет воды в наиболее возвышенную и отдаленную часть селения, где находились два квартала — Бог-махалля (Садовый квартал) и Таля-махалля (Квартал полей). Эти кварталы, как показывают их названия, непосредственно выходили к полосе садов и к окружавшим селение пахотным землям. Квартал Таля-махалля перестал существовать в 1918—1922 гг., когда частые нападения басмаческих шаек принудили жителей забросить свои дома в этой наименее защищенной части селения.

Селение Булянак, на базе которого сложился колхоз Байнальмилляль, ныне объединенный с колхозом им. Сталина, расположено в низине и отделено от селения Айкыран дорогой и полосой пашен. Булянак присоединился к кишлакам правобережья Чартак-сая сравнительно недавно; в прошлом он тяготел к селениям, расположенным на левом берегу сая, представляя собой, повидимому, выселки кишлака Булон. На это указывает и название кишлака (таджикское Булонак, уменьшительное от Булон). Теперь, впрочем, это название чаще произносится как Булинак и понимается как „отделившийся“ (от узбекского глагола булинмак — делиться). Однако старики сохраняют произношение Булянак и помнят рассказы своих отцов о том, что Булянак раньше входил в одно сельское общество (джамоа) с кишлаком Булон и был включен в Айкыран лишь около начала XIX в. (сообщение жителя Булянака Мирза Ахмеда, родившегося в 1867 г.).

По некоторым сообщениям, отделение Булянака от Булона произошло после одного особенно мощного наводнения, в результате которого

Чартак-сай изменил свое ложе и сообщение между обоими берегами стало затруднительным.

Как самостоятельное селение Булянак стал существовать очень поздно. В „Списке населенных мест Ферганской долины“¹ это селение не упоминается. Жители его были, очевидно, включены либо в селение Айкыран, либо в селение Булон.

Правобережная часть селения Чартак, полностью сложившаяся уже к началу XIX в., продолжала и в дальнейшем расти — шел процесс постепенного заселения окраин (Этак-махалля, Таля-махалля). В то же время все более замирала жизнь в районе старого поселения около Тут-мазара, которое в начале периода, доступного для изучения по этнографическим данным, мы застаем еще функционировавшим, хотя и утратившим с перенесением базара на берег сая свое значение.

Ясного членения того крупного населенного пункта, который образовался в районе четырех тепе, не было. Название „Чартак“ прилагалось как ко всему этому поселению, состоящему из нескольких расположенных в непосредственной близости друг к другу кишлаков (Мучум, Булон, Ляскидон на левом берегу сая, Айкыран, Бешкапа, Булянак — на правом), так и к каждому из них в отдельности. Эта неясность отражена в „Списке населенных мест Ферганской долины“, где кишлаки эти даны под двойными названиями (Айкыран-Чартак, Бешкапа-Чартак и т. д.). Все кишлаки правобережной части Чартака — Айкыран, Бешкапа и Булянак, входившие в прошлом в одно сельское общество, а сейчас — в один сельсовет, нередко именуются по имени самого крупного из них — кишлака Айкыран. По мере заселения лежащих между ними территорий идет процесс слияния этих кишлаков. Этот процесс несколько затормозился сложением в каждом из них отдельных колхозов (им. Сталина, Кызыл Октябрь, Байнальмилляль), проводивших в течение двух десятков лет благоустройство колхозных центров и планировку территорий вне связи друг с другом. Объединение этих колхозов, происшедшее в 1950 г., и принятие генерального плана дальнейшего строительства колхозного поселка открывает перспективу их полного слияния и образования на месте трех кишлаков одного крупного поселения. Это, несомненно, сыграет прогрессивную роль в жизни населения колхоза, позволив централизовать и усилить культурно-массовую работу, активизировать общественную жизнь колхоза.

Центром селения до образования колхозов был рынок — Бозор-боши, от которого к северо-западу располагался кишлак Бешкапа, к западу — Айкыран, к юго-западу — Булянак. Внутреннее членение кишлаков на кварталы (махалля) или улицы (куча) не было четким. Кварталы Чартака, в частности правобережных его селений, в ряде случаев не совпадали с приходами мечетей, как это было принято в большинстве среднеазиатских городов. Во многих кварталах функционировало в прошлом по несколько мечетей. Квартал не составлял и определенной замкнутой соседской общины, которая здесь охватывала гораздо более широкий круг. Каждая из трех частей кишлака (Айкыран, Бешкапа, Булянак) считалась „бир туйляш“ — т. е. обществом людей, связанных участием в семейных обрядовых пиршествах (тоях).

Кишлак Бешкапа делился на три махалля: у самых адыров располагалась махалля Бешкапа, где имелся раньше небольшой базарчик, состоявший из трех-четырех лавок, четырех чайхан и двух заезжих

¹ Список населенных мест Ферганской долины, Издание Ферганского областного статистического управления, Скобелев, 1909.

дворов. Вследствие этого все окрестное население хорошо знало именно эту махалля, что и способствовало перенесению ее названия на весь кишлак.

Юго-западнее Бешкапа, в сторону Бозор-боши, располагалась махалля Тугдор-мачит или Пас-куча (от Паст-куча — Нижняя улица), западнее Пас-куча, на более высокой террасе, — махалля «Тева-куча» (Верхняя улица), которая именовалась также Чагатай-махалля (Чагатайский квартал).

Кишлак Айкыран состоял из девяти махалля: непосредственно на запад от базара располагалась Бузчи-махалля (Квартал ткачей); западнее — Урта-махалля (Средний квартал) или Бой-мачит-махалля (Квартал Бой-мечети); к северу от Урта-махалля, до самых холмов, шла махалля Йор-таги (Под обрывами), а к западу — махалля Нау-гузар (Новый базарчик), севернее которой продолжался вытянутый в длину квартал Йор-таги. Южнее квартала Нау-гузар располагалась Этак-махалля (Крайняя махалля; от этак — конец, подол). К северо-западу от нее находилась махалля Бака-тэши (Лягушечий камень), расположенная по одноименному отводу арыка Айкыран. По второму отводу, проходящему севернее Бака-тэши и идущему прямо на запад, располагались последовательно Бог-махалля (Садовый квартал) и Таля-махалля (Квартал полей).

Кишлак Булянак отличался раздробленностью, состоя, при малых размерах, из пяти кварталов: вдоль берега сая тянулся квартал Сай-махалля (Квартал сая), северо-западнее которого располагалась Тошлок-махалля (Каменистый квартал), а южнее его, занимая центральную часть селения — Бой-махалля (Квартал богачей), где раньше жили наиболее состоятельные люди кишлака. К югу от Бой-махалля находились два бедняцких квартала — Ит-махалля (Собачий квартал) и Така-махалля (Квартал козлов), названия которых, повидимому, были порождены пренебрежительным отношением к их населению байской верхушки кишлака.

Селение Чартак было одним из самых значительных населенных пунктов этого района, в прошлом — Чартакской волости. Здесь находился административный центр района — управление волостного старшины (мингбаши) и функционировавший два раза в неделю базар, который для прилежащей округи радиусом, примерно, в 25 км был единственным рынком, если не считать более отдаленного базара города Намангана — торгового центра всей северо-восточной части Ферганской долины.

НАСЕЛЕНИЕ

Население кишлаков, расположенных по правому берегу сая и вошедших в колхоз им. Сталина, состоит из 5918 человек¹. По национальности население узбекское.

Некоторое распространение имело в дореволюционное время название сарт (сорт), которым обозначалось оседлое узбекоязычное население и которое употреблялось, наряду с термином „мусурмон“, в качестве самоназвания.

Никаких следов родоплеменного деления среди коренного населения Чартака не обнаружено. Судя по этому, этногенез чартакских узбеков не был связан с узбекскими племенами, проникавшими в пределы Узбекистана из Дашти-Кыпчака в XIII и XV—XVI вв. Потомки этих племен были в XIX—XX вв.² преимущественными носителями родоплеменного деления, в то время как тюркские элементы, вошедшие в состав населения Средней Азии в более ранние эпохи, племенного деления не сохранили.

Встречающиеся в топонимике Ферганской долины племенные названия, наличествуя в перечне узбекских племен, в то же время имеются и в составе племен других тюркоязычных народов Средней Азии. Поэтому всегда остается неясным, к какому из этих народов принадлежали родоплеменные группы, оставившие следы в топонимике. Многочисленные сообщения о переселении в Фергану киргизов позволяют предполагать, что они принадлежали к киргизам.

Что же касается этнонимов в топонимике изучаемого района, то они не содержат в себе узбекских племенных названий, оказываясь наименованиями либо отдельных народностей, либо племен или родовых подразделений киргизов и кыпчаков. Так, в названиях отведенных от Чартак-сая арыков, получивших наименования по располагавшимся на них этническим группам, встречаются такие как Уйгур, Калмок, Кара-мурут, Багыш и Олма-тикон, из которых два первых являются этнонимами двух народов—уйгур и западных монголов, четвертое—названием киргизского рода, пятое, повидимому, обозначает подразделение кыпчакского племени тикон. Только Кара-мурут, как утверждает В. Наливкин³, было названием узбекского рода, переселившегося сюда из-под города Туркестана. Однако неопределенность

¹ По сведениям Айкыранского сельсовета на 1 апреля 1951 г.

² История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 290.

³ В. Н а л и в к и н, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1888, стр.22.

в употреблении этим автором термина „узбек“, которым он обозначает все тюркоязычные народы, от казахов до алтайцев, оставляет неясным вопрос—к которой из тюркских народностей принадлежала эта группа.

Время появления здесь указанных выше этнических групп, называемых В. Наливкиным общим именем „кочевых узбеков“, по его мнению, отстоит не так далеко от наших дней. Он считает, что освоение для земледелия, а следовательно, и для жизни территории между Наманганом и Пишкыраном, как результат процесса оседания „кочевых узбеков“, закончилось около 100 лет тому назад, т. е. в конце XVIII или в начале XIX вв¹.

Однако из приведенных данных, а также из анализа топонимики можно заключить, что группа поселений, объединяемых общим именем Чартак, так же как и вся относящаяся к ним территория культурных земель, была к XVIII в. уже заселена предками современных жителей этого района. В его топонимике отсутствуют названия, в которых можно было бы обнаружить связь с племенными или родовыми названиями поздних кочевых тюркоязычных элементов, как правило, сохранявших свои родоплеменные названия.

Отсутствие преданий о переселении из других районов у основной части чартакцев, считающих себя потомками исконного местного населения, конечно, не случайно,—оно говорит о том, что жизнь развивалась здесь без перерывов с древнейших времен. Это подтверждается и описанными археологическими памятниками. В состав местного населения на протяжении его многовековой истории вливались, конечно, пришлые элементы. Однако они не представляли, повидимому, монолитных групп, вследствие чего быстро сливались с основным населением. Сравнительно поздно присоединившейся можно, очевидно, считать сохранявшую некоторую обособленность группу, давшую название одному из кварталов кишлака Айкыран—кварталу Чагатай-махалля. Название „чагатай“ прилагалось и к населявшей этот квартал группе. К сожалению, нам не удалось получить сведений о ее происхождении от самих носителей этого названия².

То обстоятельство, что предание о переселении этой группы у окружающего населения уже забылось, объясняется, вероятно, давностью переселения.

Второй обособленной группой в составе населения Чартака были так называемые „оголук“, жившие, главным образом, в правобережном кишлаке Мучум.

Как явствует из самого названия (оголук—господин), эта группа относилась к привилегированному слою. О том же говорят и отдельные сообщения, например, рассказ молодого колхозника Кучкарбая Халмурадова о том, что его мать происходила из рода Худоярхана, а отец был из оголуков. Несомненно, такой брак в условиях феодальных отношений был возможен лишь в том случае, если за оголуками признавалось знатное происхождение.

О привилегированном положении этой группы свидетельствует также прозвище алочапан (пестрохалатные), противопоставляющееся прозвищу карочапан (чернохалатные), которым обозначалось остальное население Чартака. Повидимому, под пестрохалатными понимались люди, носившие халаты из пестрого шелка (типа адраса), кото-

¹ В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1888, стр. 25.

² Как известно, имя Чагатай носил сын Чингиз-хана, которому в удел досталась Средняя Азия, и под термином „чагатайский язык“ понимался староузбекский язык. Имелось также узбекское племя чагатай.

рый служил материалом для одежды знати. Отзвук привилегий оголуков сохранился и в воспоминаниях стариков. Так, Хашимбай Азимбаев (родился около 1879 г.) вспоминает, что раньше оголуки „плохо относились к чартакцам и не давали им воду“. Предание, записанное со слов пожилых айкыранцев, относит возникновение этой группы к эпохе Абдуллахана и считает ее происходящей от воинов последнего (нукар и ляхкар), то есть от людей, принадлежащих к привилегированному военно-служилому сословию. В. Наливкин приводит другой вариант предания¹, который мы считаем далеким от исторической истины.

Среди населения Чартака четко выделяется небольшая группа кыпчаков, живущих на западной окраине земель колхоза им. Сталина в поселке, носящем название Кыпчак-махалля. Раньше этот поселок составлял часть крупного селения Машад, теперь отделенного от территории колхоза им. Сталина Северным Ферганским каналом. По сообщению уроженца этого селения мираба Турсун-ходжи (родился около 1865 г.), кыпчаки поселились здесь после так называемой кыпчакской резни (1852 г.), когда, их предки бежали сюда, здесь осели и впоследствии образовали отдельный квартал.

Обособленной эндогамной группой среди населения Чартака были когда-то цыгане-люди, проживавшие в различных кварталах центральной части Айкырана, в том числе и в Чагатай-махалля, и занимавшиеся производством решет. К настоящему времени они по быту и занятиям почти полностью слились с местным населением.

Многочисленные предания говорят о наличии в составе современного населения этого района киргизского компонента. Киргизами, по преданию, была населена часть кишлака Мучум, где до сих пор имеется квартал Киргиз-махалля. По сообщению упоминавшегося выше Турсун-ходжи, киргизы занимали раньше значительную часть земель, расположенных вокруг машадского мазара. Они отселились отсюда, якобы, после того, как богатый землевладелец, которому принадлежали эти земли, пожертвовал их, в количестве пяти-шести тысяч тананов в вакф мазару. Киргизская группа не захотела остаться на вакуфных землях, так как, по существовавшему поверью, люди, живущие на вакуфных землях, обречены на бедность и неудачи в делах.

В. Наливкин подчеркивает исключительно большую роль киргизов в этногенезе населения Ферганской долины и, особенно, Наманганской области, относя переселение сюда из Алая киргизских родов Багыш и других к XVI веку². О киргизском компоненте в составе населения правобережных селений говорит также наличие здесь отдельных людей с антропологическим типом явно киргизского склада.

Однако не киргизы составили основной пласт в населении интересующего нас района. Об этом свидетельствуют и особенности чартакского говора, и антропологический облик населения: высокий рост мужчин, удлиненные лица с прямыми, иногда горбатыми носами, при наличии в то же время монгольской складки и широкоскулости (у отдельных индивидуумов).

Анализ говора для выяснения вопросов этногенеза населения имеет чрезвычайно важное значение. К сожалению, лингвистическая характеристика наманганского и, в частности, чартакского говора еще не дана языковедами, и мы принуждены ограничиться фиксацией лишь некоторых его особенностей, наиболее бросающихся в глаза. К таким особенностям относится, прежде всего, фонетический строй

¹ В. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1888, стр. 23

² Там же, стр. 13.

этого говора, характеризующийся наличием некоторых элементов сингармонизма гласных, закономерностям которого подчиняются и многие слова не тюркского происхождения, например: „одом“ вместо „одам“, „холос“ вместо „халос“ и т. д. Теми же законами сингармонизма определяются такие переходы гласных, как „мэлик“ вместо „малик“, „Хэшим“ вместо „Хашим“ и др. Особенно характерен для этого говора переход открытого „о“ в слегка лабиализованное „е“, наблюдаемый при образовании грамматических форм, имеющих в своем составе звук „и“, от слов с задним рядом гласных, например: оль—элин, бош—бэши, бор—бэриди и т. п. А. К. Боровков объясняет этот переход отсутствием в говоре, наряду с передним „и“, и заднего „ы“, которое в сингармонизированных говорах закономерно появляется в словах с задним рядом звуков. Вследствие отсутствия здесь двух фонем, при образовании грамматических форм, имеющих в своем составе звуки переднего ряда, звук заднего ряда „о“ переходит в слегка лабиализованное „э“ (сообщено в личной беседе).

Эти черты чартакского говора, сходного с говором соседних районов и города Намангана, позволяют говорить о сохранении, хотя и не полностью, основной черты тюркского вокализма—сингармонизма гласных.

Однако словарный состав, равно как и особая мягкость и певучесть местного говора, определяемые, в частности, значительными количественными различиями в гласных (особенно выделяется долгое „а“ в таких словах, как „майли“, „бригада“ и др.), свидетельствуют о наличии в нем и иного, не тюркского компонента. Многие слова, относящиеся, безусловно, к основному словарному фонду, по своему происхождению таджикские (например, деда—отец; из таджикского дада).

С таджикским языком связаны также такие бытовые термины, как „бешик-бахшанда“—просватанный с колыбели (таджикское—гавора-бахшанда) и ряд широко распространенных в Айкыране слов и выражений: „хэпитмак“ (очевидно, от таджикского хоббози кардан, литературное—оббози кардан)—купаться; „дилим сийо булуп қолди“—я огорчился и другие.

Особенно много таджикских корней встречается в терминологии, связанной с земледелием: „дон“—зерно, „беда“—клевер, „ангур“—виноград (преимущественно незрелый) „хона“—лунка, „ягона олиш“—прореживание (бир хонасидан турта булса, ягона оларидук—если в одной лунке было четыре (растения), мы прореживали).

Анализ таджикских элементов чартакского говора свидетельствует о том, что они вряд ли могли быть заимствованы со стороны. Более вероятно, что эти элементы сохранились как остатки языка одного из важных компонентов, участвовавших в этногенезе местного населения.

Таджикский пласт прослеживается и в топонимике изучаемого района, в которой наличествует значительное количество таджикских названий, начиная с названия „Чор-тоқ“ (таджикское—четыре свода). К таджикским, а может быть, и к древним восточно-иранским корням восходит, повидимому, определенная группа названий кишлаков и каналов, концентрирующихся вокруг древних тепе. Таковы названия селений Ляскидон, Булон, Булянак, Караскон, Мучум, возможно, также Айкыран (Айқырон), название арыка Ширасон (Широсон). К этой же группе можно, повидимому, отнести названия расположенных выше селений Пишкыран и Кушан. Являясь, безусловно, не узбекскими, эти названия не находят объяснения и в современном таджикском языке, их семантика полностью утрачена.]

Повторяющееся в них окончание „он“ можно, повидимому, считать окончанием таджикского множественного числа, которое прослеживается во многих старых таджикских топонимах (например, древний Хутталяна — Хутталон, Хорасан — Хуросон, Касан — Коссон и др.) Это же окончание мы встречаем в немногих известных нам таджикских родоплеменных названиях (например, „джаусарон“ — ячменноголовые; существовало в Самарканде в XIX в.). Эти аналогии дают возможность высказать предположение, что интересующая нас группа названий чартакских селений и арыков являлась названиями родоплеменных ираноязычных групп, обитавших здесь в древности.

Древние названия, будучи непонятными современному узбекскому населению, подвергались переосмыслению, вызвавшему их изменение, порождая объясняющие их легенды и народные этимологии, например, Булянак (уменьшительное от таджикского Булон) толковалось как отделившийся (от узбекского булинмак — делиться).

В противоположность описанной группе названий, большая часть топонимики долин Чартак-сая, Пашата-сая и Наманган-сая представляет собой узбекские названия, ясные по смысловому значению и конструкции, полностью находящие объяснение в нормах современного узбекского языка. Для примера можно привести названия арыков, выведенных из Чартак-сая в его верховьях: Кургон-арык, Янги-арык, Йон-арык, Қыз-арык, Куль-арык, Қара-мурут, Уйгур-арык, Батыш-арык, Қызыл-йор, Қалмоқ-арык, Олма-тикон, Қаровоқ (Қаро-боғ), Урол-арык и т. п.

Немногочисленность таджикских элементов в топонимике Чартака, в подавляющей своей массе узбекской, говорит о том, что древнее ираноязычное население этого района, ассимилированное узбеками, было численно невелико, что и определило вытеснение таджикского языка узбекским. Этот процесс шел согласно открытому И. В. Сталиным закону скрещивания языков: „... при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает. ... при этом происходит некоторое обогащение словарного состава победившего языка за счет побежденного языка...“¹.

Время, к которому относится вытеснение таджикского языка узбекским, остается неясным, так же как и вопрос о первоначальной родине тюркоязычного населения этого района.

Характерные черты чартацкого говора, сближающие его с уйгурским (А. К. Боровков причисляет его к „уйгуризованным“ говорам узбекского языка), свойственны, вместе с тем, и многим другим районам севера Ферганской долины, и вопрос об их происхождении является одним из важных звеньев в решении вопроса о происхождении всего тюркоязычного населения Ферганы в целом.

Известна связь Ферганы с Кашгаром и населяющими последний тюркоязычными, в том числе и уйгурскими, группами, родственными населению Узбекистана; известны также факты переселения довольно значительных масс населения Кашгара в Фергану в конце XVIII и начале XIX вв.

Однако этнографические данные заставляют отрицательно относиться к предположению, что общие черты в уйгурском языке и в на-

¹ И. Сталин, Относительно марксизма в языкознании, Госполитиздат, 1950, стр. 27.

манганском говоре узбекского языка обязаны своим происхождением этим поздним переселениям. Переселения эти не имели массового характера и не вели к смешению с местным населением немногочисленных переселившихся из Кашгара групп. Последние четко выделялись окружающим населением под названием „кашкарлык“, которое сохранялось за их потомками очень долго. Сохранялась также и их замкнутость, например, в отношении браков, как правило, заключавшихся либо в своей среде, либо в родственных группах, имевшихся в других районах. Так, группа кашкарлыков, населявшая отдельный квартал Кашкар-махалля в расположенном неподалеку от Чартака кишлаке Машат, имела брачные связи и постоянно общалась с более крупной группой кашкарлыков из селения Кызравот в районе Уйчи. Группа, населяющая квартал Кашкар-махалля, состоит сейчас, приблизительно, из 60 семей и, согласно преданию, сообщенному мирабом Турсун-ходжой, происходит от переселенцев, пришедших сюда „во времена Якуббека“. Это сообщение относит время переселения их к середине XIX в¹.

Особой народностью узбеки Чартака считают так называемых „уйгурлуқ“, также переселенцев из Кашгара, имевших прозвище қызыл-қулоқ—красноухие. Эта группа населяет некоторые кишлаки в верховьях Чартак-сая (Кишлак Пишкыран, колхозы им. Сталина и Узгарийш). Их именем называется и один из каналов, отведенных от этого сая. Вопрос о связи этой группы с кашкарлыками остается неясным.

Резкая грань, которая существовала между основным населением изучаемого района и поздними переселенцами из Синьцзяна—уйгурами и кашкарлыками—не позволяет отнести за счет влияния последних особенности северо-ферганских узбекских говоров. Скорее можно думать об известной общности этногенеза ферганских узбеков и уйгур на более ранних этапах истории или о тех культурных и хозяйственных связях, которые издревле существовали между тюркоязычным, а еще раньше ираноязычным населением Ферганской долины и Кашгарии, и которые уже отмечались в литературе².

Таким образом, процесс этногенеза населения Чартака, этого древнего района обитания человека, представляется нам как сложный процесс слияния и взаимной ассимиляции разнородных элементов. Важнейшую роль среди них играли немногочисленные, но более ранние ираноязычные группы и более поздний, но гораздо более значительный по своей численности тюркоязычный пласт. Последний, возможно, был связан с теми компонентами, которые, играя решающую роль в сложении тюркоязычного, в том числе и уйгурского населения Синьцзяна, в то же время приняли участие и в процессе формирования узбекского населения изучаемого района, так же как и всей северо-восточной части Ферганской долины.

¹ События этого периода, связанным с именем Якуб-бека, посвящена значительная литература. Библиография приведена в статье М. Ф. Гаврилова „Страничка из истории Якуб-бека Бадавлата—правителя Кашгарии“ (Сб. „В. В. Бартольд“, Ташкент, 1927 г., стр. 25). О них упоминается в Истории народов Узбекистана (том II, стр. 226, 239, 246—247).

² История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 246.

ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

По роду занятий население Чартака искони земледельческое. Земледелие давало чартакцам основные средства к существованию. Однако для большинства дехкан в условиях кишлака дореволюционного периода, страдавшего от малоземелья и маловодья, это были средства чрезвычайно скудные. Дехкане Чартака, в особенности бедняцкий слой, были принуждены довольствоваться посевами тех культур, которые требовали меньше воды, изошряясь в то же время в максимально рациональном и тщательном выполнении полевых работ, в частности—орошения.

Из возделывавшихся здесь культур большое место занимали зерновые, в особенности пшеница, как поливная, так и неполивная.

По данным итогов поземельно-податных работ 1897—1899 гг., когда хлопководство в Ферганской долине было уже высоко развитым и хлопок успешно вытеснял с поливных земель пшеницу и другие зерновые культуры, в Айкыране под пшеницу отводилось лишь немногим меньше земли, чем под хлопок (под хлопок—291,8 дес., под пшеницу—253,8 дес.)¹. Следует учесть, что посевы зерновых культур в опубликованных данных были, повидимому, сильно преуменьшены: вовсе не указаны посевы джугары, которая в Айкыране всегда играла большую роль в питании беднейших слоев населения; в то же время по всей волости показан слишком большой процент „второстепенных“ посевов (28,8%); можно думать, что в это число вошли посевы джугары, кукурузы и др. Сравнение приведенных выше, явно преуменьшенных, цифр с итоговыми данными по всей Чартакской волости, где хлопок занимал 33,3%, а пшеница всего 17,8%, показывает, что Айкыран имел значительно меньше возможностей для развития хлопководства, чем другие селения волости.

Под влиянием первой империалистической войны соотношение между зерновыми культурами и хлопком в Айкыране, как и в других районах, изменилось в пользу зерновых. Пшеница, ячмень, кукуруза, джугара занимали в эти годы в Чартакской волости 2887,4 дес., в то время как хлопок сеялся только на 1806,4 дес. (т. е. 61,5% и 38,5%)².

Факт засеивания пшеницей поливных земель в Чартаке, подтвержденный многочисленными устными сообщениями, обуславливался,

¹ Материалы для статистического описания Ферганской области, Результаты поземельно-податных работ, вып. III, Наманганский уезд, Скобелев, 1910, стр. 77.

² Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг., вып. II, Самарканд, 1925 г., табл. 1, графы 70—80.

прежде всего, маловодьем, лишавшим дехкан возможности культивировать на своих землях более выгодные, но в то же время и более водолюбивые растения.

Пшеница могла приносить хороший по тому времени урожай всего при двух, максимум—трех поливах, которые давались к тому же в периоды наименьшей напряженности: поливная пшеница была озимой и поливалась один раз осенью и два раза (а в засушливые годы один раз) весной. Эта культура привлекала дехкан и меньшей трудоемкостью, так как она никакой дополнительной обработки, кроме посева и полива, не требует. Бедняки, которых продукция собственного хозяйства обеспечить не могла, засевали землю пшеницей, стремясь освободить свое время для приработки.

При недостатке удобрения (навозом располагали лишь наиболее состоятельные хозяйства, имевшие достаточно скота) посевы пшеницы требовали обязательного оставления земли под паром, вследствие чего участок, предназначавшийся под озимую пшеницу, распахивался с весны и лежал неиспользованным до осени. По сообщениям, урожай достигал в хорошие годы 96 кг зерна с танапа (0,18 га), т. е. около шести центнеров с гектара. На танап высевалось 19 кг зерна—таким образом, урожай в сам-пять считался хорошим¹.

Помимо озимой поливной, сеялась и яровая неполивная пшеница. В Чартаке был распространен сорт, называвшийся қайроқы (название дано, очевидно, за твердость зерна: қайроқ—галька). Особенностями этого сорта, при прекрасном качестве зерна, было то, что он мог высеваться и как озимый, и как яровой, а также стоять долго на корню, не осыпаясь. Это давало возможность производить посев в тот момент, который оказывался более удобным, и откладывать жатву на более свободное время, иногда отодвигая ее на осень и производя после сбора хлопка. От долгого стояния на корню качество зерна повышалось, и единственной грозившей ему опасностью были нападения грызунов и птиц, при появлении которых приходилось спешить с уборкой. На неполивных землях высевали семян в четыре раза меньше, чем на поливных, урожай же целиком зависел от атмосферных осадков. Нормальным считалось получение урожая от неполивной пшеницы раз в три года.

Из зерновых, кроме пшеницы, в большом количестве сеяли джугару (вид сорго), которая отличается высокой урожайностью. Высеваемая на танап 4—4,5 кг джугары (зерна высаживались в лунки), получали до 300 кг зерна и длинные стебли, которые шли на корм скоту и на топливо. Джугара составляла основной продукт питания беднейших слоев населения, служа в виде муки для выпечки лепешек, а в виде зерна (дробленного в ступке) для приготовления похлебки или жидкой каши (куча).

В значительно меньшем количестве сеяли кукурузу; зерно, в основном, размалывалось на муку и употреблялось для выпечки хлеба.

Культура джугары, так же как и кукурузы, была, однако, трудоемка и, значительно истощая землю, требовала удобрений. Беднякам, принужденным экономить свое время для приработки на стороне, эти культуры также были нередко не под силу.

От 10 до 15 процентов земли засевалось машем, несмотря на его малую урожайность (маш давал 50—80 кг зерна с танапа). Разведение этого растения стимулировалось давно подмеченным дехканами

¹ В настоящее время, при засевании поливных земель пшеницей (что иногда имеет место на приусадебных участках) урожай с танапа достигает 300 кг, т. е. около 18 ц с га.

Чартака свойством бобовых, к которым принадлежит маш, повышать урожайность почвы. Считалось также, что посевы маша способствуют искоренению наиболее устойчивых сорняков.

Люцерна (беда) возделывалась в небольших количествах и использовалась в своем хозяйстве, на корм скоту. Естественно, что в хозяйстве баев, имевших сравнительно много скота, содержавшегося в стойлах, посевы люцерны занимали большое место; в бедняцких хозяйствах их, как правило, не было вовсе.

Рис (шали) не имел в маловодном Чартаке сколько-нибудь широкого распространения. Лишь 100 танапов из всего земельного фонда кишлака—заболоченная площадь, известная под названием Айкырон-кўли, где из-под земли просачивались небольшие роднички, могла быть использована под рис. Рис засевался ежегодно на одном и том же месте. Земля не истощалась вследствие очень остроумного способа ее удобрения рисовыми стеблями: срезая при жатве лишь верхнюю половину стеблей, нижнюю запахивали, и землю оставляли на некоторое время залитой водой, вследствие чего остатки растений быстро перегнивали. Состоятельные владельцы рисовых участков, кроме того, удобряли землю размельченным жмыхом (кунджоля), который вносился в размере от 10 до 20 пудов на гектар. Высевая на гектар 15 кг семян, собирали, при хорошем урожае, до тонны неочищенного риса.

Хлопок на Чартакских полях был распространенной, хотя и не всем доступной культурой. Препятствием к развитию хлопководства являлось, прежде всего, маловодье—два-три полива, на которые могли рассчитывать чартакцы, естественно, не обеспечивали хороших урожаев хлопка. Урожайность его была низка также из-за отсутствия у большинства дехкан, как правило, имевших мало скота, необходимых при возделывании хлопка удобрений. В качестве последних, помимо навоза, употреблялась земля с холмов, старые глинобитные заборы и ил из арыков, вывезти которые на поля мог опять-таки лишь тот, кто имел лошадь с арбой или хотя бы осла.

Жмых, который считался лучшим видом удобрений, для дехкан-бедняков и даже середняков был еще менее доступен.

Хлопок сеяли на одном и том же участке от трех до пяти лет подряд, после чего истощенную землю засевали, обычно, люцерной. Факт засеивания хлопком одних и тех же участков в течение нескольких лет подряд отмечен и В. Юфевым¹. Высеивался хлопок либо на грядках (способ „джуяки“ от таджикского джюак—грядка), либо по борозде вспаханного поля, во время поливов заливавшегося (способ „намаки“, от таджикского нам—сырость).

Урожай при самом лучшем уходе не превышал 1², максимум 15 пудов хлопка-сырца с танапа (т. е. около 12 ц с га)². Отдельные сведения о получении урожая в 25 пудов с танапа, т. е. около 20 ц с га, очевидно, преувеличены.

При менее тщательной обработке и удобрении земли урожай снижался до 7—8 пудов с танапа (т. е. 5—6 ц с га), что являлось обычным для посевов бедняков-дехан, у которых не было ни времени, ни средств для того, чтобы хорошо обработать свою землю.

Посевы хлопчатника, получившего в Чартаке распространение с начала XX в., в более отдаленном прошлом занимали на полях селения сравнительно небольшое место. Некоторые старики помнят еще

¹ В Ю ф е р е в, Хозяйство сартов Ферганской долины, Ташкент, 1911, стр. 34.

² Ежегодник Ферганской области за 1903 г., т. II., Маргелан, 1903.

то время, когда каждая семья сеяла хлопок только для своих нужд и сама перерабатывала его в вату, затем в нитки и ткань. Ткань домашней выработки служила основным материалом для одежды местного населения вплоть до конца XIX в.

Такое положение было характерно в восьмидесятих годах прошлого столетия для всей Ферганской долины. Как пишет автор обзора Ферганской области за 1884 г., "...небольшим подспорьем в сельском хозяйстве служит разведение хлопчатника, который перерабатывается преимущественно на месте в разного рода бумажные изделия..."¹. В Чартаке в этот период, при наличии в хозяйстве излишков хлопка, его перерабатывали на пряжу, охотно покупавшуюся ткачами Намангана; здесь была развита выработка полущелковых тканей, на уток которых шла кустарная бумажная пряжа.

Лишь позже, в самом конце XIX в., хлопок получил тот товарный характер, который сделал его основной и почти единственной культурой, приносившей дехканам денежный доход. Это было связано с распространением нового сорта хлопчатника, так называемого американского. Последний был завезен в Среднюю Азию через Россию, в интересах русских фабрик, для которых среднеазиатское хлопководство к концу XIX в., в обстановке кризиса хлопководства в США и быстрого развития текстильной промышленности в России², получило особое значение. Увеличение спроса на среднеазиатский хлопок вызвало резкое повышение товарности хлопководства, раньше, как мы видели, имевшего натуральный характер, и повлекло за собой увеличение площади посева, которое, однако, в Чартаке было далеко не столь значительно, как в других, более обеспеченных водой районах Ферганской долины.

Наряду с новым сортом, продолжали сеять и некоторое количество хлопка местного сорта, дававшего рыжевато-серое волокно (малля), которое считалось очень теплым и особенно охотно употреблялось для стеганых одеял. Кроме того, из волокна малля вырабатывалась толстая ткань, которая шла на халаты без стежки и подкладки, считавшиеся в XIX в. наиболее подходящим выходным платьем для мужчин. Хлопок сорта малля сеяли лишь для себя, и на рынок ни волокно, ни изготовленная из него ткань не поступали.

Остальные отрасли земледелия—садоводство, огородничество, виноградарство—не имели в селениях Чартака промышленного значения. Их продукция в каждом хозяйстве шла, как правило, на удовлетворение собственных нужд и на рынок поступала в незначительном количестве.

Скотоводство в самом Чартаке не получило развития,—отсутствие хороших выгонов лимитировало количество разводимого скота. Здесь содержались рабочие волю, молочные коровы и бараны. Держать коз избегали, считая это занятием "для себя позорным" (узига омум қилариди). Не было принято ездить на ослах, это вызывало асмешки. Не возили на ослах и ценные грузы, такие, как зерно и т. п. Ослы употреблялись единственно для перевозки удобрений и топлива—стеблей хлопчатника и колючки.

Большой любовью пользовались лошади. Наличие лошади в хозяйстве считалось свидетельством богатства. Помимо рабочих лошадей—верховых и запрягавшихся в арбу (пахали на лошадях редко),

¹ Приложение к всеподаннейшему отчету, Обзор Ферганской области за 1884 г., стр. 5—6 (место издания не указано).

² История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 273—274.

богачи имели породистых скаковых коней, которые содержались в стойлах и тренировались для участия в скачках и конных спортивных играх.

Рогатый скот, преимущественно рабочий, содержался в селении и выпасался на адырах и в зарослях кустарника, покрывавшего юго-западную часть земель селения Айкыран, где сейчас располагаются лучшие поля колхоза. Скот пасли специальные пастухи, старики и подростки, которые нанимались сообща жителями каждого квартала. Скот баев пасли их работники (қорол), обычно подростки.

В качестве кормов на зиму заготавливали сено из дикорастущих трав (бичан), мелкую солому (самон); подкармливали скот жмыхом, хлопковыми семенами и отбросами хозяйства.

Наряду со слабо развитым животноводством стойлового типа, имевшим чисто потребительский характер или дававшим тягловую силу, у населения Чартака, так же, как и у населения всей Ферганской долины, издавна сложились своеобразные формы промышленного скотоводства, для которого использовались горные пастбища Киргизии и киргизское население. Пастухи-киргизы брали на себя на определенных условиях выпас многочисленных отар овец, принадлежавших баям Чартака. Торговля скотом составляла в значительной степени специфику чартацкого рынка, являясь в то же время важным видом деятельности большинства наиболее крупных торговцев Чартака.

Наличие выработанных форм отгонного промышленного скотоводства и установившихся в нем производственных отношений говорит о том, что оно практиковалось здесь издавна.

Покупая весной в горах Киргизии большое стадо овец, бай-скотопромышленник передавал его там же на выпас киргизам. К зиме стадо пригонялось в равнину, и большая его часть распродавалась. Оставшаяся часть, состоявшая из одних кастрированных баранов, держалась зиму в огороженных высокими стенами загонах (қурғон). Весной это стадо либо снова выгонялось в горы, либо распродавалось на месте. Иногда стадо содержалось в горах два-три года. Каждый скотопромышленник эксплуатировал определенные семьи закабаленных киргизов-бедняков, нередко подолгу живя в горах и лично наблюдая за содержанием стада. Условия, на которых киргизы выпасали скот, были различны. Повидимому, наиболее благоприятными для пастухов были отношения тенг-урток—половинщиков (пастухи получали половину той прибыли, которая доставалась хозяину при реализации стада осенью). Формы эксплуатации киргизов-пастухов, их отношения с хозяевами стад и условия их быта складывались далеко за пределами изучаемого района и потому не могли быть достаточно полно исследованы.

Помимо овцеводства, некоторое развитие имело и коневодство, также промышленного характера, при аналогичных формах его организации.

Связанная с животноводством терминология отличается богатством. Имеются особые термины для обозначения животных разного возраста и состояния. Особенно богата терминология коневодства, где для обозначения кобылиц имеется четыре термина (бия, байтал, йилқы, ғунон). Конь-производитель обозначается термином айгыр, пяти-шестилетний конь—пишти, трех-четырёхлетний—той, жеребенок—кулун. В овцеводстве различают самец-производитель (қучқор), кастрированный самец (сувай-қой), овца (соғлуқ), ягненок (барра).

Обращает на себя внимание тюркское происхождение этой терминологии (за исключением термина барра),—несомненное свидетельство

ство того, что скотоводческая линия связана по своему происхождению с тюркским кочевым компонентом в составе местного населения.

Несомненно, велико здесь и влияние терминологии киргизов, в руках которых находилось в значительной степени это производство.

Традициями тюркского кочевого скотоводства, вероятно, объясняется пренебрежительное отношение к козам и ослам: оно свидетельствует об отсутствии здесь навыков разведения этих животных, как известно, чрезвычайно распространенных и любимых в других районах Узбекистана.

Одной из товарных отраслей хозяйства, приносившей дехканам денежный доход и доступной беднейшим слоям населения, являлось шелководство, не получившее, однако, широкого распространения. Коконь почти полностью продавались в Намангане. На месте разматывался преимущественно брак. Из него изготовлялась грубая шелковая пряжа, которая тут же, в кишлаке, перерабатывалась на ткань.

Ремесло в изучаемый период было весьма примитивным. Его формы, сохранившие черты начальных ступеней развития, имеют исключительный интерес для изучения истории развития ремесленной промышленности в Узбекистане. Являясь примером примитивного, не имевшего товарного характера сельского ремесла, они типичны для некоторых районов Узбекистана, в то время как для других (Самарканд, Бухара) истари были типичны формы более развитой сельской товарной ремесленной промышленности, поставлявшей продукцию на широкий рынок.

Особенно характерно для истории кустарной промышленности того или иного района ткацкое ремесло, всегда отличавшееся наибольшей товарностью и, по словам В. И. Ленина, наиболее показательное для понимания эволюции производственных отношений в ремесле.

В Чартаке среди всех видов ремесленной деятельности выработка тканей получила наибольшее развитие. Это отразилось и в топонимике—в названии одного из кварталов селения—Бузчи-махалля, что значит—квартал ткачей маты. В Чартаке ткали многие. Семидесятилетний колхозник, в прошлом ткач Юлдашбай Хакимбаев считает, что этим ремеслом занималось не меньше 25% жителей селения. Однако ни для кого ткачество не являлось основным занятием; оно было лишь подсобным, зимним и прекращалось к началу сельских работ.

Производство тканей на рынок не получило здесь развития. Ткани местной выработки поступали в продажу лишь случайно—при экстренной нужде в деньгах или при случайно же оказавшихся в семье излишках.

Для ткачества в Чартаке было характерно изготовление тканей по специальному заказу, обычно из материала заказчика, вследствие чего производство имело мизерные размеры. Основа для бумажной ткани закладывалась не больше чем на семь-восемь халатов (50—60 газ¹), для шелковой—на один-два халата (8—16 газ¹). Оплата шла натурой; за ткань 60 газ¹ бумажной ткани (буз) ткач получал один пуд пшеницы; денежная оплата не применялась вовсе.

Такой примитивный характер производства являлся, однако, определенным этапом в развитии ткацкого ремесла этого селения. Старики помнят рассказы своих отцов и дедов о том, что в их времена производство имело еще не ремесленный, а домашний характер—тка-

¹ Газ в Чартаке считался равным четырем четвертям (турт карич).

ни производились лишь для своей семьи, причем и все сырье шло из собственного хозяйства: сами сеяли хлопок, в том количестве, которое было потребно для нужд семьи, сами очищали его от семян; дома выпрядалась и пряжа.

В описываемый период во всех кишлаках Чартака вырабатывали мату (буз)—белую, желтую (малля), из специального сорта хлопка, и полосатую. Чисто шелковые ткани не производились. Полушелковые (типа бекасаба) также делали полосатыми, в довольно широкие полосы одинаковой ширины. Этот характер узора обуславливался примитивностью техники снования: основа (уруги) делилась на связки (бог), состоявшие из 100 нитей каждая. При закладывании основы каждая связка делалась из пряжи одного цвета, что и давало широкие одноцветные полосы равной ширины. Этот характер полосатых узоров остается типичным для некоторых кустарных полосатых тканей Ферганской долины и поныне.

Бумажные ткани делались в две с половиной—три связки; ценные полушелковые—в шесть связок, достигая большой плотности. Уток был бумажный. Полушелковые ткани изготовлялись обычно на четырех ремизах и были односторонними, приближаясь по типу к атласу.

Ткали и женщины, и мужчины, и это искусство было в семье традиционным: дети сызмальства обучались ткачеству у родителей. Так, по воспоминаниям Урманджана Турабаева, одного из наиболее активных участников колхозного строительства в Айкыране, в его семье ткали отец, мать, один брат и он сам. Другие два брата и сестра ткать не умели.

Еще более примитивна, чем ткачество, была организация размотки коконов. Это занятие, требующее специальной подготовки, находилось в руках женщин, мужчины занимались разматыванием коконов крайне редко.

Мотальщицы очень ценились. Работа производилась на дому у мастерицы, но заказчицы, приезжая к ней обычно на арбе, большой компанией, привозили с собой все необходимое как для производства, так и для питания: коконы, дрова и продукты, включая даже лук и соль. Заказчицы сами готовили обильное угощение, состоявшее из лапши, плова, лепешек и фруктов, не только для себя и мастерицы, но и для всей ее семьи. Все, что оставалось, шло также в пользу хозяйки дома. Труд мотальщицы оплачивался из расчета один рубль за пуд размотанных коконов. Нередко, впрочем, вознаграждение составляли привозимые с собой и остававшиеся в пользу мотальщицы продукты.

Как в ткачестве, так и в размотке коконов, сохранивших полудомашний характер, не создалось никакого подобия цеховой организации. Здесь не было ни выборного старшины, ни цехового статута—рисоля. Ученичество осуществлялось обычно в рамках семьи, подмастерья (хальфа) полностью отсутствовали.

Вторым видом ремесел, получивших развитие в местных условиях, были строительные: плотничье (дуводгарлик), строительное (сувохчилик) и кладка глинобитных заборов (доволькашлик). Первое и второе были представлены 25—30 ремесленниками каждое, третье—несколько меньшим числом. Сравнительная многочисленность в Айкыране строительных мастеров показывает наличие в этом деле четкой специализации. Повидимому, население Чартака издавна отошло от более примитивной организации строительных работ—силами семьи или привлечением соседей и родственников путем устройства помочи. Этим способом выполнялись лишь не требующие квалификации земляные работы. Планировка здания, вязка каркаса, выведение каминных и стеновых ниш, оштукатуривание стен производились специалистами, чем

объясняется сравнительно высокий уровень архитектуры в Айкыране. Об искусстве строителей свидетельствует значительное количество старых и новых домов, хорошо спланированных и оштукатуренных.

Массовый характер давно уже получил в кишлаках Чартака обычай хорошо штукатурить дома, отсутствовавший в других, более мелких кишлаках этого района, например в Карабоге, где старые дома построены гораздо примитивнее и далеко не всегда оштукатурены. Возможно, именно оштукатуривание домов (наряду с плотничными работами) и было первым и основным шагом в профессионализации строительных работ, почему за мастерами-строителями, выполнявшими все виды работ, связанных с глиной (кладку и штукатурку) закрепилось название сувохчи (от узбекского сувох-штукатурка).

Если низкое развитие ткацкого и шелкомотального ремесел обусловило и примитивные формы их организации (в них не имелось ни корпорации, ни цехового старшины, ни специального культа), то строители, не образуя самостоятельного цеха на месте, входили в корпорацию мастеров-строителей города Намангана. Они участвовали в празднествах и обрядах корпорации, получали там посвящение и нередко проходили обучение у городских мастеров.

Промышленными заведениями, обслуживавшими потребности чартакского населения, являлись мельницы, крупорушки и маслодавилни. На Айкыран-арыке были четыре мельницы и одна крупорушка, поставленная на арыке Бака-тэши, нижнем отводе Айкыран-арыка. Все они принадлежали баям и обслуживались наемными рабочими и издольщиками. Условия работы на них остались невыясненными.

Сведений о количестве маслодавилен нет, известно лишь, что их было немало. Условия работы на них выясняются из рассказа члена колхоза Наима Гийоева, каратегинца по происхождению, давно поселившегося в Айкыране и женатого на местной уроженке. До революции он работал в качестве хальфа—рабочего-маслодела на маслобойке бая. Мастерская, волю, вращавшие пест, и все оборудование принадлежали баю. Наим Гийоев вкладывал свой труд и покупал на свои деньги семена, от трех до пяти пудов, раз в неделю, в базарный день. Продукция, по договору, делилась таким образом: большую часть масла получал рабочий, а бай—остальную часть масла и жмых, используя его на корм для своего многочисленного скота и в качестве удобрения.

Все отрасли хозяйства селения носили экстенсивный характер, отличались низким уровнем техники и малой производительностью труда.

Экстенсивный характер земледелия определялся, прежде всего, необходимостью оставления под паром примерно одной трети всей земельной площади. Так, старший конюх колхоза Абдурахман Тиллябаев, будучи сыном безземельного дехкана, который брал у баев землю в издольную аренду, рассказывает, что из 15 танапов арендовавшейся отцом земли пять танапов ежегодно оставались под паром.

Экстенсивность земледелия характеризовалась также преобладанием менее продуктивных и менее товарных культур, в частности зерновых, над культурами более продуктивными, что обуславливалось недостатком поливной воды, а также малым количеством вносимых удобрений.

Уровень техники характеризовался применением омача—деревянного плуга с чугунным наконечником и деревянной бороны без зубьев (мола). Многие работы выполнялись вручную, при помощи кетменя (разделка грядок, посев, окучка). В наиболее бедных и малоземельных

семьях, вследствие отсутствия рабочего скота и инвентаря, кетменем производилось и рыхление почвы под посевы.

Насколько большую роль играл в земледелии ручной труд, видно из того, что наиболее распространенной мерой площади в Чартаке был чек (в условиях Чартака равнялся одной трети танапа), представлявший собой участок, который мог быть обработан—вскопан кетменем, либо разделан на грядки, либо окучен в течение одного дня одним человеком.

Экстенсивный характер земледелия приводил к тому, что норма земли, могущая обеспечить самое скромное существование средней дехканской семьи, была здесь значительно выше, чем в других районах Ферганской долины, где имелось развитое хлопководческое хозяйство. Если в других районах, по словам В. Юферева, исследовавшего хозяйство дехкан Ферганы, "... при местных условиях самостоятельное земледельческое хозяйство могло быть ведено на шести танапах, т. е. на одной десятине"¹, то в селениях Чартака эта цифра повышалась до десяти танапов. Владельцы меньшего количества земли, как правило, должны были подрабатывать поденщиной или брать дополнительную землю в аренду.

Экстенсивный характер носило скотоводство, базировавшееся на горных пастбищах Киргизии, где скот выпасался преимущественно на подножном корму. Стойловое содержание скота не получило в Чартаке развития, вследствие отсутствия достаточных по размерам и качеству местных пастбищ и необеспеченности кишлака водой, что не давало возможности выделять сколько-нибудь значительную площадь для посевов люцерны.

На чрезвычайно низком техническом и организационном уровне, о чем было уже сказано выше, находилась и местная промышленность.

Таким образом, как сельскохозяйственное, так и промышленное производство Чартакского района находились на низком уровне, входящем в ряды отраслей до примитива.

Лишенный, вследствие извечного недостатка поливной воды, возможности перейти к интенсивному земледелию—к массовым посевам хлопчатника, Чартак далеко отставал от других районов Ферганы в развитии хозяйства и связанных с ним общественных отношений. Система хозяйства здесь оставалась в основном феодальной.

Однако и в Чартаке процесс развития капиталистических отношений, главным образом в областях хлопководства и промышленного скотоводства, все же имел место. Он протекал в условиях, особенно тяжелых для трудового народа, положение которого характеризовалось, как говорил, ссылаясь на К. Маркса, В. И. Ленин, тем, что „Вредные стороны капиталистического способа производства... совпадают... с вредом, проистекающим от недостаточного развития капиталистического способа производства“².

¹ В. Юферев, Хозяйство сартов Ферганской долины, Ташкент, 1911, стр. 21.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 125.

ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

Земельная собственность в Айкыране, как и во всем Узбекистане, вплоть до Октябрьской революции являлась основой феодальной эксплуатации и закабаления дехканства.

Вся поливная земля находилась в частной собственности (мульк), переходила по наследству, покупалась и продавалась, что оформлялось у казиев соответствующими документами (васика). Вместе с тем сохранялось архаическое соседское право на продаваемую землю, которое делало обязательным при продаже земли постороннему лицу согласие на это соседа, имевшего право расторгнуть заключенную без его ведома сделку и самому купить продаваемый участок. Баи ловко использовали соседское право. Оттягав у бедняка часть участка в уплату за долг, бай получал право на покупку остальной части, и всеми силами добивался того, чтобы его жертва была вынуждена продать свою землю. Как правило, деньги в долг давались под залог земли. При широком распространении такого порядка возможность использования соседского права оказывалась средством для концентрации в руках баев земель односельчан.

Соседское право не могло быть использовано, однако, человеком бедным и невлиятельным: он был не в состоянии выступить конкурентом крупного бая, если последний решался нарушить это право.

В конце XIX—начале XX вв. вся поливная земля была измерена и обложена налогом (ульпон). Этот порядок обложения был введен после присоединения Средней Азии к России. Замена феодальной натуральной ренты, каковой являлся харадж, денежным налогом была, безусловно, явлением прогрессивным. Харадж, взимаемый в размере одной пятой части урожая, представлял собой своеобразную форму государственной издольщины и был крайне обременителен для трудового дехканства не только в силу своего размера, но и вследствие способа его взимания. Необходимость при такой системе обложения ежегодного определения размеров урожая создавала широкие возможности для всяких злоупотреблений и произвола, от которых дехкане страдали не меньше, чем от высоких налогов.

Вода отдельно от земли не могла ни покупаться, ни передаваться по наследству. Однако, по сообщению мираба Турсун-ходжи, на родники и вытекающую из них воду существовало право владения, оформлявшееся в ханские времена специальными документами (васика). Подобные документы, согласно этой информации, имелись у тех землевладельцев, на чьих землях находились многочисленные родники, питавшие Чартак-сай. Эти документы были выданы еще кокандскими.

ханами, и право на воду родников давно сделалось формальностью, нарушаемой самой жизнью. В более отдаленном прошлом при слабом развитии земледелия и значительно меньшей густоте населения вода находящихся в частном владении родников не могла быть использована их владельцами полностью и заболачивала нижележащие земли. При постепенном освоении этих заболоченных земель (о чем говорят многочисленные народные предания) и превращении их в орошенные поля хозяева родников не могли возражать против использования воды, сбрасываемой раньше за ненадобностью. Их потомки должны были считаться со сложившимся в течение веков правом на воду жителей всего оазиса, который образовался на той или иной связанной с Чартак-саем водной системе. Владельцы земель, расположенных в верховьях Чартак-сая, могли лишь забирать максимальное количество воды для орошения своих участков, и они использовали это право для развития наиболее выгодной в доколониальный период культуры риса, „не думая,—по выражению информатора,—о том, что ниже по течению сидят люди, страдающие от безводья“.

Такое же положение отмечает и составитель „Обзора Ферганской области за 1893 г.“ „Пользование водой производится... на основании прав, приобретенных еще во времена мусульманского владычества и мало согласованных с местными потребностями в воде“¹.

Как пережиток права на воду родников до Октябрьской революции сохранялся обычай ежегодно просить у старшин тех селений, на территории которых находились родники, разрешения на пользование водой. Эта просьба сопровождалась угощением и подарками, затраты на которые ложились дополнительным бременем на дехкан нижележащего района.

Сложившееся исстари водное право закрепляло за каждым участком поливной земли более или менее определенное количество воды, необходимой для его орошения. Норма воды при отсутствии точных измерителей могла, конечно, несколько варьировать, что оставляло возможность злоупотреблений и ставило маломощные хозяйства в худшие условия. Однако эта норма могла колебаться лишь в определенных границах. Амплитуда этих колебаний в Айкыране определялась потребностью в воде исстари возделывавшихся здесь поливной пшеницы, которая могла расти при наименьшем количестве воды, и хлопка, который нуждался в более обильных поливах. Обычное право воспрещало сеять в этом районе такую водолюбивую культуру, как рис.

Распределение воды в период полива также было регламентировано обычаем и производилось в определенном порядке, что, однако, не исключало злоупотреблений со стороны ведавших распределением воды выборных лиц—мирабов. Поэтому распределение воды находилось под бдительным контролем водопользователей. Перед очередным поливом мирабы были обязаны обходить поля и отмечать те посевы, которые недополучили воду в прошлый полив и находились под угрозой гибели. Такие посевы должны были получить воду в первую очередь, и право хозяина посева охранялось всем обществом. К моменту пуска воды старики—представители тех слоев дехкан, которые опасались нарушения своих прав—выходили к водоразделу и садились там, по выражению информатора, „...похожие со своими длинными белыми бородами на ангелов“. Патриархальное уважение к старикам, их присутствие должны были несколько удерживать от злоупотреблений. О том, что злоупотребления имели место, свиде-

¹ Обзор Ферганской области за 1893 г., Новый Маргелан, 1895, стр. 33—34.

тельствуют данные фольклора. В Чартаке многие еще помнят сатирическую песню о главном мирабе Мулло-Толибе, который, будучи подкупленным, оставил без воды селение Караскон, расположенное на Ширасон-арыке. Песня эта пелась под дутар и имела унылый припев: „Кельмас Каросконнинг суви“ (Не придет вода Караскона)¹.

Неполивные земли, на которых сеяли богарную пшеницу, а также выгоны находились в общественном владении. Однако если выгоны использовались всеми жителями селения без ограничений, то посевная земля закреплялась за каждым хозяйством по праву первой запашки. Границы участков намечались бороздой, проведенной омачом. В случае нарушения этой непрочной, легко стиравшейся границы происходили споры, нередко кончавшиеся побоищем. Право на распашку того или иного участка сохранялось до тех пор, пока человек обрабатывал его. Заброшенный участок могли использовать другие, причем преимущественное право на это признавалось за соседями.

Бывали случаи, когда после нескольких засушливых лет неполивные земли забрасывались. При возобновлении посевов считались с прежними границами, однако именно при таких перерывах в пользовании землей часто происходил захват чужих участков, сопровождавшийся ожесточенными спорами.

Несмотря на давно установившееся индивидуальное пользование неполивной землей, она не продавалась и не покупалась. Вследствие полной неустойчивости урожая с неполивных земель, колониальные власти не облагали эту землю поземельным налогом ульпон. Вплоть до начала XX в. с нее продолжал взиматься налог с урожая в его старой форме ушр, равный одной десятой урожая.

Часть земли кишлака составляли вакуфы, завещанные в разное время различными лицами в пользу „богоугодных“ заведений—мечетей и медресе.

Степень развития в Айкыране этой формы землевладения остается неясной. В опубликованных „Результатах поземельно-податных работ (1897—1899)“ мы находим по всему Айкыранскому сельскому обществу всего одно, принадлежавшее наманганскому медресе Мехмонхан-тюра-мавляви, вакуфное владение, состоящее из 2 десятин, 275 квадратных сажен земли². Из сообщения айкыранских старожиллов видно, что, в действительности, вакуфных земель в кишлаке было значительно больше. Когда крупные вакуфы были в 1925 г. конфискованы и переданы батракам, организовавшим на этих землях артели, в пользовании артели оказалась площадь в 120—150 танапов. Поскольку земли, принадлежавшие кишлачным мечетям, в этот момент конфискованы не были и в эту цифру не вошли, можно заключить, что всего в кишлаке было свыше 250 танапов вакуфных земель. По сообщениям старожиллов, в Айкыране находились вакуфные владения наманганских медресе и мазара Хеджамди мадрасаси—около 150 танапов, вакуф медресе Хазрати-мавляви (повидимому, то же, что медресе Мехмонхан-тюра-мавляви)—около 25 танапов, медресе Ахмад-эшон—около 30 танапов.

Количество земель, принадлежавших айкыранским мечетям, также точно не установленное, вероятно, в общей сложности несколько превышало полсотни танапов. Сведения о вакфах мечетей разноречивы, но все сходятся на том, что большая часть мечетей Айкырана, Бешкапа и Булянака (всего 12 мечетей) имели вакфы очень незначительные, от двух-трех до 15 танапов. Так, например, мечеть в Бешкапа,

¹ По сообщению записавшего эту песню фольклориста М. Афзалова, она была сочинена чартакцем Улмас-Кори.

² Материалы для статистического описания Ферганской долины, Результаты поземельно-податных работ (1897—1899), вып. III, Скобелев, 1910, стр. 173.

известная как мечеть Хаитмат-истарчи (построенная старшиной Хаитматом), имела 11 танапов посевной земли и три танапа тополевой рощи, деревья которой предназначались для ремонта мечети. Посевная земля находилась в пользовании имама, муаззина и мутавалли.

Мечеть, расположенная в Пас-махалля селения Бешкапа, известная под названием Омонни-мачити, имела всего два с половиной танапа посевной земли, находившейся в пользовании имама.

Маленькая мечеть в Этак-махалля селения Айкыран, построенная состоятельным крестьянином Абдурахманбаем, вовсе не имела вакфа.

Самой богатой была Бой-мачит, находившаяся в центре селения Айкыран, в квартале Урта-махалля. Она была построена в конце XVIII в. знатным чиновником Бой-донбеги (которому предание приписывает и проведение или расширение канала Айкыран) и впоследствии неоднократно реставрировалась и перестраивалась по мере того, как ее каркасное здание ветшало. Эта мечеть владела, по одним сведениям—50, а по другим—150 танапами вакуфной земли, которая располагалась на западном конце земель селения Айкыран, около линии железной дороги.

Около 150 танапов (по непроверенным сообщениям) имело и медресе, которое было построено в Айкыране в конце прошлого века богачом Махмут-байбача.

Все эти сведения могут быть приняты лишь как весьма приблизительные, так как сообщившие их дехкане не имели близкого касательства к вакуфным владениям. Можно полагать, что приведенные цифры несколько преувеличены, однако, они, конечно, точнее тех, которые опубликованы в „Результатах поземельно-податных работ“.

Способ использования доходов с вакуфного имущества указывался нередко в вакуфном документе, оформлявшем образование вакфа. Обычно эти доходы шли в пользу прицта, иногда на ремонт мечети. Если вакф был невелик, им распоряжался чаще всего сам имам мечети. Если же размеры вакфа были значительны, им ведал мутавалли, сдававший вакуфные земли в аренду или отдававший их на откуп. В последнем случае составлялся особый документ, называемый в Чартаке „хайрияти вакф“. В нем определялись условия откупа и назначался срок, в течение которого мутавалли мог расторгнуть договор, если находил желающего предложить более выгодные для „богоугодного“ заведения условия. Термин „хайрияти“ может иметь двоякое значение: либо прямое—„благо для вакфа“, либо специальное, юридическое, являясь производным от термина „хийяр“, обозначающего право на расторжение сделки в течение определенного срока¹.

Владение землей, какого бы характера оно ни было, являлось основой классового господства богачей и подчинения им неимущих. Не располагая средствами производства, неимущие дехкане должны были обрабатывать чужую землю на самых тяжелых условиях, подвергаясь, в силу своей полной зависимости от хозяина, жестокой эксплуатации. Собственность на землю являлась основой сохранения в Айкыране до Великой Октябрьской революции феодальных отношений.

¹ Мухтасар-ул-викая, раздел „байъ“. Указанием на этот факт, так же как и на источник, автор обязан О. Д. Чехович.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Исследование вопроса о социальных отношениях в кишлаках Узбекистана представляет значительные трудности. Отсутствие необходимого статистического материала не позволяет разбить население на социальные группы и обосновать это деление точными показателями, используя тот непревзойденный образец подобного исследования, который дал В. И. Ленин в своей работе „Развитие капитализма в России“. В распоряжении историка Средней Азии нет того богатейшего материала, который для России содержится в материалах по земской статистике. Довольно многочисленные статистические дореволюционные издания—ежегодные статистические обзоры по областям Туркестана—не содержат почти никаких данных для характеристики дехканского хозяйства с точки зрения производственных отношений. Исторiku приходится пользоваться немногочисленными, извлекаемыми из этих изданий, цифровыми данными. Дополнение их весьма интересными, хотя не дающими достаточно надежных цифр этнографическими материалами позволяет более полно восстановить картину сельской жизни в дореволюционном кишлаке.

Наиболее ценные статистические данные о социальном расслоении дехканства в изучаемом районе дает изданный в 1909 г. „Список населенных мест Ферганской области“¹. Из приведенных в этом издании цифр видно, что в первом десятилетии XX в. около четвертой части всех хозяйств селения Айкыран и Бешкапа было полностью лишено земли. Так, в Айкыране (повидимому, вместе с Булянаком, который особо не выделен) из 604 хозяйств 132 были безземельными; в Бешкапа из 44 хозяйств безземельными были 13. Безземельными хозяйствами не исчерпывалось количество крестьянских семей Чартака, основным средством существования которых являлась работа в чужом хозяйстве на тех или иных условиях. При мизерности крестьянских земельных владений в Средней Азии, когда значительное количество дворов владело двумя-тремя танаками земли, процент семей, не обеспечивающих себя работой на своей земле и вынужденных искать дополнительный заработок, был здесь значительно выше.

По данным „Истории народов Узбекистана“ процент безземельных дехкан в отдельных уездах Ферганской области доходил к этому времени до 30%.

¹ Список населенных мест Ферганской области, Издание Ферганского областного статистического управления, 1909.

² История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 279.

В свете приведенных цифр вызывают сомнения данные „Материалов всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 года“, согласно которым по всей Чартакской волости число безземельных хозяйств равнялось 41. К ним прибавлялось 472 хозяйства, имеющих только усадьбу¹.

Как мы видим по данным 1909 г., в одном только Айкыранском сельском обществе Чартакской волости насчитывалось 145 безземельных хозяйств. Процесс расслоения кишлака, получивший в Узбекистане в последующий период значительное развитие, должен был к 1917 г. не уменьшить, а, наоборот, увеличить массу обезземеленных дехкан.

Повидимому, во время переписи 1917 г. часть безземельных хозяйств не была выявлена; возможно, за ними были записаны обрабатывавшие ими на правах издольной аренды земли баев.

Несмотря на эту неточность, перепись 1917 г., так же как и приведенные выше данные 1909 года, рисует картину крайней необеспеченности крестьянских хозяйств землей: 63,7% хозяйств Чартакской волости не имели в своем распоряжении такой земельной площади, которая могла бы обеспечить хотя бы самый низкий прожиточный минимум семьи и полную трудовую нагрузку для одного мужчины. Таким минимумом в условиях Ферганской долины считался надел в одну десятину, т. е. шесть танапов. Больше половины указанного числа не обеспеченных земель хозяйств падает на хозяйства в полном смысле слова бедняцкие: 19,5% всех хозяйств Чартакской волости имело до 1/6 десятины земли, т. е. меньше одного танапа, 12,4%—от 1/6 до 2/6 десятины, т. е. до двух танапов, 11%—от 2/6 до 3/6 десятины, или до трех танапов².

Хозяйства, имевшие до трех десятин земли, то есть ту норму, которую можно было обработать, не прибегая к наемному труду, составляли, по тем же данным, для Чартакской волости 26%. Остальные хозяйства были зажиточными и богатыми. Для обработки имеющейся у них земли они эксплуатировали чужой труд, источником которого являлись необеспеченные семьи, составлявшие, как показывают приведенные цифры, большинство населения.

При весьма слабом развитии ремесла и скотоводства весь контингент искателей заработка находил себе применение, главным образом, в земледелии.

Формы эксплуатации дехканской массы были весьма многообразны. В этом отношении к ним как нельзя больше подходит характеристика, данная Фридрихом Энгельсом средневековым, то есть феодальным формам эксплуатации. „В середине века,—писал Энгельс,—степени зависимости и крепостничества были бесчисленны“³.

Вследствие свойственного эпохе феодализма отсутствия или слабости общегосударственных связей, в каждом из замкнутых рамках своего полунатурального хозяйства районов развивались локальные особенности, вырабатывались свои варианты социальных отношений, свои „нормы“ эксплуатации, различные, нередко многостепенные отношения зависимости.

В Средней Азии, где отсутствовали крупные хозяйства типа барской запашки в России, где не существовало широкой системы бар-

¹ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 г., Самарканд, 1925.

² Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 гг., вып. II, Самарканд, 1925, табл. III.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 601.

щины и юридически оформленного крепостного права помещиков на крестьян, формы феодальной эксплуатации принимали своеобразный характер. Еще в период становления феодализма определилась роль государства, как феодального собственника, в руках которого, по словам А. Ю. Якубовского, находилось внеэкономическое принуждение и которое взимало в виде налога—хараджа—натуральную ренту¹. Тогда же сложилась основная форма эксплуатации земледельцев собственниками земли—издольная аренда различных видов, отличающихся друг от друга большей или меньшей степенью закабаления непосредственных производителей.

Исследования А. Ю. Якубовского показывают, что кабальные аренды были одним из путей перехода от рабовладельческой формации к феодализму, который осуществлялся широким распространением издольной аренды, причем „...издольщиком мог быть... кедивер, получивший свободу раб, а то и просто раб, посаженный на землю. Различные обстоятельства—малоземелье, неурожайный год, долги и т. д. могли заставить свободного земледельца пойти на обработку соседней земли в качестве издольщика“².

По свидетельству того же автора, издольщик „...жил во все периоды феодализма на Востоке и дожил в ряде зарубежных стран до наших дней. Не поняв этой ...крупной фигуры в сельском хозяйстве тех частей феодального Востока, которые жили в условиях искусственного орошения,—пишет А. Ю. Якубовский,—...не понять ни аграрных отношений, ни истории революционных движений большей части областей Передней и Средней Азии“³.

На протяжении многих веков бытования в Средней Азии института издольщины его формы, конечно, не оставались неизменными. Однако основное содержание этого института, как формы эксплуатации крестьянина собственником земли и важнейшего в условиях поливного земледелия способа закрепощения крестьянства, неизменно сохранялось во все время его существования.

Таким образом, в Средней Азии аренда, всегда издольная и в большинстве случаев кабальная, имела существенное отличие от аренды земли в России конца XIX—начала XX вв. Там, как показал В. И. Ленин, аренда практиковалась наиболее состоятельными слоями крестьянства. Она служила одним из путей концентрации земли в руках этих слоев крестьянства и превращения их в сельскую буржуазию, с одной стороны, и „раскрестьянивания“, по выражению В. И. Ленина, беднейшего крестьянства, превращения его в сельский пролетариат, с другой.

В Средней Азии аренда являлась основной формой феодальных аграрных отношений, основным способом ведения феодального хозяйства и эксплуатации труда подневольного дехканства; ее господствовало свидетельствовало о сохранении феодальных порядков, а не о процессе развития капитализма, как это было в России. Социальная сущность арендатора здесь и там прямо противоположны: в России арендатор—это зажиточный крестьянин, нередко кулак, располагающий скотом и денежными средствами и арендующий землю у бедноты, принужденной сдавать свой обязательный душевой надел в аренду, вследствие отсутствия средств для его обработки. „...несвободный ха-

¹ А. Ю. Якубовский, Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI—XV вв.). Краткие сообщения ИИМК, т. XXVIII, М.—Л., 1949, стр. 34.

² История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 174—175.

³ А. Ю. Якубовский, Об издольных арендах в Ираке в VIII в., Советское востоковедение, т. IV, М.—Л., 1947, стр. 184.

рактар наделного землевладения, которое носит, в силу закона, уравнилельный характер¹, не был свойственен аграрным отношениям Средней Азии. Здесь в качестве арендаторов выступают беднейшие слои дехканства, испокон веков лишенные земли или владевшие минимальным ее количеством.

Для характеристики действительного положения дехкан Чартакской волости необходимо указать и на второе важное условие ведения земледельческого хозяйства, а именно, на обеспеченность рабочим скотом. По данным переписи 1920 г., хозяйства, не владеющие „постоянным скотом“, составляли в Чартакской волости 64,4%. Из них 5,7% покупало скот на летний сезон, а остальные 58,7% были полностью лишены тягловой силы, следовательно, не могли обработать свою землю, если даже она в каком-нибудь мизерном количестве у них имелась.

Отсутствие у подавляющего большинства дехкан не только земли, но и скота имело своим следствием полную необеспеченность их и прочими средствами производства—орудиями и семенами. Поэтому в Средней Азии при аренде земли дехкан-бедняк получал обычно от хозяина земли и все остальные средства производства. В соответствии с этим усиливалась и норма его эксплуатации: хозяин получал свою ренту не только за землю, но и за скот, семена и орудия, а иногда и за питание, представляемое им издольщику. Конечно, на последнее условие, полностью лишавшее работающего какой бы то ни было свободы, так как уход от хозяина ставил его под непосредственную угрозу голода,—шли только те дехкане, которые не имели никакого другого выхода.

Условия издольной аренды были различными в разных районах. В одном и том же районе существовало несколько разновидностей аренды, отличающихся степенью закабаленности арендатора владельцем земли, лучшими или худшими условиями его труда.

Наиболее распространенной в Средней Азии арендой являлась издольщина, при которой арендовавший землю получал четвертую часть урожая. Отсюда возник вошедший в русский язык термин чойрикер (таджикское чойрик-кор—сеющий из четверти).

В Ферганской долине в обычай вошли иные условия издольной аренды. Некоторые авторы, писавшие о Фергане, называя издольщиков „чойрикерами“, указывают на издольную аренду из третьей части урожая².

В. и М. Наливкины сообщают о различных условиях аренды в зависимости от того, какая культура сеялась—пшеница или более трудоемкие джугара и хлопок: в первом случае издольщик получал четвертую часть урожая, во втором—треть³.

В селении Айкыран термин „чойрикер“ до революции не употреблялся. Он получил распространение уже в советские годы, в основном в период земельно-водной реформы, будучи занесен сюда партийными и советскими работниками, как термин, обобщающий все категории издольщиков. До этого времени издольщики здесь обозначались различно, в зависимости от условий аренды.

Однако истинные условия аренды не везде и не во все времена соответствовали этимологии терминов, которые, отразив нормы периода своего сложения, в дальнейшем могли сохраниться и при их изменении.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 76.

² В. Ю. Ферев, Хозяйство сартов Ферганской долины, Ташкент, 1911, стр. 24.

³ В. и М. Наливкины, Очерк быта туземной женщины Ферганской долины, Казань, 1886, стр. 21.

Под термином „сеяк“, обозначавшим в Чартаке самую низшую категорию издольщиков, понималась работа не из одной трети, на что указывает этимология термина (таджикское сеяк—одна треть), а из одной пятой урожая.

В эту категорию входили беднейшие, обычно безземельные дехкане, для которых обработка арендованной земли являлась единственным средством к существованию. Арендуя землю из расчета одной пятой урожая, дехкан получал, кроме земли, еще и орудия, рабочий скот, семена и удобрения, а также питание для самого работника.

Такие издольщики жили с семьей в доставшемся по наследству домишке, приходя к хозяину рано утром, чтобы получить какую-нибудь еду и взять волов и орудия производства, а вечером—доставить их обратно и поужинать.

Таким образом, этимология термина „сеяк“ в конце XIX—начале XX вв. не соответствовала обозначаемым им отношениям, отражая какой-то более ранний этап в эволюции издольщины. К какому времени относится отмирание в Айкыране старой нормы и установление новой, остается неизвестным, так как единственный источник для выяснения такого вопроса, этнографический, отсутствует: это произошло за пределами памяти современного населения Айкырана.

Изучение условий издольной аренды в других районах Ферганской долины дает возможность уточнить те условия, которые породили термин сеяк.

В селении Заркент Ташлакского района Ферганской области, где сейчас находится один из самых передовых колхозов республики—колхоз им. Сталина, пожилые люди вспоминают, что в дореволюционные годы дележ урожая происходил следующим образом: прежде всего выделялась пятая часть, которую забирали хозяин земли. Все оставшееся делилось на три части, одну из которых получал издольщик, две хозяин. При этом считалось, что одна из этих частей приходится за землю, одна—за скот и семена, одна—за труд.

Пятая часть урожая, выделяемая в начале раздела, когда-то, условно, являлась долей, сдаваемой в харадж—налог государству. В сообщении Наливкиных так и говорится, что эта часть шла в уплату податей. Сохраняя для издольщиков норму обложения хараджа, который царской администрацией был заменен менее обременительным поземельным налогом, баи Заркента нашли в этом еще одно средство для умножения своих доходов. Выплачивая колониальным властям поземельный налог, разницу между ним и хараджем они спокойно клали себе в карман. Политика невмешательства во внутренние дела населения Туркестана, проводимая царским чиновничьим аппаратом, оставляла трудящиеся массы безземельных бедняков в неведении даже о том минимальном облегчении налогового бремени, которое им принесло присоединение Средней Азии к России.

Условия, на которых издольщики работали в селении Заркент, полностью соответствовали значению термина „сеяк“, хотя вместо него там бытовал другой термин—„каранда“ (таджикское коранда—сеющий).

Система раздела урожая, подобная заркентской, повидимому, была распространена очень широко. Ее отражают сообщения Наливкиных о том, что „чайрикер... получает от пшеницы $\frac{1}{4}$ всего урожая, за выделом $\frac{1}{5}$ в подать... а от джугары и хлопка $\frac{1}{3}$ урожая, за тем же выделом, что и выше”¹.

¹ В. и М. Наливкины, Очерк быта туземной женщины Ферганской долины, Казань, 1886, стр. 21.

Дальше сообщается, что каранда „...мало чем отличается от чайрикера, живет по большей части на обрабатываемой им земле или в хозяйском помещении, или в построенном им самим, причем нередко усадьбное место приобретает им на разных условиях в собственность“¹. Наливкины не сообщают об этих условиях. Изучение социальных отношений в дореволюционной Средней Азии дает основание полагать, что условия эти полностью закабалили издольщика, привязанного к хозяину своей жалкой „собственностью“, находившейся в окружении массива полей, принадлежащих богатому землевладельцу.

В. Юферев, изучавший сельское хозяйство трех селений бывшего Андижанского уезда, также сообщает, что издольщики „работают из трети урожая“. Однако условия их работы не были им выяснены во всех деталях, и можно лишь предполагать, что они были аналогичны тем, которые существовали в селении Заркент.

Ко второй, несколько более обеспеченной категории издольщиков кишлака Айкыран принадлежали те, кто, работая на чужой земле, пользуясь скотом, удобрениями и семенами хозяина, не получал от него питания. Такой издольщик имел право на две пятых урожая и назывался обычно „дехканом такого-то“ (палон бойнинг деккони). Находясь в несколько лучших условиях и имея обычно какой-нибудь дополнительный доход (например, небольшой участок собственной земли), такой „дехкан бая“ попадал, однако, так же как и сеяк, в полную зависимость от хозяина.

Основой закабаления являлась система авансов (бунак), без которых бедняки-дехкане, не имевшие запасов, чтобы дожидаться урожая, не могли свести концов с концами.

Авансы выдавались обычно натурой, в виде продуктов, понемногу, и записывались хозяином. Расчеты производились при дележе урожая, и, конечно, неграмотный, забитый нуждой издольщик имел очень мало возможностей контролировать расчеты.

Эти авансы являлись средством окончательного закабаления издольщика: опутав его долгами и тем самым лишив возможности перейти к другому хозяину, бай фактически превращал издольщика в крепостного. Хозяева земли, если они желали сохранить за собой арендовавшего у них землю бедняка, очень охотно оказывали ему „благодетение“, не взыскивая с него долг при разделе урожая. К концу следующего года на старый долг насчитывались проценты, потом—проценты на проценты, и разобраться в расчетах „мог“ только сам хозяин. Долг рос, и издольщик оказывался закабаленным до самой смерти.

Роль аванса как средства закрепощения дехкан и бедняков аналогична его роли в закабалении хозяином зависимых ремесленников. И первые, и вторые, формально будучи лично свободными, благодаря авансам попадали в полную зависимость от хозяина, и эта зависимость была равносильна потере личной свободы, так как продолжалась до самой смерти и даже переходила на сыновей.

Единство этого метода закрепощения в феодальном ремесле и в феодальном сельском хозяйстве и его распространенность заставляют думать, что аванс в Средней Азии был своеобразным институтом феодального права. Он занимал важное место в арсенале средств, которые, помимо внеэкономического принуждения со стороны государ-

¹ В. и М. Наливкины, Очерк быта туземной женщины Ферганской долины, Казань, 1886, стр. 31.

ства (что являлось среднеазиатским вариантом феодального крепостного права), создавали условия для личного закрепощения трудящихся не только государством, взимавшим ренту в форме налога, но и частными лицами.

Бывший бедняк-дехкан, семидесятилетний Каримбай, отец учительницы Таджихан Каримовой вспоминает, как он вместе с двумя другими издольщиками—должниками бая Хакимбай-ходжи решили выплатить долг и освободиться, наконец, из пут. Бросив свои семьи на произвол судьбы, дехкане ушли в соседний район Учкурган, где обеспеченность водой позволяла собирать лучшие урожан. Они арендовали там землю из расчета двух пятых урожая, отказавшись от байского питания и решившись проголодать все лето, но зато собрать деньги на уплату долга. Когда дехкане принесли деньги Хакимбаю, он, ни слова не говоря, сложил их в свой сундук и на просьбу обеспокоенных дехкан отдать им долговые обязательства, спокойно сказал: „Теперь вы отдали мне проценты, но сам долг еще остался“. И все продолжалось попрежнему. На долг стали нарастать новые проценты, и только Октябрьская революция положила конец этому рабству.

Третьей категорией издольщиков были половинщики, называемые тенг-урток (так же называлась и аренда: тенг уртокка олдим—я взял в исполную аренду; тенг—равный). Половинщики получали от хозяина землю и половину семян, иногда—и половину удобрений (в особенности, если последние были покупные, например, жмых). Аренда земли на этих условиях была по силам лишь людям состоятельным, имевшим рабочий скот и необходимые для ведения производства деньги. Авансы при такой системе не практиковались, и состав арендаторов был совершенно иной.

В качестве арендаторов-половинщиков чаще всего выступали кишлачные бай, практиковавшие сдачу арендованных ими земель в суб-аренду: беря землю исполу, бай сдавали ее беднякам из расчета $\frac{1}{5}$ или $\frac{2}{5}$ урожая, предоставляя им скот и другие средства производства.

Так, например, Нишанбай-ходжи, у которого работал, на условиях сеяка, отец Абдурахмана Тиллябаева, старшего конюха колхоза, сам брал эту же землю в исполную аренду у своего сводного брата.

На половинных началах сдавались, обычно, вакуфные земли, а также земли сирот или вдов, ничего не имевших, кроме земельного надела.

Форма аренды исполу отражена в документе, опубликованном О. Д. Чехович¹. Автор трактует ее, как форму кабальной аренды, без указания на то, что документом отражены наилучшие условия аренды, в которых оказывался лишь состоятельный дехкан, имевший и рабочий скот, и средства на семена и обработку.

Так же нечетко понимается положение издольщиков в VIII в. (когда оно было хуже, чем в XIX—XX вв.) и А. Ю. Якубовским, который пишет: „Если бы издольщиком пришел наниматься соседний крестьянин, то он явился бы, наверное, со своим быком...“² Не подлежит сомнению, что и в тот период рабочим скотом обладали лишь зажиточные слои дехканства.

Если работа на условиях получения половины урожая считалась достаточно выгодной, то первые две формы аренды, в особенности на условиях, установившихся в Айкыране, ставили арендатора в очень

¹ Изучение среднеазиатских актов в Академии Наук УзССР, Известия Академии Наук УзССР, № 3, Ташкент, 1950, стр 88—89.

² А. Ю. Якубовский, Об исполных арендах в Ираке в VIII в., Советское востоковедение т. IV, М.—Л., 1947, стр. 182.

тяжелое положение. Для того, чтобы прокормить семью, он должен был брать в аренду не меньше 10—15 танапов земли (из которых часть обычно оставалась под паром) и трудиться вместе с членами своей семьи, которые, таким образом, также втягивались в работу на хозяина, по 16 и больше часов в день всю весну, лето и осень. Такое высокое, по среднеазиатским нормам, количество арендуемой земли называли многие колхозники, бывшие батраки и издольщики.

Так, 25 танапов, при наличии в семье двух трудоспособных мужчин, арендовал у бая старший брат Юлдаша Хакимбаева, безземельный бедняк; 15 танапов арендовал безземельный дехкан, долгие годы работавший батраком, Абдурахман Тиллябаев; 15 танапов арендовал отец заместителя председателя правления колхоза Урманджана Турабаева, также безземельный дехкан, и другие.

Естественно, что такое количество земли один работник, как бы он ни изматывал свои силы, хорошо обработать не мог, а следовательно, не мог получить хорошего урожая.

Удельный вес различных форм издольной аренды в Чартакской волости прослеживается по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. Согласно материалам этой переписи, наиболее распространенной была самая тяжелая форма кабальной аренды. Сеяки, обрабатывавшие землю из расчета одной пятой урожая, составляли 63% арендаторов, „дехкане баев“, получавшие две пятых урожая—35,3% и только 1,7% издольщиков работали на более выгодных условиях¹. В их число попадали люди, располагавшие средствами производства—скотом и семенами, то-есть середняки и баи, прибегавшие к сдаче арендованной земли в суб-аренду.

* * *

Товаризация всего сельского хозяйства Узбекистана, связанная с развитием в конце XIX—начале XX вв. промышленного хлопководства, способствовала изживанию устаревшей, отсталой издольной системы хозяйства. Это изживание шло тем быстрее, чем большее развитие получало в том или ином районе хлопководство. По данным В. Юферева, в обследованных им кишлаках Андижанского уезда, где хлопок в 1908 г. занимал 73% поливных земель², издольным арендам принадлежало сравнительно небольшое место и главное значение приобрел труд наемных рабочих—мардикеров, которых нанимало, по его сообщению свыше 50% хозяйств, отнесенных им к IV группе (владельцы 10—20 танапов земли), и 60,5% дворов, отнесенных к наиболее обеспеченной, V группе³.

В Айкыране, где товарное хлопководство развивалось медленно и хлопок занимал в 1917 г. всего 33,5% посевов, издольные аренды бытовали широко. Однако и в Айкыране имели распространение различные формы работы по найму, видимо, существовавшие здесь издавна. Не все формы найма были социально равнозначны: в то время как одни приобрели характер капиталистический и были основаны на свободной продаже труда, другие сопровождались закабалением работника. Условия существования работника, в том числе и степень

¹ А. В. Русаков, Хлопковый колхоз им. Сталина, М., 1939.

² В „Истории народов Узбекистана“ приводятся более низкие цифры—высший процент земель, занятых хлопком в 1917 г., по Андижанскому уезду указан в 35%. Возможно, понижение процента посевов хлопка объясняется условиями развития сельского хозяйства в период первой мировой войны, когда увеличивались посевы зерновых за счет технических культур.

³ В. Юферев, Хозяйство сартов Ферганской долины, Ташкент, 1911, стр. 29.

его личной зависимости от хозяина, были тем ближе к условиям, определяющим собой положение издольщика, чем длиннее был срок найма.

В наихудшем положении оказывались батраки—карор.

Этимология термина раскрывается из сопоставления его с таджикским термином „карори“—договорный, работающий по договору (от карор—решение, установление), употребляющимся, например, в Ленинабадской области Таджикской ССР¹. Такие батраки нанимались обычно на год, но в действительности, опутанные тем или иным способом, по истечении срока найма не могли покинуть хозяина и нередко работали у него годами. Это были работники, жившие в доме хозяина и получавшие от него полное содержание, включая одежду (обычно обноски), и годовое жалование деньгами.

В годы революции для обозначения работников этой категории вошел в употребление русский термин „батрак“ (бэдрак), которым иногда обозначались также издольщики низшей категории—сеяки.

Батраки использовались в основном для ухода за рабочим скотом, который содержался в усадьбе бая и по мере надобности передавался издольщикам. На батраках лежала также различная домашняя работа: рубка дров, носка воды, присмотр за двором и садом, помощь в приготовлении пищи. Последнее было делом нелегким, так как, помимо членов байской семьи, для которой пища готовилась отдельно, у бая питались также многочисленные работники—сеяки, батраки, мардикеры, которым по утрам должен был быть обеспечен чай, а вечером горячая еда. Батраки, как правило, в полевых работах принимали участие лишь в случае особой нужды. Мальчики получали за свою работу 1 руб. 50 коп.—2 руб. в год, подростки—15—20 руб. в год, взрослые—50—60 руб. в год, иногда несколько выше. В батраках оставались обычно до женитьбы, после чего старались перейти на положение сеяка. Обязательным условием для этого было наличие своего домика; при отсутствии собственного жилья возможность батрака обзавестись семьей полностью зависела от хозяина. Нередко хозяин обещал сам женить батрака, иногда—на своей дочери, стараясь тем самым крепче привязать его к себе².

Случаев выдачи замуж хозяйской дочери за батрака чартакцы не помнят. В то же время они вспоминают немало случаев, когда хозяин, действительно, женил батрака на какой-нибудь бедной сироте, жившей и работавшей в его семье. При этом он выделял молодым у себя во дворе каморку, где они жили, с рассветом уходя каждый на свою работу, питаясь так же, как и прежде: он—вместе с остальными батраками и сеяками, она—получая остатки с байского стола. Подобная женитьба батрака давала баю много выгод. Она привязывала к его дому хорошего работника (уход от хозяина, женившего его, считался проявлением черной неблагодарности) и давала возможность сохранить даровую работницу, которую, в ином случае, бай терял: по мусульманскому закону, девушка, если она не приходилась хозяину родственницей, не могла оставаться в его доме после достижения брачного возраста.

Патриархальные отношения, затушевывая классовые противоречия, заставляли батрака считаться с баем не только как с хозяином, но и как со старшим, оказывать которому почтение нужно было в силу его возраста. Баи великолепно учитывали, какие выгоды давало им

¹ Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, М.-Л., 1954, стр. 28.

² Этот обычай отражен в народной сказке, приведенной Айни в его книге „Ёддоштҳо“ (Воспоминания), т. I, Сталинабад, 1951, стр. 56.

сохранение патриархальных отношений, и охотно их поддерживали. Было, например, общепринятым, чтобы при обращении к батраку бай называл его „сынок“ (ўғлум) и сохранял бы отеческий тон, отдавая приказание. Жизнь в доме бая, получение из его рук пищи — такая бы она ни была — требовали, в силу этой патриархальности, чтобы батрак „не забывал съеденную им соль“.

Наемные работники (карол) были обычно в значительной степени лишены личной свободы. В их закабалении большую роль играла как их задолженность хозяину, в особенности, если она была оформлена долговым обязательством, так и задолженность хозяина батраку. Бай, как правило, систематически не отдавал батраку заработанные им деньги и тем удерживал его у себя: в условиях общего бесправия трудового народа батрак боялся в случае ухода вовсе лишиться своих денег, так как у него не имелось никакого документа, подтверждавшего его права.

В лучшем положении находились работники, нанимавшиеся на более короткие сроки: помесячные (узбекское — ойлик) и поденные (таджикское — мардикор; мард — мужчина, кор — работа).

Как помесячная, так и поденная работа являлись формами привлечения труда, характерными для развивающегося капитализма. Помесячная работа имела в Средней Азии некоторое применение, не получив, однако, значительного развития. Как можно судить по сообщениям, работа помесячно, за определенную денежную плату и на харчах хозяина была для работника наиболее выгодной, однако практиковалась редко. Значительно более широкое развитие в Средней Азии получила поденщина. Степень ее распространения была неодинакова в различных районах. В то время, как в одних районах применение труда поденщиков получило значительные размеры, в других (к таким относились и Айкыран) поденщики нанимались лишь на некоторые виды срочных сельскохозяйственных работ: на разделку грядок, частично окучку, жатву, сбор хлопка (последние работы выполнялись поденщицами-женщинами). Пахота, сев и тому подобные работы почти никогда не осуществлялись таким способом; в менее обеспеченных, но все же применявших наемный труд семьях они выполнялись членами семьи, в богатых — частью также младшими членами семьи, а главным образом — издольщиками.

Поденщики-мардикеры получали за свою работу денежное вознаграждение и пищу. Они нанимались обычно на короткое время и, получив расчет, иногда уходили, в поисках новой работы, в город или в другие районы, где требовалось больше рабочих рук, чем в Айкыране.

Поденщина, по сообщению стариков, практиковалась в Айкыране и раньше, главным образом, на жатве зерновых. Жнецы приходили издалека — нередко это были горные таджики — и нанимались за плату натурой, получая в свое распоряжение каждый десятый сноп. Кончив работу у одного хозяина, они уходили к другому, иногда — в другие кишлаки, оставляя заработанные ими снопы на поле, вместе со снопами, принадлежавшими хозяину. Свой заработок они получали позднее, когда период жатвы кончался. Повидимому, расплата с ними производилась из указанного расчета зерном или деньгами. Таким образом, распространенная в Средней Азии система организации хозяйства — издольная система, на которой была основана и система налогообложения, распространялась также и на поденщину. Последняя получила характер капиталистического найма с денежной оплатой лишь в конце XIX — начале XX вв., знаменуя собой начало процесса изживания феодальных общественных отношений.

Установление производственных отношений более высокого типа — капиталистических — приносило трудящимся слоям некоторое улучшение условий существования. Освобождая их от личной зависимости, оно в то же время повышало и их жизненный уровень. На закономерность этого явления указывает В. И. Ленин: „...более высокая оплата труда при чисто капиталистическом найме, сравнительно со всяческими формами кабалы и других докапиталистических отношений, есть факт, установленный не только для земледелия, но и для промышленности, не только для России, но и для других стран“¹.

Если издольщики в изучаемом районе получали одну или две пятах урожая натурой, а батраки довольствовались скудным питанием и 50—60 рублями в год, то поденный рабочий получал, на харчах хозяина, от 60 копеек до одного рубля в день, причем эта цифра по всей Ферганской долине неуклонно росла. Рост заработной платы поденщиков отмечается во всех статистических изданиях того периода. Так, в „Ежегоднике Ферганской области“ за 1903 г. указывается, что в 1888—90 годах поденная плата составляла всего 20 коп., а в 1901 г. достигала 1 р.—2 р. 20 коп. в день².

Поденщина получила значительное развитие, по сообщениям стариков, в некоторых районах Наманганского уезда, например, в Уйчи. Что же касается Айкырана, то здесь поденный труд всегда носил лишь временный характер, не составляя и для самих поденщиков основного занятия. Их ряды чаще всего пополнялись членами тех семей, которые, владея землей, дававшей им основные, хотя, нередко, очень скудные средства к существованию, имели, в силу недостаточной их обеспеченности средствами производства, некоторые запасы свободного труда. Поденщина, как правило, служила лишь приработком, и людей, живущих исключительно поденной работой, в селениях правобережного Чартака не было.

Интересно отметить здесь, как и во всей Фергане, применение женского поденного труда, в значительной мере нарушавшее установившиеся под влиянием законов ислама формы быта.

Женский наемный труд применялся исключительно на сборе хлопка. Оплата была очень низка. Размеры заработка не оставались неизменными, они повышались в связи с развитием хлопководства и увеличением спроса на рабочие руки. Изменялся и способ оплаты. Оплата натурой, широко распространенная в старину, в конце XIX и начале XX вв. почти не практиковалась. Те женщины, которым еще пришлось получать натурой, вспоминают, что за день работы им давали 50—100 пайса³ хлопка, то есть от одного до двух килограммов.

Обычно же в описываемый период труд сборщиц, так называемых чиначи (вероятно, от таджикского глагола чидан; корень чин—собирать), оплачивался деньгами. Оплата работы чиначи зависела не только от спроса на рабочие руки, но и от производительности труда каждой сборщицы, тем самым приближаясь к сдельной. Вес собранного хлопка определялся хозяином на глаз, по величине собранной кучи.

80-летняя Кенджаби Хаитматова, работавшая в молодости на сборе хлопка, вспоминает, что, собирая в день по три-четыре пуда хлопка, она получала „уч мири“—15 копеек. Женщины помоложе, которым

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 167.

² Ежегодник Ферганской области, вып. 1903 г., Новый Маргелан, стр. 128.

³ Пайса—мера веса, не одинаковая в различных районах. В Айкыране она равнялась, примерно, 20 граммам.

приходилось работать в более поздний период, рассказывают, что в их время лучшая сборщица получала две танга, то есть 40 копеек, в то время как ее менее проворные подруги зарабатывали копеек по 25—30. В сезон, продолжавшийся два-два с половиной месяца, сборщицы зарабатывали по восемь-десять рублей. Питание было свое: сборщицы приносили с собой хлеб, к которому добавлялись иногда дыни с бахчи хозяина хлопка, находившейся обычно около хлопкового поля.

Ко второму десятилетию XX в. цены на рабочие руки сильно поднялись, и сборщицы стали получать до 1 р.—1 р. 20 к. в день. Оплата натурой вовсе вышла из практики.

Сбор хлопка считался исключительно женским трудом. Этот порядок не нарушался и позднее, когда, в связи с расширением посевов хлопка в байских хозяйствах, нужда в рабочей силе значительно возросла. В самую горячую пору хлопкового сезона по кишлаку утрами разъезжала арба, и возница громко созывал желающих поехать на сбор хлопка к такому-то баю. За эту работу, которая была одной из немногих доступных женщинам, брались охотно все, нуждавшиеся в приработке. Темнота и забитость женщин позволяли нанимателям платить им за работу, несмотря на ее срочность, меньше, чем поденщикам-мужчинам (женщины обычно не обеспечивались питанием). Кроме того, труд сборщиц учитывался приблизительно, поэтому бай имели возможность немилосердно обсчитывать их при расчетах.

Роль поденщины к XX веку значительно увеличилась в районах, где хлопок успел превратиться почти в монокультуру, вытеснив остальные. Более высокая оплата поденного труда и большой спрос на поденных работников в районах развитого хлопководства вызывали отходничество чартакских бедняков в эти районы.

Особенно много искателей заработка уходило в Учкурган, славившийся как район интенсивного развития наиболее трудоемкой культуры—хлопчатника. Некоторая часть жителей кишлака уходила в город. Одни из них пополняли ряды поденных рабочих, другие, приобретая специальность, становились ремесленниками, третьи поступали на работу в железнодорожные мастерские или на хлопкоочистительные заводы, вступая в ряды начинавшего формироваться национального рабочего класса. Число таких, однако, было невелико, так как традиция работы в сельском хозяйстве и приобретавшиеся с детства навыки и опыт понуждали подавляющее большинство чартакцев искать заработка в сельском хозяйстве.

* * *

Условия жизни тех, кто был принужден идти работать на сторону, были в дореволюционном Узбекистане очень тяжелы. Для характеристики положения бедняцких слоев кишлака чрезвычайно интересны биографии бывших батраков и издольщиков, записанные с их слов.

Колхозник Юлдаш Хакимбаев, один из членов батрацкой артели, на базе которой сложился колхоз им. Сталина, родился около 1880 г. в семье дехкана, имевшего пять танапов земли и домик с небольшим участком, примерно в одну четвертую танапа. Когда отец умер, старший, уже женатый брат Юлдаша был принужден продать землю, чтобы погасить старые долги отца и новые, сделанные для исполнения всех погребальных обрядов. Старший брат едва мог прокормить свою собственную семью, и Юлдаша взял к себе дед. Однако через год дед умер, и брат отдал восьмилетнего мальчика в батраки дехкану середняку, имевшему десять танапов земли. Мальчик пас скот.

Хозяин, по условию, должен был кормить и одевать его, платя ему 1 р. 50 к. в год. Юлдаш носил рваные обноски сыновей хозяина, спал под навесом или в деревянном сарае на щепках. Утром, чуть свет, он выгонял корову и пару овец на пастбище. Хозяйка протягивала ему при этом сухую лепешку, чаще всего из джугары. Он завязывал лепешку в поясной платок и ел понемножку, помня, что до вечера ничего больше не получит. Вечером, когда мальчик пригонял скот домой, перед ним ставили чашку похлебки. Хлеба при этом не давали. Выпив похлебку, Юлдаш полуголодным шел спать.

Так проработал он пять лет, после чего, поссорившись с хозяином, убежал от него и поступил к Тиллябаю Мерганову. Последний был человеком малосостоятельным, однако престарелые годы и отсутствие сыновей заставили его взять работника. Так как Юлдашу было уже 13 лет и он мог выполнять все земледельческие работы, он должен был по договору получать четыре золотых, то есть 20 руб. в год. На новом месте ему жилось лучше, хозяин оказался неплохим человеком. Однако работа была очень тяжелая — на тринадцатилетнем мальчишке лежала почти вся обработка десяти танапов земли. Платя за хорошее отношение своим усердием, он не знал отдыха, выполняя и работы по дому. „Вместо сына я выполнял сыновнюю работу, вместо дочери выполнял дочернюю“ (угул бўлиб угул ишيني қилдим, қиз бўлиб қиз ишيني қилдим), — рассказывает Юлдаш. Однако он с благодарностью вспоминает этого хозяина только за то, что тот мягко обращался с ним и не оскорблял его, как это было в обычае у первого хозяина Юлдаша.

Еще через четыре года Юлдаш превратился в полного сил, умеющего выполнять все виды полевых работ взрослого юношу и заявил хозяину, что не может больше работать на прежних условиях. Тиллябай, сам с трудом сводивший концы с концами и не смогший ни разу за четыре года уплатить причитающуюся работнику заработную плату, был принужден отпустить Юлдаша, дав ему на неполученные деньги долговую расписку, оформленную у казая.

Уйдя от Тиллябая, Юлдаш поступил издольщиком к собственному брату, который, не имея своей земли, арендовал у одного бая 25 танапов земли из двух пятых урожая. Не будучи в состоянии обработать всю землю своими силами, он взял в издольщики брата и обязался отдавать ему пятую часть того, что сам получит от хозяина. Так Юлдаш работал два года.

После этого он поступил в помесячные работники к русскому помещику, имевшему около 200 танапов земли в соседнем селении Караскон.

Здесь Юлдаш выполнял всю домашнюю работу: ходил за скотом, доил коров, сбивал масло, готовил пищу, убирал двор, получая за все 15 р. в месяц, что, по тогдашним условиям, считалось очень хорошей платой. Жена хозяина целыми днями сидела на крыльчке, ничего не делая. Удостоверившись в честности и ловкости своего работника, она доверила ему все хозяйство, и Юлдаш, наконец, впервые за всю свою жизнь почувствовал себя сытым. Он был доволен, хотя и тут на отдых времени ему никогда не хватало. Это „счастье“ было недолговечно. Через год Юлдаша уволили, и он поступил в батраки к богатому торговцу хлопком Газибаеву из селения Булянак.

Скопив ценой самой жестокой экономии 500 рублей, Юлдаш решил жениться и обзавестись семьей. Однако имевшихся у него денег хватило лишь на сговор и свадебные подарки. Денег на устройство свадебного пира не осталось, и расходы взял на себя опекун невесты,

за что Юлдаш должен был предварительно в течение года работать у него безвозмездно. Через год была сыграна свадьба, и молодые получили право переехать в дом, оставшийся от родителей Юлдаша. У молодых не было ни паласа для застилания пола, ни одеял, ни посуды. Их выручила бабушка Юлдаша, которая согласилась переехать к нему со своим скарбом и своей посудой. Опять Юлдаш стал работать на чужой земле, но теперь уже, имея свою семью, он жил и питался дома. Он арендовал из двух пятых урожая 20 тананов земли и, работая целый год не покладая рук и не жалея себя, смог осенью, благодаря хорошему в том году урожаю, кое-чем обзавестись.

Так работал он пять лет, до самой революции. Одним из первых Юлдаш Хакимбаев примкнул к движению за отобрание вакуфных и байских земель и был одним из организаторов батрацкой артели в 1924 г. Вступив в артель, он оказался в числе самых стойких ее членов. Как самому старшему по возрасту, товарищи доверили Юлдашу Хакимбаеву делить между членами артели первое зерно, собранное бывшими батраками со своей артельной земли.

Старший конюх колхоза Абдурахман Тиллябаев родился в 1894 г. В возрасте двенадцати лет он был отдан отцом в батраки. Отец Абдурахмана был безземельным дехканом и арендовал землю у баев из двух пятых урожая. Он все больше и больше запутывался в долгах, пока не встал перед угрозой продажи единственного имущества — небольшого домика. Бай „смиловался“ над своим должником и взял его сына в батраки. Абдурахман отрабатывал отцовский долг десять лет, после чего стал работать у того же бая как издольщик. Цена хорошего работника, бай женил его на девушке-сироте, жившей у него в доме. Муж и жена работали на хозяина, живя у него в маленькой каморке, не имея никакого хозяйства и получая скудную пищу из байских рук.

Из семьи безземельного дехкана происходит и Урманджан Турабаев, председатель правления колхоза, один из организаторов и руководителей первой батрацкой артели. Его отец арендовал у бая 10—15 тананов земли и подрабатывал также ткачеством вместе с женой и старшим сыном. Умел ткать и Урманджан. После смерти отца Урманджан батрачил, переходя от хозяина к хозяину, до 1924 г., когда образовалась при его непосредственном участии батрацкая артель, давшая возможность ему и другим батракам, вступившим в артель, навсегда освободиться от байской эксплуатации.

По воспоминаниям бывшего председателя колхоза Кадырова, родившегося в 1904 г., у него и его брата после смерти родителей осталось четыре танана земли. Скота и орудий один не имели и для того, чтобы вспахать эту землю, брали волов у баев, отрабатывая по 10 дней за каждый день пользования парой волов. Так как доход с земли не покрывал всех расходов маленькой семьи, братья систематически подрабатывали поденной работой, нанимаясь на окучку хлопка, на жатву и т. п. Пару лет Кадыров, который был младшим из братьев, работал батраком-каролом у одного из крупных баев кишлака — Таджибай-истарчи, державшего постоянно двух и больше батраков и имевшего пять-шесть издольщиков.

По воспоминаниям Абдурасуля Абдуразакова, колхозного бригадира (родился в 1902 г.), его отец был в постоянной кабале у баев: задолжав после смерти деда 40 золотых, взятых для устройства похорон, отец был вынужден продать землю и стать издольщиком, получающим одну пятую часть урожая. Впоследствии, несколько выправив свои дела неустанной работой, он стал арендовать землю из расчета двух пятых урожая. Однако отец Абдуразакова так и не

смог до самой революции избавиться от своих долгов, и только земельная реформа освободила его от байской кабалы. Абдуразаков вспоминает, что, будучи издольщиком-сеяком, рано утром шел он к баю, где получал чайник чая, в котором не ощущал никакой заварки, и лепешку. Целый день он работал голодный. Вечером, когда приходил к баю, приводя волов, тот давал ему снова такой же чай с лепешкой, выносил топор и говорил: „Пойди-ка, сынок, пока не готов ужин, покорчуй пни!“ И до полной темноты голодный усталый человек занимался тяжелой работой, после чего ему приносили чашку какой-нибудь похлебки (аталя, куча), выпив которую, он шел домой.

Эту выкорчевку пней после долгого рабочего дня и на голодный желудок многие вспоминают как самое тяжелое в их жизни, как ту последнюю каплю, которая переполняла чашу терпения.

На противоположном полюсе кишлака стояли богачи—баи, крупные землевладельцы, занимавшиеся торговлей хлопком и зерном, к которой они обычно присоединяли и торговлю скотом, закупаемым и откармливаемым в Киргизии.

Выявление точных размеров байских землевладений дало бы возможность исследовать процесс расслоения кишлака и степень концентрации земель в руках байства. Однако таких данных мы не находим ни в статистических изданиях, ни в другой дореволюционной литературе. Эти сведения начинают появляться лишь после революции.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., в Чартакской волости 4,5% общего числа хозяйств (235 хозяйств) владели 32,5% всей земли волости, а 74,2% хозяйств—27,2% земли. В брошюре А. В. Русакова без ссылки на источник приводится цифра в 1679 танапов поливной земли, которая „принадлежала двум десяткам байских хозяйств“¹. Эти цифры свидетельствуют о значительной степени концентрации земель в руках баев.

Недостаточность статистических сведений о размерах крупных землевладений придает этнографическим данным, полученным путем опроса, значение почти единственного источника для уточнения этого вопроса. Однако опросные сведения, правильно и глубоко освещающие социальные отношения, в то же время не дают надежных цифр. Если размеры землевладения мелкого и среднего дехкана, работающего сейчас в колхозе и не имеющего оснований скрывать свое прошлое, могут быть достаточно подробно и точно выяснены с его слов (так же как и вся история его хозяйства и его жизни), то гораздо сложнее обстоит дело с выяснением размеров и истории сложения крупных землевладений. Сведения о размерах байских хозяйств, обычно получаемые из вторых рук, страдают, как правило, неточностью, которая объясняется либо неосведомленностью информаторов, либо нежеланием близких к бывшим баям людей, иногда родственников, сообщить действительные цифры их владений.

Баи Чартака, всегда страдавшего от недостатка воды, охотно приобретали земли в других местах. Так например, самый крупный богатч селения Бешкана Реджаббай, по прозвищу Оголук, имел здесь всего пять-шесть танапов земли, тогда как в Учкургане ему принадлежал участок в 60 танапов.

Такие владения чаще всего оставались неизвестными посторонним людям.

Полученные опросным путем сведения говорят о том, что самым крупным богатчом селения Айкыран был Ташвойбай Якуббаев, обшир-

¹ А. В. Русаков, Хлопковый колхоз им. Сталина, М., 1939, стр. 5.

ная усадьба которого с большими тяжелыми воротами поныне служит хозяйственным двором колхоза. Количество земли, которой владел Ташвойбай, точно не установлено. По сообщению Джумы Абдуллаева, активного, но тогда очень молодого участника земельно-водной реформы, владения этого бая исчислялись тремястами танапов, считая лишь поливную землю, которая входила в земельную собственность. Большую часть этой земли Ташвойбай приобрел путем постепенной скупки у своих односельчан. Сведений о его земельной собственности в других местах не имеется.

Являясь крупным, по среднеазиатским масштабам, землевладельцем, Ташвойбай был также и одним из самых крупных скотоводов-мысленников кишлака. По словам очень осведомленного в этом вопросе Хасанбая Хашимова, заведующего коневодческой фермой колхоза, количество принадлежавших Ташвойбаю овец превышало полторы тысячи. Торговлей баранами, откармливаемыми киргизами, занимался также отец Ташвойбая Якуббай.

Ташвойбай вел общее хозяйство с двумя неотделенными братьями. Он держал много батраков и издольщиков-сеяков, так что, считая всех работников и членов семьи, включая детей от трех жен, за его скатерть ежедневно по вечерам садилось, как говорят, до ста человек.

Другим известным богачом Айкырана был Таджикибай-истарчи, получивший свое прозвище после того, как он ряд лет занимал должность старшины сельского общества. По одним сообщениям, возможно неточным, он владел 150 танапами поливной земли. В брошюре А. В. Русакова количество земли, которой владел Таджикибай-истарчи, указано равным 60 танапам.¹ По сообщению Джумы Абдуллаева, по-видимому, наиболее достоверному, у Таджикибая было 75 танапов земли, из которых во время проведения земельно-водной реформы ему было оставлено 30 танапов, а 45 танапов отобрано в пользу работавших на этой земле батраков-сеяков.

В период организации колхозов этот человек, прославившийся жадностью и немилосердной эксплуатацией своих батраков и издольщиков, вел активную борьбу против колхоза и его сторонников.

Крупным землевладельцем были брат Таджикибая, который, кроме сельского хозяйства, занимался ростовщичеством, давая под проценты не деньги, а зерно (дон фойдага берарида). К числу крупных баев, имевших по 75—100 танапов земли, относились также Хакимбай-ходжи, Мулло-Шодмохун, Махсудбай Махмудов, Махмуд-байбача, Хольмирзабай, Хомит-байбача и другие.

Крупнейшим богачом был житель Булянака Балтабай-мингбоши, в течение долгого времени занимавший должность волостного управителя. Имея связи по своей должности со всей волостью, он покупал земли в различных местах, и поэтому выяснить их общее количество даже приблизительно не удалось. В цитированной брошюре А. В. Русакова приведены сведения (несомненно, также полученные опросным путем), что Балтабаю принадлежало 250 танапов земли. Однако богатство Балтабая заключалось не столько в земле, которой он, несомненно, имел немало, сколько в иных видах собственности: ему принадлежали почти все лавки чартакского базара и два больших склада зерна (каппон). С лавок он получал арендную плату, сдавая их мелким торговцам; склады находились в его непосредственном распоряжении и обслуживались его работниками. Доход состоял из определенной части зерна, отдаваемого хозяину склада теми, кто привозил зерно на базар. Так как вся торговля зерном производилась

¹ А. В. Русаков, Хлопковый колхоз им. Сталина, М., 1939, стр. 55.

в складах, где были и весы, миновать этот побор не мог никто из продававших зерно, как бы мизерно ни было количество последнего.

Балтабай, по рассказам, происходил из семьи среднего достатка. В течение десяти лет он был мирабом, после чего его избрали старшиной айкыранского сельского общества (истарчи), а затем волостным управителем. Эту должность он занимал 15 лет. Богатства Балтабая не были наследственными; он приобрел их эксплуатацией односельчан, конечно, используя при этом свое служебное положение. Природный ум и обходительность помогали ему ловко маскировать свое истинное лицо эксплуататора. Балтабай пытался приспособиться и к советским условиям: еще до земельно-водной реформы, поняв, что ему не сохранить в неприкосновенности своих владений, он роздал свои земли в пользование сыновьям и более отдаленным родственникам, а лавки и склады „передал“ государству. Все это не помешало его разоблачению при проведении земельно-водной реформы.

К числу айкыранских богачей относились также Бой-Махмудбай, владевший 60 танапами земли, Иномбай Байматов, имевший 40 танатов, и другие.

Помимо богатых землевладельцев, в Чартаке было немало богачей-торговцев, оплетавших своими сетями трудовое дехканство. Сельский характер чартакского базара обуславливал направление торговли, которая велась преимущественно скотом и продуктами сельского хозяйства. Торговцев промышленными и фабричными товарами, в большинстве мелких, было немного. В предреволюционные годы особенное развитие получила торговля хлопком, которой занимались многие бай селения. Так, богатый житель Булянака Хольмирзобай, имея около 150 танатов земли, сдаваемых в аренду, занимался скупкой хлопка и перепродажей его на хлопкоочистительные заводы.

Богатые торговцы охотно приобретали и землю, обработка которой, при существовавшей системе издольных аренд, не требовала с их стороны почти никаких усилий и забот.

Скупка земель баями осуществлялась самым грабительским образом. Это не было актом добровольным, в котором действовали бы равные по своим правам стороны. Бай ловко применяли разработанную издавна технику закабаления бедняка и даже середняка посредством опутывания их долгами. Если издольщик бай владел своим небольшим наделом, то бай при дележе урожая любезно предлагал издольщику не отдавать взятого аванса, оставив его до следующего года. Когда бай хотел завладеть землей человека, ведшего свое хозяйство независимо, он пользовался каждым случаем, когда намеченная жертва оказывалась в затруднительном положении, и предлагал займы денег под залог земли.

Залог земли был единственным способом получить деньги. Как говорят дехкане, теперешние колхозники, „для человека, у которого не было земли, и денег не было“.

Такое положение отмечено В. Юфревым и для Андижанской области Ферганской долины: „Заклад земли практикуется в широких размерах. Земельные участки являются единственным наиболее ценным имуществом земледельческого населения, а потому при всевозможных займах служат обеспечением для кредитора“¹.

Для закабаления трудящихся дехкан бай часто использовали старые обычаи, исполнение которых считалось обязательным религиозным и нравственным долгом. Соседи и родственники участвовали во всех семейных событиях друг друга—свадьбах, похоронах, обре-

¹ В. Юфев, Хозяйство сартов Ферганской долины, Ташкент, 1911, стр. 17.

заниях и т. п. Эти события сопровождались обязательными пиршествами, обходившимися очень дорого, вследствие большого числа их участников. Каждый, попирав у соседа, тем самым обязывался угостить его при подобном же событии в своей семье, отдарить за принесенные подарки. Чрезвычайно велики были расходы на похороны и поминки. И тут путь вел к дверям бая, который охотно давал деньги под долговое обязательство, под залог земли. Многие биографы бывших батраков и безземельных издольщиков включают в себя этот момент — утрату всего семейного достояния, выразившегося в нескольких танапах земли, после смерти какого-нибудь наиболее уважаемого члена семьи, достойно похоронить и помянуть которого обязывала его наследников семейная честь.

Понятие о семейной чести заставляло, при совершении обрядов, тянуться за людьми более состоятельными, делая совершенно непосильные расходы, разом низвергавшие семью на более низкую социальную ступень.

К закабалению малосостоятельных дехкан нередко приводил и обычай складчин (джура), в которых участвовали все мужчины селения, достигшие зрелого возраста. Зимой, после окончания полевых работ, ежедневно (кроме базарного дня, когда каждый проводил, по обычаю, время в кругу своей семьи и когда дома готовилось лучшее блюдо) мужчины селения собирались группами, состоявшими на весь зимний сезон. На собранные деньги запасали на всю зиму мясо и сало; остальные продукты, так же как и топливо, доставлял очередной член товарищества, устраивающий пирушку (гап). Честь каждого требовала, чтобы всего было с избытком, а разводившийся посреди комнаты или в камине костер пылал всю ночь веселым пламенем. Для того, чтобы достойно организовать такую пирушку, азартные члены товариществ не жалели ничего, и немало плодоносящих урюковых деревьев, древесины которых дает особенно много жара, пало под ударами топора тех, кто не смог, за безденежьем, своевременно запастись дровами.

Эти складчины, поглощавшие все достояние семьи, накопленное тяжелой работой в течение года, обрекали на полуголодное существование остальных ее членов. Попирав на угощениях, которые устраивали для всей компании товарищи, несостоятельный дехкан, когда приходила его очередь, бросался к баю, и тот, выговорив себе наивыгоднейшие условия, „выручал“ его. При этом бай, обычно, не давал займы денег, а брал на себя устройство пира, не уточняя сумм своих расходов — и всегда оказывался в выигрыше. Он заручался обязательством своего должника отработать определенное количество дней в самое горячее летнее время или получал с него долговую расписку. И в том, и в другом случае обратившийся к баю попадал в его руки, намного ухудшая свои перспективы на будущий год. Отягощенный долгом или лишенный возможности наиболее рационально потратить самые драгоценные дни во время летних работ, дехкан ставил себя и свою семью в необходимость еще больше влезать в долг, что, в конечном счете, вело к потере экономической самостоятельности.

Помимо этого приема закабаления юридически свободного крестьянина, бай широко использовали и прием прямо противоположный: при расчете с работником или издольщиком они, как правило, выплачивали ему лишь часть заработанного оставаясь, таким образом, перед своим работником в долгу. Однако вместо того, чтобы поставить работника в более выгодное положение, этот долг еще более привязывал к „должнику“ его „кредитора“.

Иногда задолженность хозяина достигала значительных размеров. Если работник настойчиво требовал своего, бай говорил: „Разве я от- казываю тебе? Если надо тебе пшеницы—бери вот этот мешок!“ И он давал работнику мешок зерна, оставляя за собой иногда десятки пудов заработанных продуктов, крайне необходимых для поддержа- ния жизни всей семьи опутанного баем бедняка.

Так, по рассказу жителя селения Булянак Мурадбая, семья од- ного из его соседей, Худойназара, постепенно вымерла от голода, тогда как в руках бая, у которого работал как издольщик Худой- назар, оставалось больше сотни пудов заработанной им пшеницы.

Умело использовали бай и старинный обычай супряги (альгон), идущий, несомненно, от общинно-родового строя.

В работах этнографов и в общепринятом мнении под супрягой понимается объединение маломощных дехкан для совместной обра- ботки земли, в основном—объединение ими рабочего скота, практикуемое в тех случаях, когда в хозяйстве есть одна лошадь или один вол, что не обеспечивает запряжки. Однако по данным, собранным в Чар- таке, супряга в предреволюционные годы приобрела здесь иной ха- рактер и служила для баев, имевших в своем распоряжении доста- точно рабочего скота, средством получения даровой рабочей силы. Давая на один день пару волов с омачом бедняку-дехкану, бай, по установившемуся обычаю, получал право на работу этого бедняка в течение 10 дней без всякого вознаграждения.

Эти уловки, хотя и старательно прикрывавшиеся патриархаль- ностью в отношениях бая с работниками, вызывали ненависть и глу- бокое возмущение со стороны бедняков, терпение которых в пред- революционные годы уже полностью истощилось.

Недовольство выливалось иногда в ссорах и спорах, однако гнев и озлобление бедняков редко доходили до открытого противодей- ствия эксплуататорам. Дехкан сдерживала как полная зависимость от хозяев, так и внушенные с детства нормы поведения. Определяемые патриархальным уважением к старшим, распространявшимся и на богатых и сильных, эти нормы поведения играли крайне реакцион- ную роль, воспитывая покорность судьбе, олицетворявшейся для бедняка в бае-хозяине, от которого зависело все его существование.

Однако несмотря на то, что бедняки Айкырана, с его отстала- ми социальными отношениями, были особенно темными и забытыми, протест, при благоприятных условиях, был готов выразиться и в от- крытых выступлениях, направленных против баев и поддерживавшей их сельской администрации.

В 1916 г., когда выступления трудящихся широкой волной про- катились по Узбекистану, бедняки Айкырана не остались в стороне от этого движения. В донесениях царских чиновников упоминается кишлак Бешкапа как один из пунктов, где бедняки-дехкане восста- ли против своих угнетателей: они совершили открытое нападение на дом старшины Кельдыбая Игамбердыходжаева, который являлся одним из крупнейших богатей селения¹.

Положение середняка-дехкана в Айкыране полностью соответ- ствовало той характеристике, которая дана среднему крестьянству В. И. Лениным: „Оно отличается *наименьшим* развитием товарного хозяйства. Самостоятельный земледельческий труд разве лишь в луч-

¹ О. Д. Чехович, К вопросу о характере восстания 1916 года в Узбекистане, Доклады АН УзССР, № 9 за 1953 г., стр. 46.

ший год и при особо благоприятных условиях покрывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении... Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата. По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливых, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции¹.

Средняя дехканская семья в Чартаке могла прожить, не прибегая к поискам заработка на стороне, если имела не меньше восьми-десяти тананов поливной и некоторое количество богарной земли и то при условии хорошего урожая. Неурожай или расходы на какое-либо семейное событие нарушали экономическую самостоятельность семьи, превращая ее в бедняцкую.

Из всех приведенных выше фактов явствует, что процесс концентрации земель в руках баев, с одной стороны, и обезземеливания беднейших слоев дехкан, с другой, в кишлаках Чартака зашел довольно далеко, создавая условия для развития капитализма.

Однако характерным для Чартака было сохранение феодальной системы эксплуатации—различных форм кабальной аренды. Привязывая работника к хозяину на долгие годы, а иногда и на всю жизнь, она ставила его в личную зависимость, иной раз распространяясь и на следующее поколение, вынужденное отрабатывать баю долги, опутавшие старшего члена семьи. Из этого следует, что экономика дореволюционного Чартака была в основном феодальной. Те баи, которые вели крупное товарное хозяйство, были не столько капиталистами, сколько феодалами, умело использовавшими как новые формы социальных отношений, дававшие им возможность обогащаться и развивать свое хозяйство за счет эксплуатации наемного труда, так и старые, традиционные, выработанные при феодализме.

Развитие крупных байских хозяйств в Средней Азии, в том числе и в Чартаке, не сопровождалось повышением их технической базы, как это было свойственно кулацким хозяйствам в России, вводившим у себя машины и применявшим химические удобрения. Здесь, вследствие сохранения старой, унаследованной от феодальной эпохи парцеллярности хозяйства—системы сдачи крупных земельных владений в аренду по частям, мелкими участками беднякам-издольщикам—хозяйство крупного землевладельца сохраняло полностью свой низкий технический уровень. Земледельческое производство передавалось целиком в руки людей, задавленных нуждой и бесправием, неграмотных и не располагающих средствами для улучшения производства. Такая система ведения хозяйства имела своим следствием сохранение здесь низкого технического уровня, низкой производительности труда, рутинных, истари сложившихся форм и исключала возможность какого-либо прогресса. Стремясь повысить доходность своих земель, крупные землевладельцы пользовались единственным средством—усилением эксплуатации.

Социальное неравенство, тяжелые формы эксплуатации, обогащение одной части сельского населения за счет другой, бессилие не обеспеченных слоев дехканства против опутывавших их долгами баев чрезвычайно обостряло социальные противоречия, накапливало, под прикрытием ложной патриархальности, горечь и возмущение бедноты против эксплуататоров.

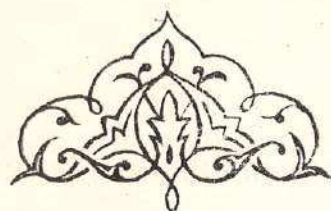
¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 148.

По рассказу того же Мурадбая, один из беднейших издольщиков кишлака Булянак—Абдурахим, который всю жизнь работал на полях баев и нередко возил в их дома мимо ворот своей хибарки полные арбы зерна, говорил, что он не примирится со своей судьбой до тех пор, пока не увидит арбу с зерном, въезжающую к нему на двор. „Если я умру, не увидев этого,—прибавлял он,—то так до дня всеобщего воскресения и буду стоймя стоять в могиле.“

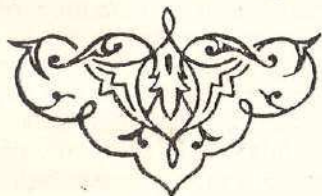
В этих словах выразился протест человека, доведенного до крайней степени отчаяния, восставшего против аллаха и ниспосленной им судьбы. Как ни наивна эта форма социального протеста, в ней ярко рисуется вся глубина социальных противоречий, разъединивших кишлак предреволюционного периода.

Однако до Великой Октябрьской революции трудовое и эксплуатируемое дехканство не могло найти выхода из создавшегося для него невыносимого положения. Скрытый огонь классовой ненависти, мечты о получении в свои руки той самой земли, которая обрабатывалась дехканами нередко в течение десятилетий, подготовили остальные массы феодального дехканства к активному участию в революционном переустройстве всей жизни сельского населения Узбекистана, в том числе и Чартака. Эти настроения беднейшего дехканства создали условия, при которых мероприятиям советской власти, направленным на борьбу с байскими элементами в кишлаке, на обеспечение средствами производства беднейших слоев дехкан и батраков, а затем и на переход к новой системе коллективного хозяйства были обеспечены сочувствие, поддержка и активное участие трудовых элементов кишлака. В прошлом задавленные тяжелой эксплуатацией, дехкане сделались при советском строе хозяевами своей жизни и строителями нового социалистического общества.

СЕЛЕНИЕ
АЙКЫРАН
ПОСЛЕ
ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЕНИЯ АЙКЫРАН ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Глубочайший переворот, который произошел в жизни не только народов советской страны, но и всего мира в результате Великой Октябрьской социалистической революции, вкратких и точных словах обрисовал И. В. Сталин: „...победа Октябрьской революции означает коренной перелом в истории человечества, коренной перелом в исторических судьбах мирового капитализма... коренной перелом в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира“¹.

Коренной перелом произошел в результате победы Октябрьской революции и в жизни селения Айкыран. Начался новый период в его истории—период социалистического преобразования.

Это было процессом длительным и нелегким, но, чем дальше, тем все более быстрыми темпами шел этот процесс, и его итогом является превращение отсталого кишлака в преуспевающий передовой колхоз.

Декреты 1917—1918 гг. о национализации помещичьей земли и распределении ее между крестьянами, приведшие в русской деревне к немедленным изменениям в землепользовании, а также декрет о ликвидации хозяйств помещичьего типа в Туркестане в условиях Айкырана, где не было крупных поместий и помещичьих запашек и где господствовала парцеллярная система земледелия, не дали немедленного эффекта. Эти декреты не привели к созданию здесь государственного земельного фонда для наделения дехкан землей, потому что баи сумели скрыть размеры своего землевладения. Сохранив землю, баи продолжали эксплуатировать зависимых от них бедняков-дехкан, работавших на байских землях в качестве издольщиков и батраков.

Однако политические позиции баев были уже подорваны революцией, и дальнейшие мероприятия Советской власти очень скоро пробудили классовое сознание беднейшего дехканства, подготовленного к этому остротой социальных противоречий дореволюционного кишлака. Каким бы отсталым ни был кишлак до революции, как ни сильны были здесь традиции патриархальных отношений, затуманивавших классовые, отношения—линия Советского правительства и коммунистической партии на объединение всех трудящихся против эксплуататоров была близка и понятна беднякам, находила в их сердцах отклик и сочувствие.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 240.

Вскоре после революции дехкане стали ощущать всемерную экономическую поддержку со стороны Советской власти. Эта поддержка выражалась в снабжении Туркестана, в особенности хлопководческих районов, хлебом, в снижении налогового обложения трудовых хозяйств, в развитии кооперативной торговли, в предоставлении дехканским хозяйствам долгосрочного и краткосрочного кредитов семенами и удобрениями, распространявшимися через сеть кредитных товариществ (Ширкат) и низовых организаций Пахтасоюза. Государственный кредит освобождал дехкан от опутывавшего их раньше ростовщического капитала, что помогло многим бедняцким семьям встать на ноги. Происходившая в этот период в среднеазиатских кишлаках перегруппировка социальных сил не могла не отразиться и на жизни дехкан кишлака Айкыран. Положение батраков и издольщиков значительно изменилось, в особенности после того, как наем батраков и слача земли в аренду стали оформляться через местные ячейки Союза бедняков (Кошчи) или профсоюза Работников земли и леса (Йер-тукай) и, таким образом, оказались под контролем государства и общественных организаций.

Несмотря на отсутствие до 1924 г. в районе Чартака и в самом кишлаке Айкыран партийных и комсомольских организаций, руководящее влияние партии чувствовалось в кишлаке все сильнее и сильнее. Оно находило выражение в работе всех советских организаций кишлака, направляемой декретами и директивами Советской власти, а также в неуклонно проводившейся среди трудового дехканства агитации.

Старейшие члены колхоза вспоминают нескольких постоянно бывавших здесь коммунистов-агитаторов из Намангана, которые вели беседы с батраками и дехканами, помогая им осознать свои классовые интересы, разобравшись в социальных отношениях кишлака.

Среди батраков зародилось движение за отобрание вакуфных земель, принадлежавших многочисленным „богоугодным“ заведениям — мечетям и медресе, находившимся как в кишлаке, так и в Намангане. Это движение свидетельствовало о значительных сдвигах в сознании дехкан: испокон веков вакуфная земля считалась неприкосновенной. Духовенство усиленно распространяло и поддерживало представление о том, что присвоение вакуфной земли является тягчайшим грехом, за который будет наказан богом не только тот, кто его совершил, но и каждый, кто съел кусок хлеба, полученного с этой земли. Когда айкыранские бедняки задумали нарушить этот закон, имамы мечетей, ишаны, бай, старики, воспитанные в духе повиновения религии, отсталые элементы, в том числе и некоторые бедняки, — все повернулись против дерзких смельчаков, одни — ожесточенно призывая на их головы небесные кары, другие — дружески советуя им идти против аллаха, против стариков и богачей.

Однако все угрозы, запугивания и предупреждения не помогли: изданный государством декрет об изъятии вакуфных земель поддержал требование батраков и облегчил его осуществление. Полученную землю батраки не взяли каждый в свое личное пользование и не разделили на небольшие клочки — было решено организовать одно коллективное хозяйство, в которое вошло первоначально около 30 семей, получивших в общей сложности 120—150 танапов земли. Это произошло в конце 1924 г. Во главе артели встал молодой энергичный батрак Урманджан Турабаев.

По неписанному уставу этой артели, все ее члены должны были сообща работать, поровну делая все доходы. „Обобществлять“

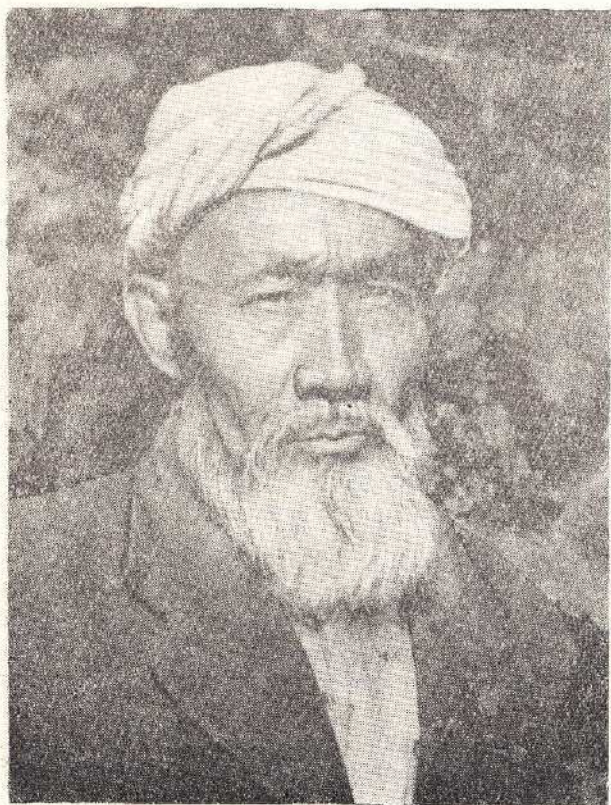
Урманджан Турабаев, первый председатель батрацкой артели, затем председатель колхоза им. Сталина.

какие-нибудь средства производства не пришлось за их полным отсутствием: члены артели не имели ничего, кроме кетменей,—и каждый работал своим.

Перед артелью встали большие трудности. Работавшие до сих пор в хозяйстве баев, получая от них скудное питание для себя и авансы для прокормления семьи, бывшие батраки и издольщики оказались теперь обладателями земли, но не имели ни рабочего скота, ни орудий, ни семян, ни средств, которые дали бы возможность прокормиться до первого урожая.

Когда пришла весна и надо было приступить к полевым работам, отказавшись от приработков, которыми члены артели, каждый отдельно, перебивались в течение зимы, пришлось совсем туго. Многие испугались этих трудностей и стали уходить из артели. Но наиболее стойкие смотрели на сохранение артели как на дело своей чести. Они решили не отдавать того, что получили с таким трудом (шуни тутканимиз—туткан, артел булганимиз—булган, абруимизни тукмаймиз; мы взяли за это—так взяли, стали артелью—так стали, не уроним своей чести).

Артельщики обратились за помощью в Наманган. Партия и Советское государство пришли им на помощь: артели было прислано 200 пудов пшеницы и деньги, на которые была приобретена лошадь с арбой. Вскоре в кишлаке появился первый трактор, вспахавший землю артели и многих бедняцких хозяйств.

Юлдаш Хакимбрек, старейший член батрацкой артели.

Образовались артели и в других частях селения — в Бешкапа и Булянаке. Булянакская артель вскоре распалась; в Бешкапа же она существовала до сплошной коллективизации — на ее основе организован колхоз Кзыл Октябрь¹.

Преимущества коллективного труда сказались сразу, несмотря на всю примитивность его организации в батрацких артелях: в первый же год айкыранской артелью был получен урожай в 10—12 пудов хлопка с танапа, тогда как единоличные хозяйства получили только по 7 пудов.

История сложения в селении Айкыран первой батрацкой сельскохозяйственной артели исключительно интересна и поучительна. Как известно, далеко не во всех районах и селениях Узбекистана смогли так рано сложиться крепкие, жизнеспособные коллективные хозяйства. Артель Айкырана является ярким примером такого хозяйства, служа доказательством глубокой народности самой идеи колхозного строя.

Практическое осуществление перехода к колхозному строю в Узбекистане происходило под руководством центральных и местных органов Коммунистической партии. В Чартаке большую роль сыграла организованная в 1924 г. партийная ячейка, в которую вошли наиболее сознательные и активные члены батрацких артелей. Эти люди были проводниками великих идей коммунизма, ими осуществлялась политика партии, подготавливалась и проводилась дальнейшая борьба с эксплуататорскими классами за социалистическое преобразование кишлака.

К этому времени советской власти удалось полностью ликвидировать в Ферганской долине остатки разгромленного еще в 1922 г. басмачества, тормозившего революционное переустройство кишлака. Пользуясь поддержкой баев, особенно бывшего с ними в тесной связи Ташвойбая, басмачи терроризировали население Айкырана, и только полная ликвидация басмачества позволила массам трудящихся перейти к более решительному преобразованию всей своей жизни, путь к которому указывала Коммунистическая партия Советского Союза.

Громадную роль в этом преобразовании сыграла земельно-водная реформа. Ее значение было особенно велико для таких районов, как Айкыран, где кулачество сохраняло еще в тот период в своих руках основные средства производства. Земельная реформа была важным этапом того открытого боя на глазах у всего крестьянства, в результате которого «... массы крестьян убедились в слабости капиталистических элементов»², смогли одержать над ними окончательную победу и, осуществив ликвидацию кулачества как класса в процессе коллективизации, перейти к построению социалистического хозяйства в деревне. Благодаря проведению земельной реформы, в руках государства оказался фонд земель, которыми могли быть наделены бедняцкие слои дехканства.

Решение о проведении земельно-водной реформы в Узбекистане было принято на втором съезде Коммунистической партии Узбекистана, состоявшемся в ноябре 1925 г. 2 декабря того же года на чрезвычайной сессии ЦИК УзССР был принят декрет „О национализации земли и воды“ и наделении землей безземельных и малоземельных

¹ Сообщение А. В. Русакова об образовании в Айкыране четырех артелей, по-видимому, основано на недоразумении (А. В. Русаков, Хлопковый колхоз им. Сталина, М., 1939, стр. 11—12 и 14).

² Иосиф Виссарионович Сталин, Краткая биография, М., 1947, стр. 129.

дехкан, что привело к уничтожению условий, позволяющих крупным землевладельцам и ростовщикам закабалить деревенскую бедноту.

В 1925—26 гг. земельно-водная реформа проводилась в трех областях—Ташкентской, Самаркандской и Ферганской.

В Айкыране, как и в большинстве других районов Ферганской долины, земельная реформа началась в конце 1925 г. и закончилась в начале 1926 г. Она была подготовлена всей деятельностью советских и партийных организаций в предшествовавшие годы. К моменту реформы было достигнуто четкое разграничение социальных сил в кишлаке, выявлены лица, жившие эксплуатацией чужого труда, и те, кто в течение всей своей жизни работал на чужой земле. В накоплении конкретных данных о кишлачных баях и бедняках большую роль сыграли союзы Кошчи и Рабземлес. Большое значение имела настойчиво и умело проводившаяся партийными организациями агитационная работа, подготовившая дехканские массы к активному участию в реформе, способствовавшая перестройке их сознания, испокон веков воспитывавшегося на почтении к старшим и сильным, на покорности, на представлении о незыблемости поддерживаемых религией законов. Немалую роль в подготовке и проведении земельно-водной реформы сыграл актив батрацких артелей, составивший ядро чартакской партийной организации. Многие члены артелей вошли в состав комиссии по проведению земельно-водной реформы.

Земельная реформа предусматривала изъятие у крупных землевладельцев излишков земли и оставление им трудовой нормы, которая в условиях Айкырана была принята в размере 18 таналов. Во владении байских хозяйств оставлялся скот и орудия, необходимые для обработки этой довольно значительной площади; излишки скота и орудий также подлежали конфискации. Изымались и распределялись между беднейшими дехканами и крупные запасы продуктов—муки, зерна, обнаруживаемые в закромах байских домов и скопленные трудом батраков и издольщиков. Изъятие у баев Айкырана излишков земли, скота и орудий производства и распределение их между беднотой кишлака было осуществлено при громадной активности масс трудового дехканства. Митинг, организованный на базарной площади, привлек огромную толпу народа. У многих были красные повязки на руках, молодежь подпоясалась красными платками, повязала красные банты на кетмени, которые были принесены с собой как знамя, как свидетельство принадлежности к людям труда. Даже женщины, испокон веков изолированные от общественной жизни, явились на митинг в красных платках, с красными бантами в волосах, хотя большинство—под покровом паранджи. Тут же, на площади, были розданы по списку орудия и скот и объявлено о распределении земли.

Активно участвовали бедняцкие массы в изъятии излишков у баев, в дома которых они являлись вместе с комиссией—как они говорили, „чтобы баи знали, что и мы тут“. Вмешивались бедняки кишлака и в распределение конфискованного.

Активность проявляли теперь и женщины. Они тоже почувствовали себя, наконец, полноправными гражданами, которые могут, наравне со всеми, высказать свое мнение. Некоторые из них, как например, Зульфия Кукибаева, принимали участие в работе земельных комиссий.

Улучшилось после проведения земельно-водной реформы и положение айкыранской артели, которой был выделен дополнительный надел земли в 30 десятин. Дополнительный надел земли получила и артель в Бешкана.

Следующим весьма важным мероприятием, являвшимся дальнейшим этапом земельно-водной реформы, было преобразование всей системы водоснабжения. Развитию ирригации в Средней Азии Советское правительство и Коммунистическая партия всегда уделяли исключительное внимание. 17 мая 1918 г. Лениным был подписан декрет „Об ассигновании 50 млн. руб. на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ“. В течение 1921—24 гг. из государственных средств было отпущено еще 9 млн. руб. золотом и значительные ассигнования из местных средств. Эти мероприятия дали возможность улучшить систему ирригации. Работы по восстановлению запущенной в годы гражданской войны оросительной сети, а также по реконструкции водных систем были развернуты по всему Узбекистану. Они расширились в связи с принятием первого пятилетнего плана.

Преобразование системы водопользования и увеличение водных ресурсов были особенно необходимы для таких необеспеченных водой районов, каким являлся Чартак. Здесь были уничтожены все оставшиеся еще с ханских времен привилегии в водопользовании. Воду сая распределили между всеми расположенными на нем селениями равномерно, в зависимости от размера земельных площадей. Было ограничено количество посевов риса в кишлаках, находящихся в верховьях Чартаксая и забиравших раньше львиную долю его воды, что особенно широко практиковалось богатыми землевладельцами. Этими мероприятиями была восстановлена, наконец, справедливость, так долго попиравшаяся ханскими указами и царскими властями.

Помимо перераспределения воды, был принят ряд мер к исправлению и улучшению ирригационных сооружений, благодаря чему Айкыран стал обеспечиваться водой гораздо лучше, чем прежде. Дехкане кишлака смогли значительно увеличить посевы хлопка и повысить урожайность всех возделывавшихся ими культур. Передел воды и улучшение всей системы водоснабжения сыграли в пробуждении активности дехканских масс не меньшую роль, чем земельная реформа—при перечислении того, что они получили от Советской власти, айкыранцы никогда не забывают упомянуть об обеспечении водой их земель. Улучшение системы водоснабжения открыло широкие возможности для повышения урожаев, а следовательно, для улучшения материальных условий существования дехканства.

Как ни значительны были преобразования, достигнутые в ходе земельно-водной реформы, они, однако, не в состоянии были полностью перестроить социальные отношения в кишлаке. Сохранялось мелкое индивидуальное хозяйство, которое не имело перспектив радикального улучшения техники и агротехники и повышения продуктивности труда, а следовательно, и не могло привести к коренным переменам в материальном положении и культурной жизни дехканства. Несмотря на изъятие излишков, в руках баев оставались еще сравнительно большие площади земли. Байские земли, поделенные между многочисленными бедняками кишлака, не могли обеспечить полностью их нужд. Эти задачи смогла выполнить только широко развернувшаяся коллективизация. Как писал И. В. Сталин: „Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние“¹.

XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. вынес решение о всемерном развертывании коллективизации сельского хозяйства. II пленум

¹ История ВКП(б), Краткий курс, М., Госполитиздат, 1946, стр. 291

ЦК КП(б) Узбекистана, происходивший в феврале 1928 г., наметил план дальнейшего развертывания колхозного строительства. Переломным годом был 1929 г., когда движение дехканства за коллективизацию хозяйства приняло массовые формы.

В условиях Айкырана большую агитационную и организационную роль сыграли батрацкие артели, за годы своего существования сумевшие доказать дехканству не только жизнеспособность, но и преимущества коллективного хозяйства. Работа в артелях дала их членам навыки коллективного труда и наглядно показала, что для трудового дехканства путь коллективизации является единственным путем к благосостоянию и культуре.

К моменту широкого развертывания колхозного движения, когда перевод единоличного крестьянского хозяйства на основу сельскохозяйственных артелей стал главной линией аграрной политики партии и Советского правительства, в Айкыране имелся сплоченный, закаленный в трудностях борьбы за коллективное хозяйство актив сторонников коллективизации, к которому тяготели и многие из тех, кто, не состоя в артели, был связан с ее членами узами классовой солидарности, дружбы, а нередко и родства. Наличие такого актива явилось прочной базой для организации колхозов.

На митинге, где дехкане должны были голосованием решить, быть или не быть колхозу, все члены артели, а за ними и многие другие дехкане, бывшие бедняки и батраки, дружно проголосовали за колхоз. В той стороне площади, где члены артели стояли сплоченной группой, к которой стягивались все их единомышленники, поднялся целый лес рук, и крики „колхоз булсун!“ (пусть будет колхоз!) заглушали голоса тех, кто кричал „колхоз булмасун!“ (пусть колхоза не будет). Началась свалка: толпа баев и их сторонников бросилась на инициаторов организации колхоза с кулаками и ножами.

Многие из баев, показавших, что они готовы бороться с колхозами всеми средствами, были вскоре арестованы и высланы из селения. Более осторожные противники колхоза пытались помешать его организации путем распространения провокационных слухов. Пущенный ими слух о том, что будут обобществлены жены, заставил многих заявить о своем выходе из колхоза.

Партийные организации приняли немедленные меры для борьбы с этими слухами, так же как и со всеми искривлениями в проведении коллективизации. Приехавшие из Намангана агитаторы, в основном люди давно здесь известные и пользовавшиеся среди дехкан Айкырана доверием, разъясняли установки партии и правительства, подчеркивали добровольность объединения дехкан в колхозы, разоблачали провокационный характер ложных слухов. Поддержка со стороны государства, приславшего колхозу сельскохозяйственные орудия, продукты питания и промышленные товары, также сыграла свою роль в повороте массы трудового дехканства к колхозному строю, и скоро те, которые оставались вне колхоза или вышли из него под влиянием байской агитации, потянулись с заявлениями о приеме в колхоз.

В 1930 г. коллективизация приняла массовый характер. В правобережной части Чартака организовалось три колхоза: на базе кишлака Айкыран сложился колхоз им. Сталина, в кишлаке Булянак — колхоз Байнальмилляль, в Бешкапа — колхоз Кзыл Октябрь. К их руководству, по воле большинства, пришел тот же испытанный батрацкий актив, который стоял во главе артелей. Правильное партийное руководство, подбор в состав правления колхоза талантливых

организаторов из бедняцко-батрацких масс, сохранивших свою роль в его жизни и понине, определили характер внутренних отношений в колхозе. Колхоз им. Сталина не знал тех тяжелых осложнений, искривлений и ошибок, которые имели место в начале колхозного строительства в некоторых других колхозах. Трудовая закалка колхозного ядра, состоящего из людей, с детства привыкших к тяжелому труду, ценящих завоеванное ими право работать на самих себя, сделала любовь к труду, умение самоотверженно работать характерной чертой членов этого колхоза. Здесь не могли оставаться лодыри и бездельники, весь строй внутренней жизни колхоза способствовал воспитанию трудолюбия, добросовестности и любви к своему колхозу.

Это определило те успехи, которые сопутствовали всей работе колхоза и сказались на росте урожайности, увеличении доходов колхоза и благосостояния колхозников.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОЛХОЗА им. СТАЛИНА

Колхоз им. Сталина был крупным хозяйством уже в первые годы своего существования, то есть в 1931—32 гг., когда, в результате завершения сплошной коллективизации, полностью определился состав его членов. Только посевы хлопка, представлявшего собой основную культуру, выращиваемую колхозом, занимали к тому времени свыше 400 га. Общая площадь земель, закрепленных за колхозом актом о передаче в вечное пользование, достигала 758 га поливной земли и 400 га не-поливной. После укрупнения колхоза в 1950 г., когда к нему присоединились два соседних, менее мощных колхоза—Кзыл Октябрь и Байнальмилляль, общая площадь земель колхоза достигла 3162 га, из которых 1864,6 га составляют поливные земли с плодородной почвой и глубоким залеганием грунтовых вод, что предохраняет их от засоления. Из этой площади 37,6 га занято садами, 146 га—поселком и приусадебными участками колхозников. Из неорошенных 1297,4 га лишь немногим больше 350 га пригодны для богарного земледелия и используются под посевы, остальная часть представляет собой холмы (адыры), каменистые выгоны и пески.

Все земли колхоза расположены одним массивом по правому берегу Чартак-сая.

Население колхоза в 1952 г. исчислялось в 1017 семей, членами колхоза состояло 1746 человек.

Колхоз занимается преимущественно хлопководством. В 1952 г. хлопком засевалось 1044 га, что составляет около 57% всей поливной земли колхоза. В комплексе с хлопчатником сеяли люцерну. Посевы остальных культур, в том числе и садово-огородных, составляли небольшой процент. В связи с указаниями сентябрьского и последующих Пленумов ЦК КПСС руководство колхоза намечало расширение этих площадей.

Животноводство, как стойловое, так и отгонное, базирующееся на горных пастбищах Киргизии, в экономике колхоза занимало сравнительно небольшое место. Промышленное значение колхозного животноводства было невелико. Однако в абсолютных цифрах поголовье скота было довольно значительно: 3500 голов овец и коз, около 600 голов лошадей и около 200 голов крупного рогатого скота.

Около 1,4% своих доходов колхоз получал от шелководства. Особое значение хлопководства для жизни колхоза определяется тем, что от хлопка колхоз получает до 97% своего годового дохода. В возделывании хлопчатника колхозники видят основу своего благосостояния, и в этой именно области в наивысшей степени проявляется их мас-

Полив хлопковых полей.

терство и знания. В хлопководство вкладывает колхоз больше всего средств, времени и творческого, нередко героического труда. Источником благосостояния колхозников являются высокие урожаи хлопка, которые все время повышаются, оправдывая характеристику, данную этому растению полеводом колхоза Убайдуллой Мирабдуллаевым: „пахтани чегараси йоқ“ (у хлопка нет границ).

В 1931 г., через год после своей организации, колхоз собрал уже высокий по тому времени урожай в 15, 2 ц хлопка сырца с га. В 1938 г., когда колхоз стал сеять египетский хлопчатник (который позже был заменен другими сортами, признанными более подходящими в данных условиях), урожай поднялся до 29 ц с га, а в 1941 г., несмотря на начавшуюся войну, колхоз собрал по 30, 6 ц хлопка с га. В 1949 и 1950 гг. урожай достигал в среднем 35—36 ц с га при исключительно высоком качестве хлопка, сданного больше чем на 80% отборным и первым сортами. Отдельные звенья получили по 60 ц с га (звено награжденного орденом Ленина Салибая Каримова) или урожай, близкие к этому.

Высокие урожаи хлопка были достигнуты в результате роста земледельческой культуры и повышения общего культурного уровня населения.

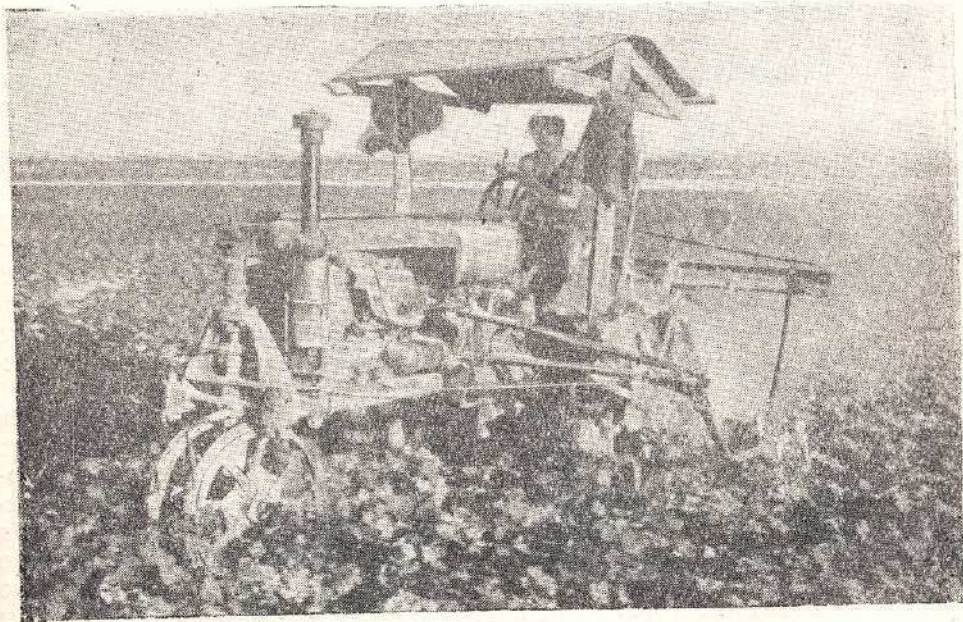
Эти успехи сделались возможными благодаря широкой и всесторонней помощи, которую партия и государство оказывали колхозу с самого момента его организации.

Помощь советского государства колхозу многообразна. Предоставив ему в вечное пользование землю, государство обеспечивает колхозное хозяйство отборными семенами наиболее урожайных и скороспелых сортов хлопка, которые вывели советские ученые в интересах государства и колхозников; оно снабжает колхоз минеральными удобрениями, средствами для борьбы с сельскохозяйственными вреди-

телями. Через систему контрактаций государство обеспечивает колхозу сбыт его продукции. Эта помощь выражается, наконец, в организации мощных машинно-тракторных станций, оснащенных всеми передовыми, наиболее совершенными машинами. Наличие МТС позволяет колхозам, не затрачивая средств на приобретение машин, широко применять их в своем хозяйстве, основывать его не на старой, отсталой ручной технике, а на современной, машинной, год от года развивающейся технике, радикально изменившей все сельское хозяйство советского Узбекистана, а с ним и изучаемого нами колхоза им. Сталина.

Большая часть работ в колхозе выполняется машинами. Колхозники, многие из которых в прошлом не имели образования, а то и просто были неграмотными, сейчас творчески применяют в своей работе механизмы, отыскивая пути к тому, чтобы, как бесхитростно, но точно выразился полевод Мирабдуллаев, „работу колхозников сделать более легкой, получать от земли побольше продуктов, затрачивая поменьше труда“. Мирабдуллаев по своей инициативе поставил опыт замены чрезвычайно трудоемкой ручной кетменной окучки хлопчатника, производившейся в этом колхозе по семи раз и съедавшей громадное количество труда, шестикратной культиваторной окучкой, при одной ручной (первой). Проведенный им в 1951 г. опыт подобной обработки 15 га хлопчатника дал прекрасные результаты.

Сельскохозяйственный труд в колхозе строится на базе современных достижений агрономической науки и новой советской техники. Механизация трудовых процессов, освобождая людей от самых тяжелых, изнуряющих работ, позволяет им направить всю свою энергию на достижение наилучшей организации труда и поднятие его уровня, что сказывается в повышающейся год от года продуктивности труда. В колхозе им. Сталина полностью механизированы такие работы, как пахота, сев хлопчатника и других культур; на механизмы ложится

Тракторная культивация хлопка.

Передовые люди колхоза.
Полевод Ubaydulla Mirabdullaev и бригадир тракторной бригады
Муллабай Якубаев.

почти вся культивация хлопковых полей, которая выполняется при помощи тракторной тяги. Механизируется процесс внесения удобрений; входит в быт колхоза хлопкоуборочная машина. В связи с переходом колхоза на новую систему орошения, состав используемых колхозом механизмов пополнился новыми машинами, употребляемыми при плавировке полей и прокапывании временных оросителей.

Широкое внедрение в колхозное производство достижений передовой советской науки, знания, которыми обладают рядовые колхозники по основным вопросам экономики, агробиологии и техники, создают предпосылки для пытливых поисков новых и новых средств повышения урожайности основной выращиваемой колхозом культуры — хлопка. Уже упоминавшийся Ubaydulla Mirabdullaev, человек шестидесяти с лишним лет, выросший в условиях дореволюционного Узбекистана и не получивший школьного образования, за время своей работы в колхозе сделался прекрасным знатоком биологии хлопчатника. Путем многолетних наблюдений он пришел к пониманию всего механизма роста хлопкового куста и условий для успешного созревания коробочек.

Подобными знаниями обладают и многие другие руководители колхозного производства и рядовые колхозники. Толково, точно, можно сказать, научно рассказывают они о колхозном производстве и биологии растений. Так, ясно и правильно объяснила бригадир шелководческой бригады Хасиятхан Халтураева процесс опыления и образования завязей на хлопчатнике. Эти знания она получила во время бесед по агрономическим вопросам, проведенных в колхозе или переданных по радио. С подобными фактами, свидетельствующими о росте культуры колхозников, экспедиция сталкивалась на каждом шагу.

Самый характер колхозного производства, организованного как крупное хозяйство, контролируемое и направляемое органами Советской власти и Коммунистической партией, приводит к тому, что оно не

может не вестись на таком культурном уровне, по сравнению с которым прежнее единоличное хозяйство представляется стоящим позади на целую эпоху.

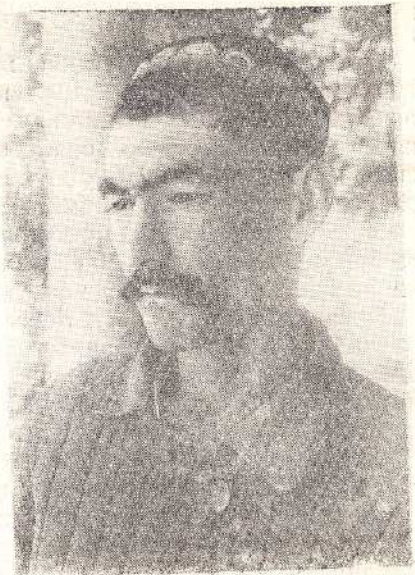
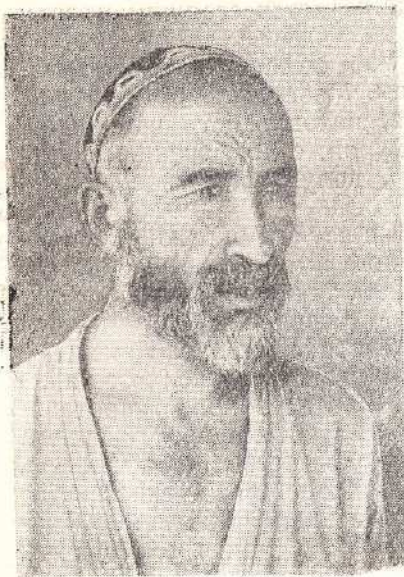
Современное колхозное хозяйство в Узбекистане является культурным высокопродуктивным производством. Мастерство земледельца основывается на сочетании ценного опыта, накопленного национальной узбекской сельскохозяйственной культурой, с достижениями русской и мировой агробиологической науки, получившей свое высшее развитие в советское время.

Это сочетание национальных традиций с научными основами агротехники определяет собой и хозяйство колхоза им. Сталина. Искусство ислонных хлопкоробов, виртуозно владеющих техникой полива и обработки узбекистанского лёсса, дополняется освоением современных научных методов и приемов повышения урожая. Участникам экспедиции приходилось, например, слышать, как председатель колхоза на вечерней беседе с производственным активом выяснял вопрос о протравке семян хлопчатника перед посевом. Этот агротехнический прием, свидетельствующий о высоком уровне сельскохозяйственной культуры, был совершенно неизвестен и недоступен хлопкоробам Узбекистана до революции. Недоступен он и поныне земледельцам всех без исключения восточных и многих западных стран. Между тем, в колхозе им. Сталина им пользуются сознательно, на научных основаниях, как одним из привычных, доступных, совершенно необходимых приемов, употребляемых в производстве. Советское государство дало колхозу все возможности применять подобные агротехнические приемы: доставляет необходимые химикаты, посылает в колхозы специалистов-агрономов, которые обучают колхозников ими пользоваться, и следит через хозяй-

Передовые люди колхоза.

Бригадиры хлопководческих бригад Джура Хакимбаев и Назирахан Рустамова.

Передовые люди колхоза.
Звеньевой хлопководческой бригады Джурабай Мирзахалов и бригадир
Салибай Каримов.

ственные, общественные и партийные организации за тем, чтобы эти средства повышения урожая были колхозниками полностью использованы

В колхозе выросла целая армия механизаторов сельского хозяйства—механиков, трактористов, шоферов, электриков, химизаторов, специалистов по борьбе с сельскохозяйственными вредителями. Последние организованы в специальную бригаду, много лет возглавляемую уроженцем колхоза Абдугафуром Абдуразаковым. Определенным минимумом агротехнических знаний, без которых в наше время нельзя обойтись при выращивании хлопка и других культур, возделываемых колхозом, владеет вся масса колхозников, и в первую очередь—бригадир и звеньевые. Среди бригадиров и звеньевых колхоза имеется немало женщин. Некоторые из них являются мастерами высоких урожаев, умело и с успехом руководят порученным им участком колхозного производства, что свидетельствует об их достаточно высоком культурном уровне.

Высокий уровень общей культуры и механизации сельского хозяйства, и в первую очередь—хлопководства, имеет своим следствием неуклонный, хотя и далеко еще недостаточный, рост производительности труда. Если в 1931 г. на один затраченный в хлопководстве трудодень было получено всего 2 кг хлопка, а в 1941 г.—7,18 кг, то в 1950 г. один трудодень принес свыше 10 кг хлопка. Надо сказать, что показатели роста производительности труда в этом колхозе значительно снижались вследствие применения ручной кетменной окучки, которая, наряду с культивацией, проводилась на многих участках по 6—7 раз, а в отдельных случаях и больше. На эту работу, выполняемую с особой тщательностью, колхоз затрачивал большой процент всех вырабатываемых его членами трудодней. Введение квадратно-гнездового способа посева, что является непосредственной задачей колхоза, даст значительный рост производительности труда колхозников, и повышение урожайности хлопка.

Актив колхоза

Следует подчеркнуть, что увеличение производительности труда обусловлено не только применением машин,—что, конечно, явилось решающим фактором,—но и тем энтузиазмом, с которым трудятся колхозники. Характерно, что как ни велик урожай, собираемый колхозом, он всегда убирается собственными силами. Колхоз не только не привлекает помощь со стороны,—он сам систематически оказывает ее при сборе хлопка другим колхозам своего района.¹ А между тем, в общем количестве хлопка, выращиваемого ежегодно Узбекистаном, колхоз им. Сталина занимает не последнее место, выдерживая сравнение с иными районами. Например, весь Ваханский район Бухарской области, также являющийся хлопководческим, засеивает всего в семь раз, а сдает всего в неполных четыре раза больше, чем один чартакский колхоз им. Сталина. Один процент плана последнего на 1951 г. составлял 40 ц хлопка-сырца; за этот год колхоз отправил советскому государству 200 товарных вагонов, груженных „белым золотом“.

Хлопководство для членов колхоза им. Сталина—не только выгодный, хорошо оплачиваемый труд,—оно для них „дело чести, дело доблести и героизма“, и в этом заключается основная причина процветания колхоза. Замечательно то теплое, любовное отношение, которое проявляют колхозники к хлопку. Он не рассматривается здесь исключительно с меркантильной точки зрения—им гордятся, его любят, и к любви примешивается бессознательная признательность, так же как эстетическое восхищение этим изумительным растением. Эти чувства заставляют маленькую школьницу Турсунхан Халтураеву в порыве восторга обнимать и целовать первый зацветший куст хлопчатника,

Передовые люди колхоза.
Бригадир Ташмат Байханов. Лучшая сборщица хлопка Шакарби Камилова.

¹ Это обстоятельство, свидетельствующее о трудовом героизме членов колхоза им. Сталина, в то же время говорит о наличии там избыточного трудоспособного населения и служит почвой для недопустимой пассивности руководства колхоза в применении хлопкоуборочных машин.

Юсуфджан Матаев, участковый агроном.

они подсказывают старому многоопытному полеводу Мирабдуллаеву параллель между хлопком и маленьким ребенком, требующими одинаково тщательного и любовного ухода. И хлопчатник вознаграждает колхозников за этот любовный уход сторицей.

Колхоз им. Сталина давно является миллионером. Уже в 1935 г. (через пять лет после организации) денежный доход колхоза приближался к 3 млн. руб. В 1941 г. он превышал 8,5 млн. руб., а в 1950 г., после укрупнения, доход колхоза равнялся почти 18 млн. руб., из которых более половины (53,8%) было выдано колхозникам в оплату за выработанные трудодни.

Немалым стимулом в работе колхозников является высокая и все время растущая оплата трудодня. Если в 1931 г. колхозники получали на трудодень только по 1 руб. 69 коп., то в 1950 г. оплата одного трудодня достигала уже 18 руб. деньгами и, сверх того, 2,5 кг зерна. Бюджет многих колхозных семей, особенно тех, где имеется два-три и более трудоспособных, достигает нескольких десятков тысяч рублей и нескольких тонн пшеницы. Семья Хасанбая Хашимова, заведующего коневодческой фермой, на выработанные ее членами 2315 трудодней получила от колхоза в 1950 г. 44 945 руб. деньгами, более пяти с половиной тонн пшеницы и другие продукты (масло, сахар, чай), а также мануфактуру. Из четырнадцати членов семьи работало семеро взрослых трудоспособных, включая и мать (57 лет), которая занималась выкармливанием на дому шелковичных червей.

Семья Иноятхана Султанова, бригадира шелководческой бригады, за 1858 трудодней получила 33 722 руб. деньгами, более четырех тонн пшеницы, другие продукты и мануфактуру.

Норматали Камилов, бригадир зерноводческой бригады, и его жена Шакарби, колхозница-ударница, получили 15 050 руб. деньгами, более двух тонн пшеницы, прочие продукты и мануфактуру.

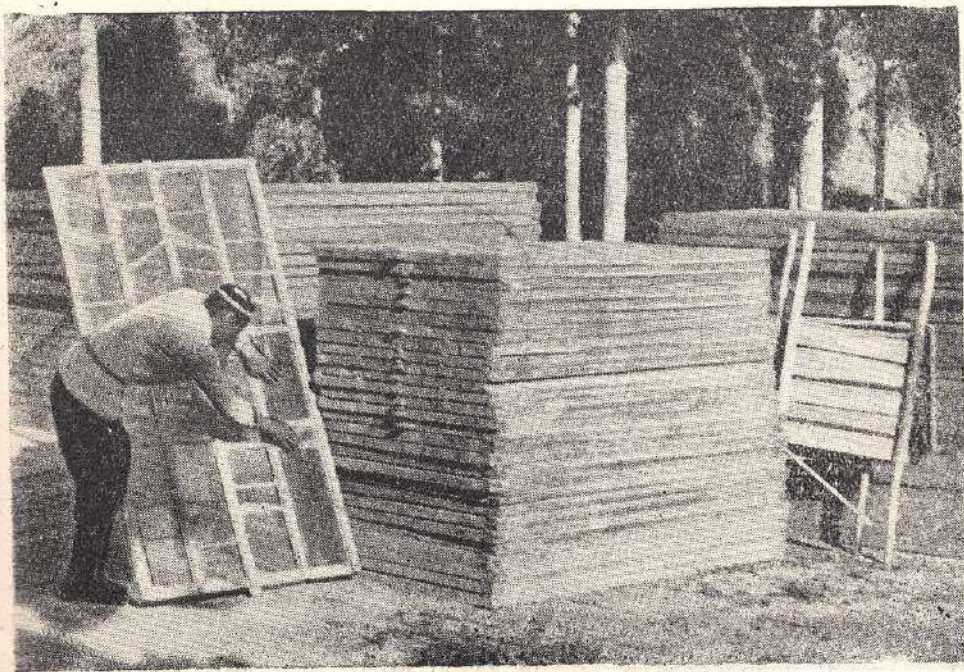
Семья Хайрихан Исамеддиновой, звеньевой хлопководческой бригады, за выработанные ею и ее мужем, рядовым колхозником, 549 трудодней получила 10108 руб. деньгами и 1373 кг пшеницы.

Семья звеньевой хлопководческой бригады Рыслыкой Турдыевой, замечательной сборщицы хлопка, собравшей за сезон 9 000 ц хлопка-сырца, за выработанные ею, ее свекром и мужем 1100 трудодней получила 19 998 руб. деньгами и более двух с половиной тонн пшеницы.

Семья звеньевой хлопководческой бригады Акбарали Рузматова, который, вместе с сестрой, при участии младших членов семьи—школьников выработал 1063 трудодня, получила 25 134 руб. деньгами и 2657 кг пшеницы.

Материальное благосостояние колхозных семей в послевоенный период заметно выросло. Хороший доход получила за 1950 г., например, семья вдовы Тохтахан Мирзораимовой, хотя полностью трудоспособным ее членом был лишь двадцатидвухлетний сын Мирзокаюм. Сама Тохтахан, пожилая женщина, работала только на выкормке шелкопряда, а ее дочери Шаропатхан едва исполнилось шестнадцать лет. Несмотря на это, семья получила от колхоза 7 777 руб. деньгами, 1070 кг пшеницы и 200 метров мануфактуры (в том числе два отреза шелка). Кроме того, в качестве премии за перевыполнение плана сдачи коконов Тохтахан получила отрез бархата и большой шелковый платок с кистями. В 1951 г. была приобретена одежда для всех членов семьи, новый палас для застилания пола, куплены дойная коза, овца и осел с осленком. Таким же образом пополняют свое хозяйство, улучшают обстановку своих домов, приобретают новую рабочую и праздничную одежду все прочие колхозные семьи.

Рост зажиточности колхозных семей является прямым результатом проводимой Коммунистической партией и Советским правительством

Плотничная мастерская колхоза. Поделка парниковых рам.

политики, результатом того, что особой заботой партии в послевоенный период являлось организационно-хозяйственное укрепление колхозов, оказание им помощи в восстановлении и дальнейшем развитии общественного хозяйства и повышении на этой основе материального благосостояния колхозного крестьянства. Высокая оплата трудодня полностью обеспечивает жизненные потребности колхозников, вследствие чего они мало заинтересованы в дополнительных заработках. В частности, приусадебные участки используются ими исключительно для своих собственных нужд и представляют собой по большей части фруктовые сады и виноградники, урожай которых идет не на продажу, а на улучшение питания семьи.

Высокая оплата труда создает у колхозников заинтересованность в колхозной работе, и участие их в производстве непрерывно возрастает. Если в 1932 г. 39% колхозников выработало за год меньше чем по 100 трудодней, а еще в 1941 г. таких колхозников было 32%, то в 1949 г. в колхозе не осталось ни одного колхозника, который выработал бы меньше 100 трудодней. Свыше 200 трудодней в 1932 г. выработало лишь 9% колхозников; в 1938 г. их стало уже 43,6%, а в 1949 г.—78%, причем почти четвертая часть членов колхоза (24,5%) выработала от 300 до 400 трудодней.

Особенно разителен рост участия в сельскохозяйственных работах женщин. В 1949 г. почти половина колхозниц (48,8%) выработала от 200 до 300 трудодней и почти одна пятая их (18,3%)—от 300 до 400 трудодней. Приведенные цифры свидетельствуют о большой роли, которую играет в колхозе женский труд, а также о том, что он стал более квалифицированным и производительным.

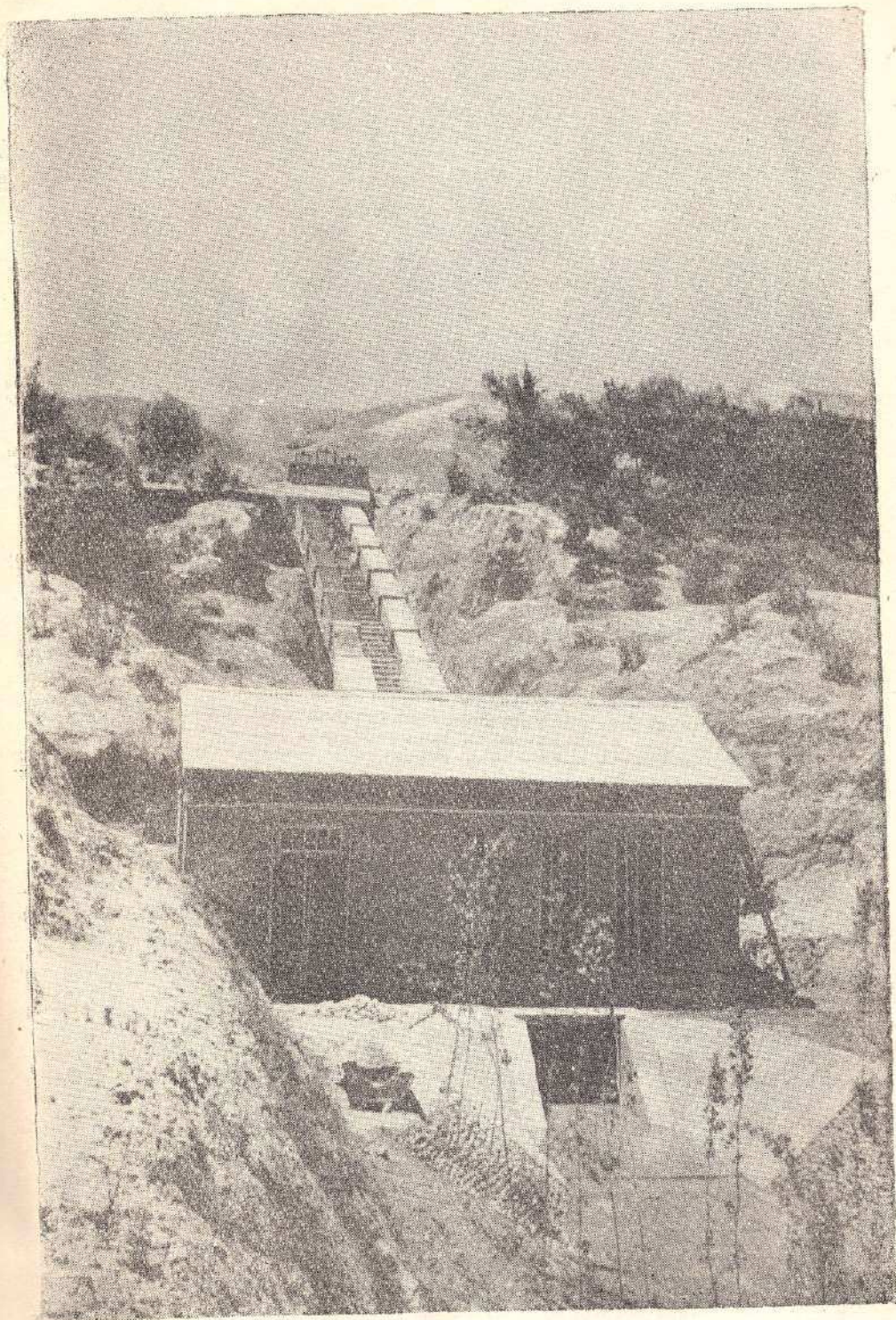
Приведенные факты со всей очевидностью доказывают, что в колхозе им. Сталина сложилась развитая социалистическая экономика, сложился необходимый базис для роста благосостояния и культуры его населения.

Однако в работе колхоза им. Сталина, во время обследования его экспедицией, было еще не мало недостатков. Добившись выдающихся успехов в развитии основной отрасли своего хозяйства—хлопководстве, колхоз уделял совершенно недостаточное внимание другим отраслям производства. Он не сделался еще тем многоотраслевым хозяйством, в котором планомерное и пропорциональное развитие всех его отраслей создает наиболее благоприятные условия для использования природных ресурсов.

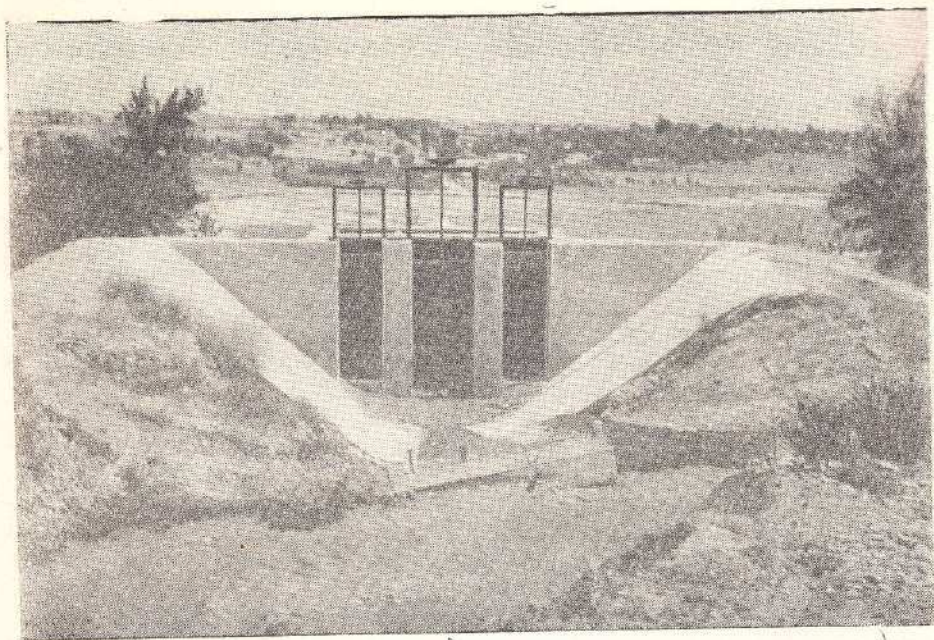
Руководство колхоза до известной степени успокоилось на достигнутых успехах, тем самым перестало расти само, перестало способствовать и дальнейшему росту колхоза. Недостаточно рационально использовались имеющиеся в колхозе ресурсы труда; слабое развитие таких отраслей колхозного производства, как садоводство, шелководство, стойловое животноводство, птицеводство, не позволяло использовать в полной мере труд тех, кто по возрасту или по состоянию здоровья не может принимать участия в полевых работах.

Дальнейшее развитие хлопководства задерживалось недостаточным внедрением севооборотов и неудовлетворительным состоянием посевов люцерны. На некоторых полях колхоза люцерна, вследствие плохого ухода, давала настолько низкие урожаи, что не могла обеспечить накопление в почве достаточного количества азота, а следовательно, играть роль в повышении урожайности сменяющего ее хлопка.

Плохо использовало руководство молодые кадры колхозников, получивших образование в колхозных школах. Недостаточно смело

Колхозная ГЭС.

Шлюзы на канале, подающем воду на гидроэлектростанцию.

выдвигалась на ответственные должности молодежь, в особенности девушки и женщины, хотя многие из них, работающие звеньевыми и бригадами, доказали свою способность руководить порученным им участком.

Следует отметить, что руководители колхоза сознают недостатки в своей работе и принимают меры к их устранению. Правление колхоза и его партийное руководство стремятся создать кормовую базу для дальнейшего развития шелководства путем насаждения тутовника. Немало сил положено на улучшение системы водоснабжения колхоза. С 1952 г. колхоз начал использовать воды протекающего вдоль его границ Северного Ферганского канала. Это дало возможность поднять урожайность люцерны и трав, которые постоянно страдали от недостатка воды, идущей преимущественно на хлопковые поля.

Глубокие перемены внесло в жизнь колхозников электричество. Завершение постройки межколхозной гидроэлектростанции в 1950 г. было подлинным праздником для всего населения колхоза, от мала до велика. Еще до того, как было закончено строительство, бригада электромонтеров-айкыранцев, приобретших эту квалификацию в ожидании пуска собственной ГЭС, целый год усердно работала, устанавливая электропроводку на улицах селения и в домах колхозников. Как только рубильники были включены, свет вошел в 900 домов колхоза, и скоро жизнь без электричества стала казаться здесь уже немислимой. В 1951 г. каждый вечер в колхозных домах зажигалось 2 465 лампочек. 120 электрических ламп освещали улицы колхоза. Электрифицированы были не только дома, но и дворы. Входят в быт электроприборы: в 1951 г. в пользовании колхозников находилось 197 электроплиток, и их количество ограничивалось единственно нераспорядительностью торговых организаций — за плиткой ездили в Наманган. Нередко можно было видеть в пассажирской машине, курсирующей между Чартаком и Наманганом, какого-нибудь бородатого деда (ста-

рики более свободны), бережно прижимающего к груди новенькую электроплитку. Многие семьи завели электрические утюги; радиоприемников в 1951 г. было в колхозе около сотни. Начали появляться электропечи.

Наличие в домах электрического света преобразило жизнь, в которую вместе с электрической лампочкой прочно вошла книга: сотни учеников стали при электрическом свете готовить свои уроки; семья, сидя за работой, иногда слушает чтение книги.

Строительство электростанции явилось первым шагом в осуществлении электрификации хозяйства колхоза. В колхозе начали использовать электричество для приведения в движение машин. С осени 1951 г. в хлопкосушилках колхоза были установлены электровентиляторы. Проектировалось использование этих вентиляторов для поддержания летом прохладной температуры в черводонках.

* * *

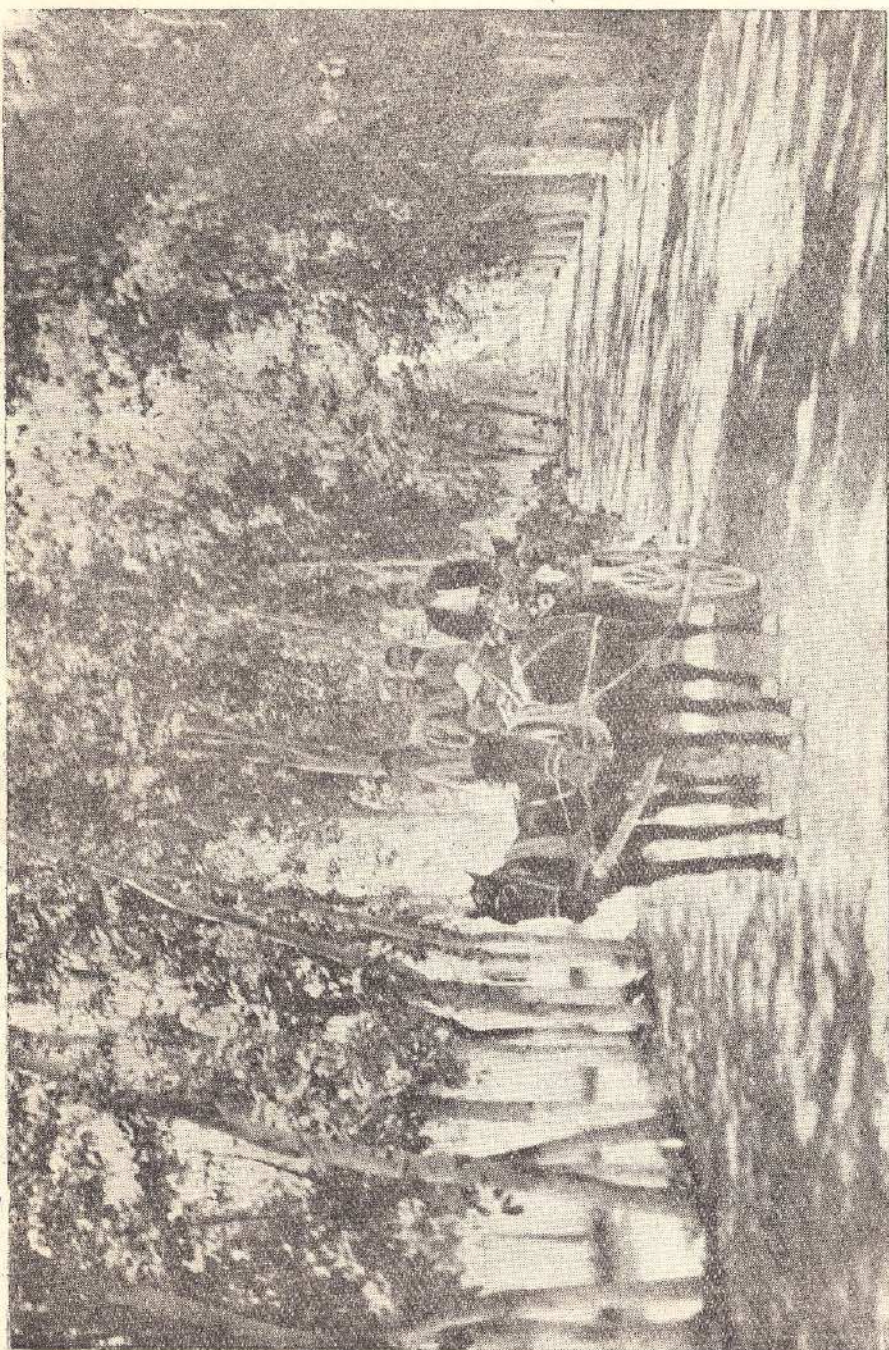
Большую роль в развитии колхоза сыграли партийная и комсомольская организации. Возникнув почти 30 лет тому назад, в 1924 г., как маленькие, но боеспособные группы наиболее активных и сознательных людей селения, к настоящему времени они превратились в крупные организации, особенно выросшие в результате укрупнения колхоза.

Число членов партийной организации колхоза им. Сталина к 1951 г. достигло 38 человек, число кандидатов — 13. В результате роста партийной организации оказалось возможным создать пять партийных групп, четыре из которых образованы при хлопководческих бригадах и одна — при правлении колхоза.

Особенно выросла комсомольская организация колхоза. Если до его укрупнения она насчитывала в своих рядах 97 человек и из них только две девушки, то в 1951 г. комсомольцев в колхозе было уже 197, а в 1952 г. их число достигло 360, причем девушек-комсомолок насчитывалось уже 72.

Коммунисты и комсомольцы колхоза принимают самое активное участие в его производственной и общественной жизни. В подавляющем большинстве они работают в хлопководческих бригадах, многие на руководящей работе — в качестве бригадиров и звеньевых. Вопросы колхозного производства занимают большое место в работе партийной и комсомольской организаций, являющихся основными проводниками линии партии и мероприятий советского правительства в повседневной жизни колхоза. Все мероприятия по улучшению производства, все вопросы культурной и политико-воспитательной работы среди колхозников обсуждаются партийной и комсомольской организациями колхоза, принимающими решения и осуществляющими конкретные шаги для претворения этих мероприятий в жизнь.

Ознакомление с протоколами партийных собраний, проводившихся в разгар полевых работ летом 1952 г., показало, что с повестки дня в этот период не сходили такие вопросы, как ход социалистического соревнования в бригадах и звеньях, работа агитаторов, выполнение коммунистами данных им поручений, сообщения бригадиров и звеньевых о ходе полевых работ и т. п. Когда наметилось отставание в работе бригады, руководимой коммунистом Ташматом Байхановым, партийная организация обсудила создавшееся положение на партийном бюро и общем собрании парторганизации колхоза, указала на то, что причинами отставания является самоуспокоенность бригадира и слабое развертывание в бригаде критики и самокритики, помогла ему выправить допущенные ошибки. Не раз заслушивала и обсуждала партийная организация доклады председателя правления колхоза,

Въезд на улицу Сталина.

принимая решения, проведение которых в жизнь обеспечивало улучшение руководства колхозным производством.

Партийной организации колхоза принадлежит решающая роль в налаживании правильного учета трудодней и в распределении доходов между колхозниками. Так, в 1951 г. по рекомендации партийного бюро правление колхоза приняло меры к установлению более четкого учета трудодней на подсобных работах.

Нередко на партийных собраниях колхоза обсуждалось состояние партийно-политической работы. Такому вопросу было посвящено, например, партийное собрание 10 января 1951 г. В обсуждении приняли участие 12 коммунистов. Они критиковали партийное бюро за недостаточное руководство бригадами, за слабую работу среди женщин. Коммунистами были вскрыты и осуждены факты, свидетельствовавшие о наличии у отдельных колхозников религиозно-бытовых предрассудков.

Большое внимание уделяли коммунисты колхоза комсомольской организации; на партийных собраниях заслушивались доклады о комсомольской работе, принимались по ним решения. Так, 21 мая 1951 г. партийная организация, заслушав доклад секретаря комсомольской организации тов. Бахрамова, наметила конкретные меры по поднятию роли комсомольцев в производстве, по улучшению постановки политического воспитания членов комсомола, указала на недостаточную активность организации в деле вовлечения в комсомол девушек.

Работа партийной организации колхоза им. Сталина была не лишена, наряду с этим, и недостатков, одной из причин которых являлась частая смена руководства — за три года работы экспедиции в колхозе сменилось три секретаря партийной организации.

Опорой партийной и комсомольской организаций в работе с колхозниками служит коллектив постоянных агитаторов. В 1952 г. их насчитывалось 113 человек. Наряду с коммунистами и комсомольцами, агитаторами работали наиболее политически подготовленные беспартийные колхозники; широко использовались в качестве агитаторов представители местной интеллигенции, в особенности учителя, а также лучшие ученики старших классов школы.

Агитаторы были прикреплены к каждой производственной ячейке, они работали в бригадах, звеньях, на животноводческих фермах. Формы проведения политической агитации были разнообразны: читка газет, беседы по вопросам текущей и международной политики, политическая информация, подготовка стенгазет и „боевых листовок“, которые выпускались в бригадах каждые пять дней.

Агитационная работа, постоянно и планомерно проводимая партийной организацией, оказывает большое влияние на жизнь колхоза: она обеспечивает правильную линию его хозяйственного развития, способствует повышению культурного и морально-политического уровня колхозников, выработке у них социалистической идеологии, советского патриотизма, сознания своего долга перед колхозом и перед Родиной. Сложившиеся за колхозный период крепкие традиции социалистической трудовой дисциплины, высокое сознание своей ответственности перед Родиной свойственны всей массе членов этого колхоза.

* * *

Участие в высокоорганизованном культурном хозяйстве, строящемся на базе передовой агротехнической науки, — каковым является хозяйство колхоза им. Сталина, — стимулирует повышение культурного

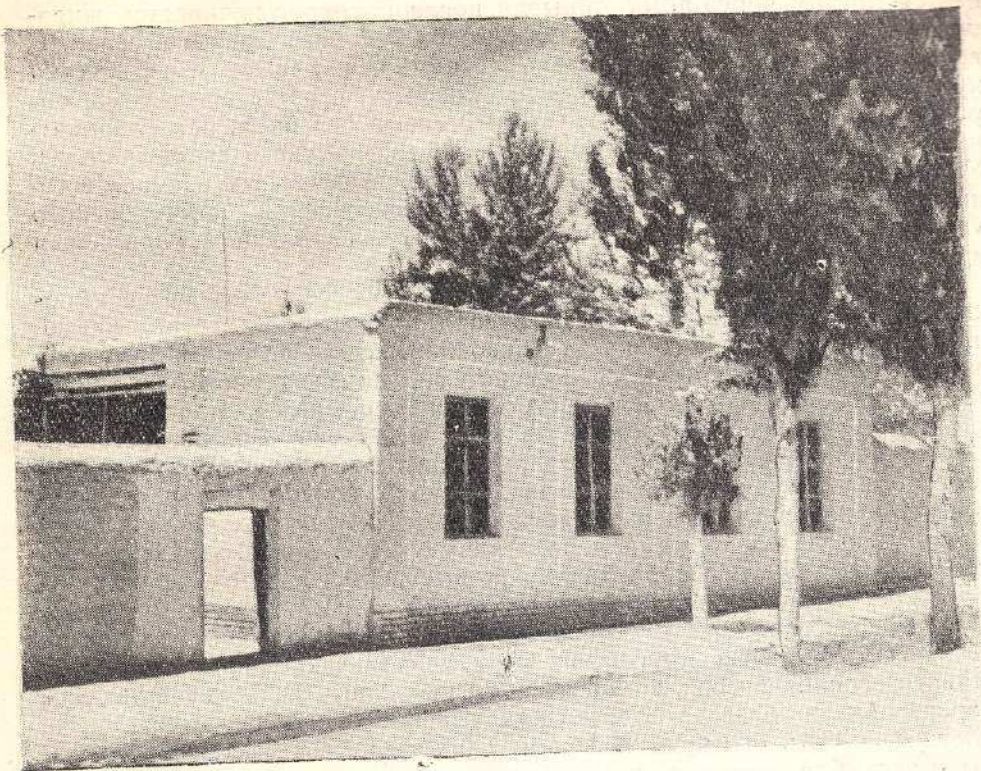
уровня колхозников, способствует росту их культурных потребностей и навыков. Увеличивается год от году число людей, получивших среднее и высшее образование, растет политическая сознательность колхозников. Рост культуры, характерный для всех колхозов Узбекистана, проявился в колхозе им. Сталина с особой яркостью, так как здесь для него имеются особенно благоприятные материальные условия.

Складывавшаяся на колхозных полях в результате овладения новыми, все более совершенными приемами обработки земли, механизации трудовых процессов, сознательного использования достижений передовой агротехнической науки, новая культура переносится в семью и в быт, формирует сознание колхозников. Современного колхозника, особенно молодежь, отличает широта интересов, которые охватывают и политику, и хозяйственные вопросы, и спорт, и искусство. Характерная для дореволюционного периода замкнутость в тесном кругу интересов кишлака, из которого многие годами никуда не выезжали, невежество, дававшее полный простор религиозному дурману, предрассудкам и суевериям, исчезли окончательно. Отдельные пережитки, порой находящие себе выражение в области семейной жизни и в быту, изживаются как под влиянием сознательной борьбы с ними, так и под воздействием всего направления производственной и культурной жизни колхоза.

Духовные интересы и культурные запросы колхозников, особенно молодежи, свидетельствуют о том, что былой ограниченности жизни сельского населения положен конец. Исчезла пропасть, лежавшая ранее между культурой сельского и городского населения. В колхозе имеются все те массовые культурные учреждения, которые есть в городе и которые призваны удовлетворять духовные запросы советского человека. В 1950 — 1952 гг. здесь работали четыре школы, через посредство которых осуществлялся закон о всеобщем обучении, имелись три библиотеки, дополнявшиеся личными библиотеками колхозников, преимущественно молодежи. Во многих домах было проведено радио, пользующееся в колхозе особой любовью и играющее там роль могучего средства связи с жизнью и культурой всей советской страны. Большое место в жизни колхоза занимает спорт, и его формы аналогичны тем, которые он принимает в городах.

О новых, в корне отличающихся от дореволюционных, потребностях сельского населения, о тесных связях между отдаленным селением и областным центром свидетельствует, прежде всего, благоустроенная, приспособленная для автомобильного движения, местами заасфальтированная и на всем своем протяжении затененная высокими стройными тополями дорога, ведущая в колхоз из города.

Каждый район Ферганы по-своему озеленяет свои дороги, и в то время, как, например, к Коканду ведут дороги, обсаженные мягкими кудрявыми талами, в Наманганской области излюбленной породой деревьев являются серебристые тополя. Их высокие белые стволы и светлая зелень листвы делают дорогу из Намангана в Айкыран необычайно красивой. Благоустроенные колхозные поселки, в которых аккуратные домики колхозников чередуются с прекрасно возделанными хлопковыми полями, хорошо оформленные колхозные центры, где расположены здания правлений колхозов, яслей, магазинов, бань, иногда колхозные стадионы, — все это тянется перед глазами путника сплошной лентой. При въезде в колхоз им. Сталина дорога превращается в тенистую, обсаженную высокими деревьями улицу, заканчивающуюся традиционной для узбекистанских колхозов аркой. Как и подобает солидному, преуспевающему колхозу-миллионеру, здесь эта арка сложена из кирпича. По вечерам над аркой загорается электри-

Один из типовых домов на главной улице колхоза.

ческими огнями пятиконечная звезда. Тут же на высоком столбе установлен радиорупор.

По обеим сторонам главной улицы колхоза — улицы им. Сталина, именуемой также Таш-юли (Мощная дорога), тянутся новые типовые домики с окнами на улицу. На окнах висят белые, в некоторых — тюлевые занавески.

Прекрасное здание на высоком фундаменте, состоящее из семи просторных комнат и большой веранды с высоким крыльцом, оформленным в виде красивого портика, занимают детские ясли и детский сад первого участка колхоза.

Улица заканчивается с одной стороны большим магазином, с другой — добротной чайханой, выстроенной в послевоенные годы. За чайханой открывается небольшая площадь, посреди которой стоит капитальное здание клуба и большой монумент И. В. Сталину. Вокруг монумента разбит цветник, который в 1952 г. состоял, главным образом, из пунцовых георгин. Много было хризантем особого сорта, цветущих от весны до поздней осени. Позади клуба цветник переходит в небольшой сад; за ним — только что возведенное здание колхозной гостиницы.

Улица им. Сталина упирается в другую, идущую перпендикулярно к ней, которая также имеет вполне благоустроенный вид. Летом 1951 г. велись работы по расширению этой улицы и выпрямлению ее в западном направлении. По левой стороне улицы уже были выстроены здания колхозной гостиницы, парикмахерской, гаража, кузницы и плотничной мастерской, по правой располагались утопающие в зелени приусадебных участков дома колхозников. Эта улица заканчи-

вается мостом через арык Айкыран, после которого начинается живописный подъем к находящимся на возвышенности полям и садам. С восточной стороны улица переходит в старый кишлак с его узкими кривыми переулками, по сторонам которых стоят старые дома, обращенные к улице задними глухими стенами без окон, или глинобитные дувалы, за которыми скрываются от постороннего взора жилища. Унылый, скучный ряд их прерывается свежесбеленным зданием школы-семилетки, против которой зеленеют насаждения „мичуринского уголка“, организованного учителем школы Абдувахабом Рашидовым вместе с учениками.

Одним из красивейших мест колхозного поселка является высокий холм, на котором возведены здания школы-десятилетки, играющей роль значительного культурного центра для всего Чартакского района. С холма открывается широкий вид на всю территорию колхоза и на долину Чартак-сая. Застроенная скромными, простыми, но капитальными зданиями (одно из них закончено строительством в 1951 г. и свидетельствует о непрекращающемся росте школы), эта территория в будущем, несомненно, получит соответствующее оформление и превратится в парк, начало которому положено посадкой вокруг школы плодовых и декоративных деревьев. С запада и юга школу окружают необозримые хлопковые поля. С восточной стороны площадка заканчивается крутым обрывом, спускающимся к дороге, ведущей на базар. Благоустроенные части поселка в 1952 г. еще не были связаны друг с другом, их разъединяли узкие кривые переулки старого селения и поля. Лишь запроектированные на ближайшие годы перестройка и благоустройство укрупненного колхозного поселка должны создать его архитектурное единство. До 1952 г. старые улицы и ансамбли, которые складывались на протяжении долгого времени и были характерны для дореволюционного кишлака, еще во многих местах сохранились и представляли собой резкий контраст с новыми частями колхозного поселка.

Этот контраст, поражающий с первого взгляда, свойственен не только изучаемому колхозу. Он является характерной чертой всех колхозных поселков сегодняшнего дня, свидетельствуя об идущей на наших глазах коренной перестройке всей жизни сельского населения.

Старые части селения доживают последние годы. Уже составлен и утвержден общим собранием членов колхоза генеральный план реконструкции колхозного поселка, согласно которому будет производиться все строительство в колхозе.

Новый поселок должен строиться на месте старого селения Айкыран, расположение которого на самой высокой, открытой свежим ветрам и солнцу, доминирующей над всем окружающим районом площади является очень удачным. Находящиеся в низине части современного селения (на территории кишлаков Бешкапа и Булянак) будут обращены в хозяйственные комплексы, а жители переселятся в новые дома, которые намечено строить в возвышенной части территории, сейчас частично отведенной под посевы.

Современный центр колхоза, после укрупнения оказавшийся на западной окраине жилой территории, сохранит лишь местное значение; будущий колхозный центр образуется значительно восточнее. Его северо-западный угол займет большая школа-десятилетка, которая будет строиться на месте теперешней школы-семилетки им. Молотова. Северо-восточный угол отводится под здания детских яслей и детского сада, от которых широкая, украшенная цветниками улица будет вести к правлению колхоза и большой колхозной чайхане. В 1952 г.

на месте этой будущей улицы тянулись узкие кривые переулки, где не всегда могла пройти легковая машина.

Перед правлением и чайханой раскинется площадь с монументальной скульптурой в центре. На площадь будут выходить большой клуб, Дом сельхозкультуры, гостиница и почтовое отделение. За клубом будет располагаться небольшой парк со стадионом и летним кинотеатром. Парк будет простирается и к югу от Дома сельхозкультуры, достигая дороги, ведущей к мосту через Чартак-сай. В 1952 г. на этом месте находилось старое кладбище, известное под названием Шод-малик.

Полностью сохранятся все новые здания и насаждения, а также основные старые улицы, — они будут расширены и выпрямлены.

Значительное место уделено в новом плане строительству детских учреждений: вместе с существующими дошкольными учреждениями в колхозе при полном осуществлении реконструкции поселка, окажется шесть детских ясель и шесть детских садов, расположенных попарно в различных пунктах жилой территории колхоза, чтобы облегчить доставку в них детей, матери которых спозаранку идут на колхозную работу.

Школы решено максимально концентрировать с тем, чтобы не рассеивать педагогический коллектив, обеспечить для всех его членов связь с более опытными старшими товарищами, облегчить пользование школьной библиотекой и таким путем улучшить весь ход школьной работы. Намечено строительство одной крупной школы-десятилетки; здания, занятые сейчас школой-десятилеткой, будут использованы под начальную школу.

Естественно, что большое место в плане отведено хозяйственным комплексам.

В северо-западном углу будущего поселка, там, где на месте байского дома давно уже сформировался хороший колхозный двор и где находятся различные хозяйственные помещения, будет организован один из хозяйственных центров колхоза: гараж, столярно-плотничная и шорная мастерские, помещения для рабочего скота, черводня и всевозможные склады и навесы для сельскохозяйственных машин и транспорта. Многие здания и постройки уже возведены, остальные запроектированы, как строительство первой очереди, на самые ближайшие годы.

В южной, низменной части селения запроектирован, также как строительство первой очереди, второй хозяйственный комплекс, где будет содержаться рогатый скот, свиньи и птицы. Там же будет находиться молочно-сепараторное отделение, ветеринарные учреждения, силосное сооружение и кормовые склады.

Третий хозяйственный комплекс будет расположен в юго-восточной части селения, также низменной. Он частично уже существует, имея в своей основе хозяйственный двор бывшего колхоза Байналь-милляль. Его окончательное оборудование, которое выразится в строительстве ряда хозяйственных помещений, также будет осуществлено в ближайшие годы.

Особенно большое внимание уделено в плане строительству жилых домов, из которых значительное количество запроектировано как первоочередные. К уже имеющимся улицам присоединятся еще шесть, и их застройка преобразит весь кишлак. Многие из намеченных зданий — немалая часть запроектированных жилых домов, новый клуб, новое здание правления, Дом сельхозкультуры — будут строиться во вторую очередь.

Таким образом, в ближайшие годы колхоз будет полностью обеспечен всеми необходимыми хозяйственными помещениями. Их наличие сыграет, несомненно, значительную роль в обеспечении правильной организации производственного процесса и хранения продукции колхозного производства.

Озеленение улиц и площадей, устройство многочисленных водоемов с чистой, профильтрованной и хлорированной водой, проведение ровных, прямых улиц, которые по ночам будут залиты электрическим светом, полное обеспечение электроэнергией производственных и бытовых нужд колхозников превратят бывшие кишлаки в живописный благоустроенный колхозный поселок. Его пять тысяч жителей будут иметь все необходимое для удовлетворения материальных, бытовых и духовных потребностей нового, растущего на наших глазах, получающего образование и стремящегося к нему колхозного крестьянства.

БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ КОЛХОЗНИКОВ

Важным компонентом в сложении новых форм быта колхозников является жилище.

Вопрос об обеспечении колхозников новыми, соответствующими возросшим потребностям жилищами разрешен в колхозе им. Сталина еще далеко не полностью. Однако уже и теперь жилища колхозников являются ярким показателем роста их благосостояния.

Все колхозные семьи живут в своих собственных домах. Часть из этих домов выстроена уже в советское время, при колхозном строе, главным образом в 1936—1940 гг.

Эти дома, называемые местным населением „мадани уй“ (культурный дом) строились правлениями всех трех колхозов за счет колхозных средств по проектам архитекторов. По окончании стройки дома продавались членам колхоза, преимущественно ударникам, в рассрочку.

Характерной особенностью домов нового типа является прежде всего то, что все они обращены фасадами на улицу. На улицу же выходят и их окна, что было абсолютно немисливо в дореволюционное время: все без исключения узбекские дома либо выходили на улицу глухими задними стенами, либо прятались в глубине дворов, за высокими глинобитными заборами. Такой характер планировки жилища был обусловлен порожденным исламом обычаем затворничества женщин, которых тщательно оберегали от постороннего взгляда. Окна, выходящие на улицу, как одна из характерных черт новых домов, свидетельствуют о громадном культурном сдвиге в быте народа.

Выходящие на улицу фасады домов в колхозе им. Сталина тщательно отштукатурены и выбелены. Дома окружены приусадебными участками, огороженными со всех сторон глинобитными стенами и засаженными, в большинстве случаев, фруктовыми деревьями.

При возведении новых домов были сохранены некоторые характерные национальные особенности архитектуры. Например, при очень многих домах со стороны двора выстроены традиционные открытые веранды (айваны), очень удобные в условиях жаркого климата Средней Азии. Сохранились и плоские крыши, без выступа кровли за линию стен, что унаследовано от старой Ферганской архитектуры. Новым в этих домах является то, что все они выстроены на прочном кирпичном фундаменте и сложены из сырцового кирпича, до революции не употреблявшегося в Айкыране в качестве материала для строительства жилых домов.

Различие между отдельными домами нового типа в колхозе им. Сталина в основном выражается в их внутренней планировке.

Наиболее удачна планировка домов, расположенных по правой стороне улицы им. Сталина и рассчитанных на большие семьи. Прямоугольный корпус дома разделен на четыре равные по площади помещения—три жилых комнаты и кухню, в которой зимой семья готовит пищу и нередко проводит около камина свободное время. Две комнаты выходят своими большими окнами на улицу, третья комната и кухня—на открытую веранду, которая тянется вдоль стены дома со стороны двора и заканчивается небольшим помещением—чуланом, который служит также летней кухней. Дом спланирован таким образом, чтобы в нем могли жить и две отдельные родственные семьи: он разделен на две не сообщающиеся между собой половины, каждая из них имеет отдельный выход на айван и включает в себя по одной парадной комнате, выходящей окнами на улицу. Айван, так же как и весь дом, поставлен на полуметровый кирпичный фундамент. Вход в дом со двора, с айвана.

Второй разновидностью домов нового типа в колхозе им. Сталина являются расположенные на противоположной стороне этой же улицы дома, рассчитанные на небольшие семьи. Они состоят из двух больших и светлых комнат с окнами на улицу и большой кухни с окном во двор, которая служит для семьи в холодное время года одновременно и кухней и столовой. Рядом с ней находится открытый айван, который заключает собой прямоугольник, положенный в основу плана дома. Вход в дом также со двора, с айвана. Разделение на две отдельные несообщающиеся половины сохраняется и в этих домах. Одну половину образует комната с кухней, другую половину—комната с айваном.

Дома нового типа имеются также на территориях второго и третьего участков колхоза. Они были построены правлениями бывших колхозов Байнальмилляль и Кзыл Октябрь на главной улице каждого из этих колхозов.

Дома третьего участка двухкомнатные, в них сохраняется традиционная для Чартакского района очень удачная планировка: между двумя комнатами находится закрытый с трех сторон айван. В некоторых домах айван превращен в переднюю—открытая сторона заложена стеной с дверью, ведущей во двор. Эти дома отличаются от старых строений кирпичным фундаментом, большими застекленными окнами, выходящими на улицу, и деревянными полами. Обычные для среднеазиатской архитектуры ниши в этих домах сохраняются, но их меньше, чем в домах старого типа.

Наряду с домами нового типа в колхозе им. Сталина еще сохранилось много старых домов. Дома эти очень разнохарактерны, в них отражены классовые различия дореволюционного кишлака.

Особенно выделяются своей непритялостью, невзрачностью бывшие бедняцкие жилища, на которых лежит печать материальных недостатков их строителей. Дома эти обычно невысоки (от двух с четвертью до двух с половиной метров высоты), с тонкими стенами (имеют однорядную каркасную основу), отличаются малыми размерами. Чаще всего они состоят из одной только комнаты, реже с передней, и, как правило, не имеют веранды. Окон в этих жилищах раньше не было. Их заменял небольшой, ничем не прикрытый квадратный проем над дверью, через который проникал в комнату свет в зимнее время, когда дверь закрывалась.

Таких домов в колхозе осталось немного. Значительная часть их давно заброшена за негодностью, разрушена при постройке новых до-

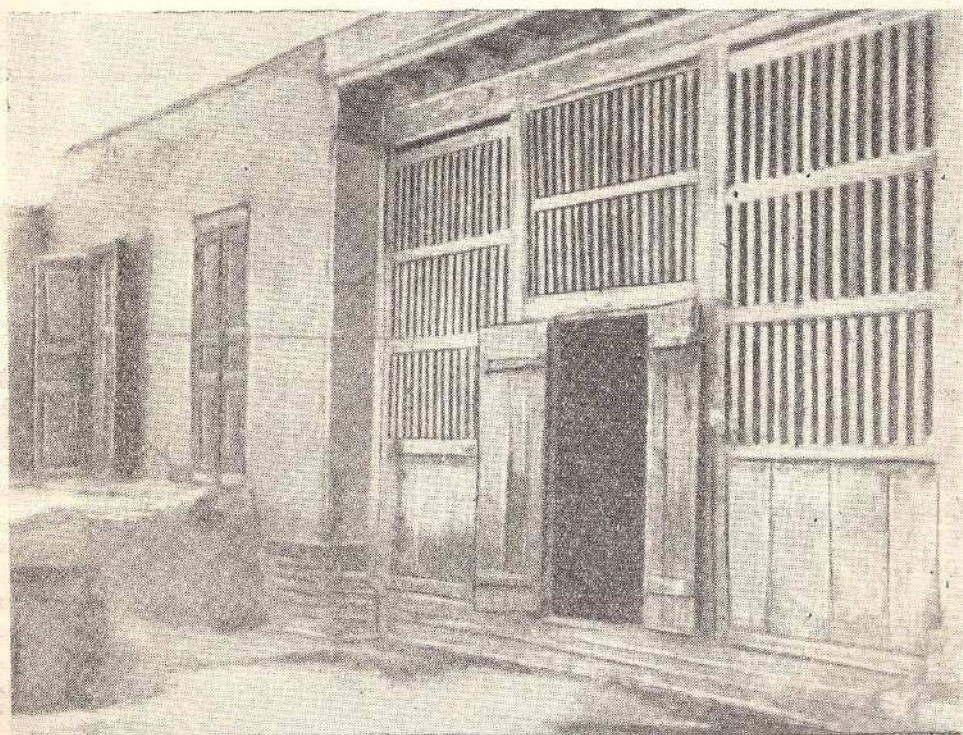
мов или обращена в хозяйственные помещения. Часть их подновлена, отремонтирована.

Большую часть жилого фонда колхоза составляют старые жилые дома, оставшиеся от дехкан среднего достатка. В этих домах живут чаще всего их прежние хозяева, если они еще не перешли в новые дома. Эти жилища отличаются большим благоустройством, чем жилища бывших бедняков: комнаты более просторные, светлые, с окнами, обычно застекленными, реже—сохраняющими старинные деревянные ставни—дарча¹. Такие дома имеют переднюю и нередко открытый айван.

Некоторые колхозники живут в домах, когда-то принадлежавших баям.

Бывшие байские жилища имеют толстые капитальные стены на двухрядной каркасной основе; комнаты высокие (3 м—3½ м), просторные, тщательно отделанные, некоторые оштукатурены алебастром. Такие дома состоят обычно из двух жилых комнат и помещающегося между ними айвана, который с трех сторон защищен стенами. Четвертая сторона открыта, иногда забрана деревянной решеткой (панджара). Эта планировка характерна для всех лучших старых домов.

Часть таких домов, принадлежавших раскулаченным баям, после организации колхоза была продана членам колхоза, в прошлом бездомным беднякам. Так, байский дом приобрела семья Назирахан Ру-

Дом старой архитектуры с айваном, забранным деревянной решеткой.

¹ Дарча представляет собой двустворчатые деревянные ставни, заменявшие раньше окна. На день они растворялись, чтобы в комнату проникал свет, вечером закрывались. Дарча были распространены по всему Узбекистану.

Колхозница Саджирахан Таджибаева в своей комнате. Богатый дом старей архитектуры.

стамовой, сейчас являющейся бригадиром хлопководческой бригады, семья Мирзарахмата Бабаханова, механика тракторной бригады, который купил дом раскулаченного богача Дусматбая, и другие.

К типичным байским домам относится дом, в котором теперь живет Саджирахан Таджибаева со своим сыном Усманом, молодым садоводом колхоза.

Сохранившиеся от дореволюционного времени и используемые под жилища старые дома не остались неизменными. Они перестали удовлетворять новые, более высокие потребности сельского населения и были приспособлены к ним путем перестроек, значительно изменивших внешний облик этих домов. Прежде всего, почти во всех таких домах деревянные ставни заменены застекленными окнами; там, где оконных проемов совсем не было, заново пробиты окна и вставлены остекленные рамы.

Новшеством, внедрившимся в быт жителей Айкырана, является побелка домов как внутри, так и снаружи. Стены часто украшены трафаретом. Раньше стены обмазывались глиной, или, в домах баев, оштукатуривались алебастром. Побелка и трафарет не применялись вовсе.

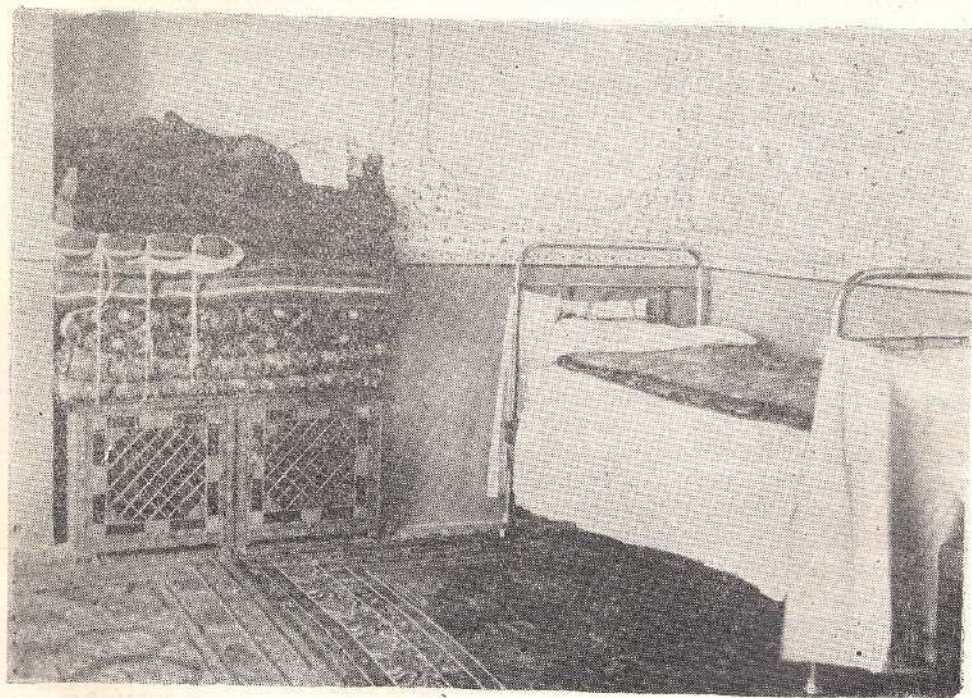
Характер трафаретов в современных колхозных домах очень разнообразен: среди его узоров часто встречаются изображения пятиконечной звезды—эмблемы Советской Армии, серпа и молота—эмблемы Советского Союза. Наиболее распространены всевозможные цветочные орнаменты: среди них встречаются как узоры стилизованного характера, так и близкие к натуре изображения, очень мало подвергшие-

ся стилизации. Применяется геометрический узор вроде шахматного рисунка и другие. Реже стены комнаты украшаются росписью от руки. Расписанные стены встречаются преимущественно в новых домах. Особенно часто такую отделку можно встретить в домах первого участка колхоза, на улице Сталина. Расписаны, например, комнаты в домах Джумабая Абдуллаева, бывшего председателя Айкыранского сельсовета, ныне бригадира колхоза; Тургуна Мирбабаева, одного из организаторов колхоза им. Сталина; Хасилот Байхановой, рядовой колхозницы; кассира колхоза Мухаммедиева и других.

Из домов второго участка, украшенных настенной росписью, представляет интерес дом Вахабджана Мурадова, зоотехника, заведующего ветеринарной больницей. Росписью украшены и стены некоторых домов старого типа, например, комнаты в доме рядовой колхозницы Тохтахан Мирзараимовой.

Расписаны эти дома в национальном стиле, с тенденцией к сюжетному изображению, что характерно для современной настенной росписи Узбекистана. В числе изображений встречаются цветы и корзиночки хлопка, букеты в вазах, в цветочных горшках (в доме Джумабая Абдуллаева и Тургуна Мирбабаева); флаги, знамена с надписями, гербы УзССР и СССР (в доме Байхановой); птицы, сидящие на ветках (в доме Вахабджана Мурадова); разнообразные фрукты — виноград, яблоки, груши т. д. (в доме Тохтахан Мирзараимовой). Расписывались эти дома преимущественно профессионалами-мастерами (наккош), специально приглашенными из Намангана. Дом Мурадова расписывался в 1951 г. мастером из селения Хакулабад, Нарынского района. Роспись в доме Мирзараимовой выполнена ее сыном Мирзакаюмом, когда он еще учился в средней школе.

Во внутренней структуре домов, чаще всего в домах, вновь выстроенных, имеется еще одно нововведение. Характерной чертой ста-

Отделка стен трафаретом в доме Урманджана Турабаева.

рой архитектуры были многочисленные стенные ниши, которые являлись своеобразным и очень хорошо используемым компонентом убранства комнаты. В них расставлялись различные вещи, служившие украшением жилища. Ниши старого типа, открытые и не защищенные от пыли, не удовлетворяют современных вкусов и требований сельского населения, и в большей части новых домов, построенных в довоенный период, ниши либо полностью отсутствуют, либо имеется лишь одна большая ниша для складывания постелей. В домах, где ниш нет, вещи, предназначенные для убранства комнаты (например, красивая посуда) чаще всего расставляются на столах, иногда на подоконниках. В некоторых домах, например, в доме колхозного монтера Аббаса Газибаева, для этой цели используются буфеты.

Во многих домах, выстроенных за последние годы, ниши заменены несколькими стенными шкафчиками с закрывающимися деревянными дверками, обычно окрашенными и застекленными. Шкафчики эти, располагающиеся чаще всего в передней стене, очень удобны и красивы. Они пользуются большой популярностью, быстро и широко внедряются в быт. Так народ, приняв основные черты новой архитектуры, уже сделавшиеся эстетическим каноном, внес в них свои коррективы, которые направлены к сочетанию черт новой архитектуры с национальными вкусами и потребностями.

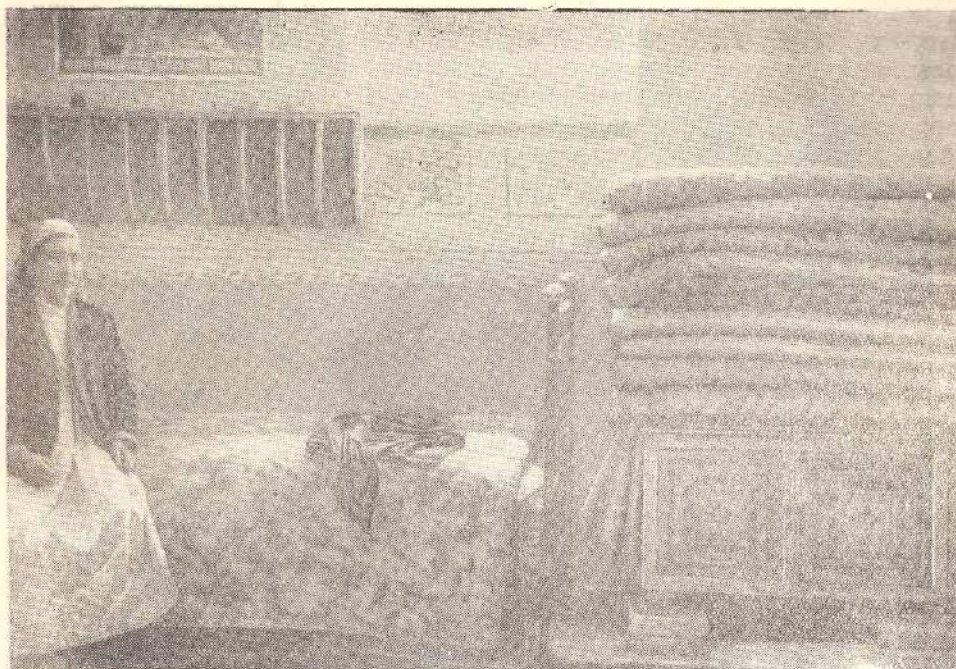
Использование жилых комнат и их распределение отражают как старые, традиционные формы семейной жизни, так и происходящий в колхозе процесс сложения нового быта и новой семьи.

В домах, состоящих из нескольких комнат, при сохранении обычая совместного проживания родителей и женатых сыновей, комнаты распределяются чаще всего между супружескими парами. Одна комната занимает отец и мать, другие — женатыми сыновьями и их семьями.

Функциональное разделение комнат еще не успело развиваться. В большинстве семей, даже при наличии нескольких комнат, нет отдельных столовых, спален или детских. Обычно одна и та же, наиболее теплая и удобная комната служит и спальней и столовой. Зимой семья проводит в ней и свой досуг. Нередко в этой же комнате отводится уголок, соответственно оборудованный (стол, стулья), для занятий детей-школьников. В некоторых семьях при наличии нескольких комнат школьникам для приготовления уроков предоставляется отдельная комната. Так например, в семье колхозницы Хайтан Турабаевой ее сыну А'лохану, ученику девятого класса, была отведена комната для занятий. Когда учился в средней школе Адылджан Насыров, его отец Уста Насыр, мастер-строитель, оборудовал сыну и его товарищам комнату для занятий. В отдельной комнате занимался Мамадали, сын Джумабая Абдуллаева, и другие школьники.

Этот все более распространяющийся обычай, порождаемый сознательным отношением колхозников к обучению детей, свидетельствует о начавшемся функциональном разделении жилища и, следовательно, о культурном росте колхозной семьи.

Комната, отведенная для занятий, нередко служит также для приема гостей, являясь своего рода гостинной. Однако это не „михмонхона“ (комната для гостей) старого типа, которая в байских и в более или менее состоятельных домах строилась изолированно от всего жилого комплекса, с отдельным ходом, а иногда и отдельным двором (ташкари) и предназначалась специально для приема гостей-мужчин. Сейчас комната для приема гостей как мужчин, так и женщин, находясь рядом с жилой комнатой, наиболее используемой семь-

Колхозница Шакарби Кульбаева в своем доме.

ей, и соединяясь с ней дверью, входит непосредственно в жилище семьи, не отделяется от него.

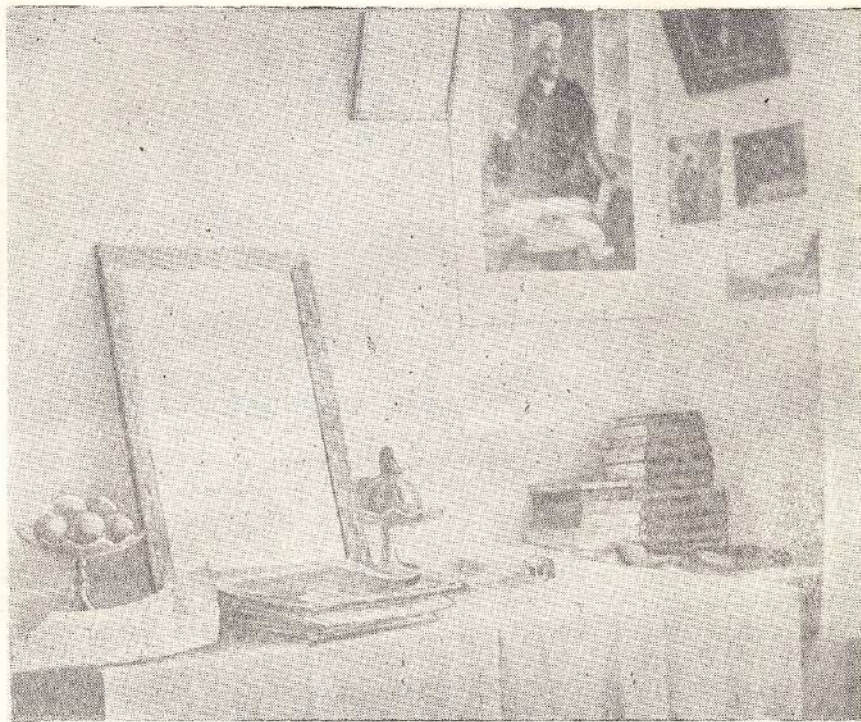
Комната для приема гостей обставляется лучше других, в ней помещаются все наиболее ценные или мало употребляющиеся в повседневном быту вещи.

Опишем для примера обстановку одной из комнат в доме Шакарби Кульбаевой и Нормат-али Камилова. На окнах комнаты висят тюлевые занавески, на полу разостлан большой новый ковер. У одной стены стоит двуспальная никелированная кровать. У противоположной стены, в которой находится стеной застекленный шкафчик, стоит прекрасный буфет, увенчанный новым большим самоваром и заставленный фарфоровой посудой. Третья стена занята украшенным разноцветной металлической обивкой характерным для Средней Азии сундуком, на котором сложены запасные постельные принадлежности: новые шелковые одеяла, подушки в белых наволочках. Середина комнаты занята столом и стульями. За этим столом занимается сын и угощают гостей. Когда гости принимаются по-старинке, стол и стулья отодвигаются, посреди комнаты раскладываются красивые шелковые тюфячки (курпача) и расстилается скатерть (достархан), на которую подается угощение.

Еще более нарядно обставлена комната в доме бывшего парторга колхоза, позже председателя Айкыранского сельсовета Сабирахан Муллабаевой. В убранстве этой комнаты удачно сочетаются элементы современной культуры с традиционным своеобразием национального узбекского быта. Окна комнаты также завешены тюлевыми гардинами и белыми занавесочками. Пол застлан большим красивым баширским ковром. В комнате двуспальная и детские кровати, опрятно и чисто заправленные белыми покрывалами, подушки покрыты тюлевыми накидками. В этой же комнате находится письменный стол,

на котором стоит радиолa. У стены платяной шкаф, этажерка с книгами—художественной и политической литературой. В единственной большой нише стоит сундук с постельными принадлежностями—бархатными одеялами, вышитыми подушками. Стены комнаты украшены портретами вождей, цветной литографией с изображением Алишера Навои, фотографиями родственников в рамках.

Не менее благоустроены комнаты в доме Халихан Туляматовой, живущей в новом доме на этой же улице.

Комната Сабирahон Муллабаевой, председателя Айкыранского сельсовета.

Характерной чертой новых домов, а также многих перестроенных старых, является новая система отопления—герметические печи и плиты. Последними пользуются преимущественно во время весенней выкормки шелковичных червей, когда требуется обогреть помещение. Во всех домах как новых, так и старых, имеются также очаги-камины. Следует сказать, что, несмотря на наличие в домах печей и плит, большая часть колхозных семей, по традиции, продолжает обогреваться вредным для здоровья сандалом.¹ Но уже сейчас в некоторых колхозных семьях, наряду с примитивным, дедовским приспособлением для обогрева—сандалом, применяются электрические печки.

По сложившимся на протяжении веков традициям, семья живет в комнатах только в холодное время года; с наступлением тепла и

¹ Сандал представляет собой невысокий деревянный столик квадратной формы размером, приблизительно, 1 м × 1 м, который ставится над углублением, сделанным в полу. В углубление накладываются перегоревшие раскаленные уголья (обычно древесные). Поверх столика набрасывается стеганое одеяло таким образом, чтобы оно свисало со всех четырех сторон. На полу вокруг столика расстилают тюфячки. Желющие греться сидят на тюфячках, протянув ноги в углубление и покрывая их одеялом, свисающим со столика.

Аминахан Убайдуллаева, бригадир хлопководческой бригады, в своем доме.

до самых холодов основным местом пребывания ее членов является веранда или двор.

Размеры дворов колхозников неодинаковы, но все они благоустроены, содержатся, так же как и жилые помещения, опрятно, в большом порядке и чистоте. Во многих дворах выращены прекрасные виноградники или фруктовые деревья. Развесистый урюк и густой виноградник, который высоко поднимается на деревянные подставки (сури), создают тень даже в самое жаркое время дня. В наиболее тенистом месте двора или на веранде стоит обычно большая деревянная тахта. Во многих дворах имеется земляное возвышение для сидения (супа). В некоторых дворах выстроены удобные красивые беседки (шипанг). В них спит вся семья, там же—основное место пребывания семьи по вечерам.

Встречаются в колхозе им. Сталина и такие дворы, в которых супа и тахта отсутствуют. Их заменяют обычного типа железные кровати, стулья и столы, поставленные под виноградником. Железные кровати вообще вошли в быт широко, летом их можно видеть во многих дворах.

Новый облик дворам придает электричество, ярко освещающее по вечерам открытый айван, надворные постройки, беседку и вообще все уголки двора, а также постоянно громко звучащее радио. Радиоприемники или радиолы с переходом семьи на летнее время во двор переносятся на айван или в беседку.

Элементы новой материальной культуры начинают занимать довольно заметное место и в домашней обстановке, и в хозяйственной утвари населения колхоза им. Сталина. Наблюдается тенденция ко все большей замене предметов старого типа новыми, городскими вещами. Это особенно относится к передовым в бытовом отношении колхозным семьям из местной советской интеллигенции и семьям руководящих работников колхоза.

Из бытовых вещей наибольшее распространение получили кровати—железные, двуспальные, с никелированными спинками, на сетках или с пружинными матрацами. Часто встречаются шкафы, буфеты, столы, в том числе и письменные, стулья, диваны; особенно распространены тумбочки. Детские кровати пока что являются в колхозе редкостью, их зафиксировано только три: в семьях Халихан Туляматовой, заведующей детским садом первого участка колхоза, Сабирахан Муллабаевой и Ахмеджана Ташбаева, учителя средней школы № 8. Наряду с вошедшими в быт после революции всяческими люльками пока еще широко бытуют старого типа колыбели (бешик), вредные для здоровья детей.

Не только мебель городского типа, но очень много предметов хозяйственной утвари (тазы, кастрюли, тарелки—мелкие и глубокие), а также другие вещи, например, швейные машины, стенные часы, всякие зеркала, вешалки, занавеси, в том числе и тюлевые, широко бытуют в колхозных семьях и являются, с точки зрения колхозников, непременными аксессуарами хорошо обставленного дома. Прочно вошли в обиход семей колхоза им. Сталина такие предметы материальной культуры, как патефон, радиорепродуктор, радиолы, радиоприемник, мотоцикл и т. п.

Степень внедрения предметов нового быта неодинакова: в одних семьях они исчисляются десятками, в других—единицами,—это зависит и от культурности, и от материального благосостояния семьи. Так например, у председателя колхоза Урманджана Турабаева почти вся обстановка нового типа. В его трех комнатах с выбеленными и украшенными трафаретом стенами, деревянными крашеными полами чисто и светло. В них расставлена хорошая, дорогая мебель; в числе других предметов—две хорошо заправленные никелированные кровати, прекрасный, отделанный под дуб, буфет, мягкий диван со спинкой, письменный стол, столовый стол, покрытый новенькой клеенкой, и несколько стульев—венских и мягких. О культурности и материальном благосостоянии хозяев этого дома говорят и другие имеющиеся у них предметы: радиоприемник, различные электроприборы (чайник, плитка, утюг), мотоцикл и автомобиль.

Расстановка мебели нового типа в домах колхозных семей с точки зрения горожан не всегда удачна. Мебель обычно расставляется по стенам, впритык друг к другу, чтобы середина комнаты оставалась свободной. Переднюю стену, находящуюся против двери, еще не научились убирать наиболее красиво, на ней нередко помещаются вешалки, на которые вешается будничная одежда. Хорошие вещи, могущие служить украшением комнаты—буфет, тумбочки и тому подобное,—часто помещаются у боковых стен, на них же обычно вешаются и стенные часы. Так, в доме Аббасхана Газибаева, монтера колхозной ГЭС, хорошие стенные часы в полированном футляре висят рядом с входной дверью, и поэтому их роль в убранстве комнаты мало заметна.

Проникновение новой культуры сказывается не только в большом количестве новых предметов, но, главное, в их повседневном употреблении. Швейные машины, многие из которых получены в виде премий от колхозного правления, не бездействуют—на них шьют. Кровати используются по назначению: на них спят, они не служат лишь декорацией. Что касается столов и стульев, то ими пользуется преимущественно учащая молодежь, которая в школе привыкла сидеть за партами. Однако есть в колхозе семьи, где все, в том числе и старики, едят и пьют за столом, сидя на стульях. Так например, в упоминавшейся выше семье Ибрагимджана Гаиббаева даже се-

Семья Халихан Туляматовой, заведующей детсадом первого участка колхоза.

Колхозник Алимджан Казаков (слева) в своей комнате, убранный в национальном стиле (комната молодоженов).

мидесятилетняя старушка-мать обедает и отдыхает на стуле. Однако приходится отметить, что таких семей еще мало. В массе колхозники, особенно старики, даже при наличии стульев предпочитают, по традиции, во время еды и отдыха сидеть на полу, на специально для этой цели сделанных ватных тюфячках.

В быту колхозных семей, наряду с новыми современными вещами, еще широко распространены и специфически национальные вещи. В одних семьях они бытуют в одинаковой степени с новыми вещами, в других они превалируют. Из национальной обстановки почти во всех семьях имеются ковры, паласы, кошмы, которые обычно расстилаются на полу. Кроме того, в каждой семье, помимо комплектов постельных принадлежностей, которыми пользуются члены семьи, имеются специально приготовленные для гостей новые нарядные одеяла, тюфячки, подушки.

Одеяла делаются из ярких сатинов или разноцветных дорогих тканей (шелка, полуселка, бархата). Подушки обычно в белых наволочках с очень длинными, узенькими, свисающими завязочками, специально сделанными для украшения; часто встречаются большие подушки в красных вышитых наволочках. Умело сложенные стопкой на один или два сундука, эти вещи служат украшением комнаты. Сундуки, украшенные узором из цветных металлических полосок, ставятся у передней стены или задвигаются в большие ниши в передней стене комнаты. В домах старого типа таких ниш обычно две, они расположены рядом и убираются одинаково.

Непременной частью национального убранства комнаты является хорошая посуда. Множество фарфоровых чайников, пиал, чаш больших размеров (коса), блюд, тарелок расставляется в мелких нишах или в буфетах и стеллажах.

В национальном стиле убираются комнаты молодоженов в первое время после свадьбы. Характерной особенностью такого убранства являются прекрасные, ручной работы, большие декоративные вышивки, развешивающиеся на стенах. Так была убрана, например, комната женившегося в 1951 г. студента Ферганского педагогического института Садыкджана Муллабаева.

Интересно отметить, что в убранстве многих колхозных домов видное место занимают картины, плакаты, карты, фотографии членов семьи, родственников и знакомых, в виде больших портретов или открыток, часто смонтированных на белых листах бумаги под стеклом, в рамках.

Во многих домах на стенах висят большие портреты руководителей партий и правительства. Кроме фотографий и портретов, встречаются репродукции с картин.

Широкое распространение у населения колхоза им. Сталина получили содержательные по тематике, красочные, художественно оформленные плакаты, которыми иногда покрыты все стены комнаты. Содержание плакатов исключительно разнообразно. Они посвящены великим стройкам, развитию хлопководства, сбору хлопка, выборам, юбилеям; нередко они представляют собой портреты великих людей, выдающихся деятелей.

Наличие почти во всех домах этого нового элемента убранства—фотографий, портретов, плакатов, картин—свидетельствует о громадных сдвигах в сознании сельского населения. Нельзя забывать, что еще недавно среди узбекского населения имел большую силу запрет ислама держать в доме изображения живых существ,—это считалось великим грехом. Широкая популярность плакатов, наличие в домах картин, фотографий служат доказательством того, что этот религиозный предрассудок полностью изжит. Многие из имеющихся в домах изображений, являясь выражением новой идеологии, способствуют формированию сознания колхозников, их коммунистическому воспитанию.

* * *

Зажиточность колхозников отражается не только в убранстве их домов; о ней свидетельствует также и питание колхозных семей. В настоящее время все колхозные семьи живут в полном достатке: нуждающихся, которых было немало в узбекском кишлаке до победы Октябрьской социалистической революции, в колхозе нет. Старшее поколение не забыло еще нищенское, полуголодное существование, которое многим пришлось испытать в детстве и молодости. Старики помнят, что семьи дехкан-бедняков жили впроголодь, многие лишь мечтали наесться когда-нибудь досыта. Они видели в своих мечтах не какие-нибудь изысканные блюда, а кукурузные лепешки и похлебку—болтушку из джугары, которые не всегда имелись в таких семьях в достаточном количестве. Рассказывая о своем прошлом, старики говорят: „Неделями у нас котел не кипел“ (хафталаб қазонимиз қайнамас эди).

В настоящее время все колхозные семьи имеют необходимые продукты (пшеницу, масло, мясо, овощи, фрукты, сахар и т. п.), которые они получают из колхоза в счет выработанных трудодней или

со своих приусадебных участков. Зерном все колхозные семьи обеспечены с избытком. Колхозники не торопятся выбирать из колхозного склада причитающуюся им пшеницу, так как уверены, что она за колхозом не пропадет и сохранится лучше, чем дома.

Овощи и фрукты в большинстве случаев каждая семья получает с приусадебных участков (хаят, том-арқа), имеющих у всех членов колхоза—у рядовых колхозников 0,13 га, у специалистов—0,25 га. На приусадебных участках выращиваются лук, морковь, картофель, помидоры, огурцы, дыни, реже арбузы, бобовые растения, кукуруза, джугара (последние, в основном, для скота). Из фруктов—виноград, урюк, персики, яблоки, груши, гранаты, вишни джида, и, кроме того, миндаль и орехи.

Фрукты в свежем и сухом виде, как и овощи, употребляются в большом количестве и имеют в питании колхозных семей большое значение. Они выращиваются для личного употребления, а не для продажи. Некоторые колхозники даже еще прикупают фрукты и овощи, особенно помидоры и дыни, в колхозном овощном ларьке, торгующем фруктами и овощами, получаемыми из колхозного сада и колхозных огородов.

Многие колхозники содержат коров, овец, коз. Молоко, по традиции, употребляется преимущественно в заквашенном виде (катык).

Во время полевых работ для колхозников организуется общественное питание. В полевых станах каждой бригады имеется общественная кухня. Из членов бригады выделяется специальный человек—поур (от русского повар), который приготовляет к обеденному перерыву горячую пищу и чай. Обычно варят одно жидкое блюдо, чаще всего лапшу. Более сложные блюда—кавардак, плов—готовятся по праздникам. Меню составляется по желанию бригады. В тех случаях, когда решают сделать что-либо мясное, на средства членов бригады покупается на базаре баран или теленок. Летом в бригады доставляются свежие фрукты и овощи. В холодное время года они заменяются сухими фруктами, изредка медом с колхозной пасеки. Хлеб к обеду, а также завтрак, колхозники приносят с собой из дому.

Существенным недостатком, наблюдавшимся членами экспедиции, являлось отсутствие в колхозе общественных пекарен, вследствие чего каждая семья должна была сама выпекать для себя хлеб, на что ежедневно уходило много времени. Особенно затруднительна была выпечка хлеба для тех семей, все взрослые члены которых работают в колхозе.

Хлеб, выпекаемый колхозным населением—это лепешки из квашеного простого теста (нон), а также из пресного сдобного (патыр). В особых случаях пекутся мясные пирожки (сомса), жарятся слоенные лепешки (катлама).

Охотно едят хлеб в каравах, чурек и булочные изделия, привозимые, при случае, из районного центра или из города. Этого рода хлеб раньше не употреблялся; сельское, а часто и городское население Узбекистана относилось к нему с предубеждением и недоверием. Употребление нового вида хлеба является еще одним доказательством изживания национальной ограниченности, бытовых предрассудков и, вместе с тем, влияния русской культуры.

Самым любимым кушаньем колхозников является плов. Чем зажиточнее семья, тем чаще готовится это блюдо. Рис вообще употребляют часто. Из него делают кашу с мясом (шавля) или с молоком

(шир-груч). Из риса готовится суп с мелко рубленным мясом (мастова). Реже готовят суп или кашу из риса с машем (мош-хурда, мош-кичири). Охотно едят традиционные блюда из дробленой джугары—суп и кашу, заправляя их кислым молоком. В большом употреблении мучные блюда: лапша (уря), лагман, пельмени (чучвара или манту).

В пищу употребляются самые разнообразные овощи. Из них интересно отметить специфический для Наманганской области овощ, тарра, по виду и вкусу напоминающий огурец, но по размеру гораздо длиннее последнего. Тарра едят в сыром виде. Очень распространены кушанья из тыквы, одной из древнейших бахчевых культур, культивируемых человеком.

Новым овощем, широко употребляемым колхозниками и только после революции по-настоящему вошедшим в их рацион, являются помидоры. Ими заправляют пищу при варке, их едят в сыром виде, как салат, который называется по-русски—закуска. Особенно часто подают помидоры с хлебом на завтрак.

Широко вошел в пищу колхозников картофель, которого до революции население почти не знало. Теперь он употребляется в большом количестве в супах, а также в виде кавардака (джаркон, от русского жаркое). Отдельные семьи стали вводить в употребление капусту, из которой готовят голубцы (дулма).

Мясо употребляют баранье и говяжье, первому отдается предпочтение. Помимо уже описанных мясных блюд, едят мясо в вареном виде из супа. За последнее время некоторые колхозники, в частности, учащиеся и колхозная молодежь, побывавшая в армии, стали есть колбасные изделия из свинины, которую ислам строго запрещает употреблять в пищу, считая поганой (харом). Раньше этот запрет соблюдался строго. Теперь бывают случаи, когда свиную колбасу едят и люди пожилые. Употребление в пищу свинины, к которой, под влиянием многовекового господства ислама, население Узбекистана питало непреодолимое отвращение, также является свидетельством изживания религиозных и бытовых предрассудков.

Колхозная семья питается не меньше трех раз в день. Утром и днем пьют чай со свежими лепешками. К чаю летом подаются фрукты. Зимой свежие фрукты заменяются сухофруктами, дополняемыми орехами и миндалем. В семьях, имеющих корову, к утреннему завтраку нередко подается кислое или пресное молоко, иногда сливки или топленое масло. Что касается сахара, конфет и других сладостей, то старшее поколение, с детства не привыкшее к сладостям, мало их употребляет, предпочитая им сушеные фрукты. В большом количестве едят сладости только дети. Различные конфеты и сахар, разложенные на тарелочках, подаются во время приема гостей, служа, главным образом, украшением стола.

Днем горячая пища готовится редко, так как основные члены семьи в это время находятся на работе. Среди дня готовится какое-нибудь блюдо в тех случаях, когда приходят родственники или знакомые. Обед бывает вечером, он варится к приходу членов семьи с работы. Обед обычно готовится из одного блюда. Готовят с избытком, с расчетом на приход неожиданного гостя. Следует отметить, что гостеприимство является характерной чертой всего колхозного населения. И мужчины, и женщины, и дети, от мала до велика, всегда радуются приходу званных и незванных гостей и охотно делят с пришедшими свою трапезу.

Материальное благосостояние населения колхоза им. Сталина отражается и на одежде. Все одеваются хорошо, опрятно и чисто. Даже в поле, на работе не увидишь колхозников, одетых в рваную, старую одежду. Если кто и выходит на работу в поношенном платье, то оно у него чистое, аккуратно заплатаемое. Одежде придается большое значение. Не только у женщин, но и у мужчин имеются праздничные костюмы из дорогих тканей. Бархат, плюш, сукно, всевозможные шелка—крепдешин, атлас, канаус—в большом употреблении у колхозников. Эти дорогие ткани доступны колхозникам тем более, что колхоз ежегодно выполняет и перевыполняет планы по шелководству, благодаря чему в магазин колхоза доставляются самые разнообразные шелковые ткани. Наиболее ценные из них отпускаются в первую очередь колхозницам-червопроводкам в счет выработанных в шелководстве трудовых.

Нередко дорогие ткани выдаются колхозным труженикам в виде поощрений, премий. Так, например, в 1951 г., в момент наиболее острой борьбы за уборку высокого урожая, правлением колхоза было введено ежедневное премирование сборщиц и сборщиков, намного перевыполнивших дневную норму, отрезами любимых населением кустарных тканей—атласа или бекасаба (полушелка). Премии получали те, кто собирал за день свыше 200 кг хлопка или 400 кг курака.

В одежде населения колхоза им. Сталина за последние двадцать пять лет произошли громадные изменения. Ее можно разделить на три группы: к первой относится костюм городского типа, в основном заимствованный от русских и получивший в советское время широкое распространение в Узбекистане; ко второй группе относится современный национальный костюм, сложившийся на базе старого, но значительно видоизмененного национального костюма, к третьей—старая национальная одежда, которую еще носят старики.

Костюм, отнесенный нами к первой группе, бытует в основном у представителей передовой части мужского населения. Среди руководящих работников колхоза и служащих особенной популярностью пользуется костюм военного образца: френч или гимнастерка, брюки галифе, суконные или шерстяные, защитного, черного или синего цвета. К ним одевают кожаные сапоги, черные или коричневые.

В жаркое время года этот костюм сменяется кителем и брюками из сурового полотна (коломянки). С кителем носят также длинные брюки на выпуск. Такие костюмы из полотна или белой шелковой чесучи носят также представители сельской интеллигенции: агрономы, учителя, веттехни, учащиеся. Имеют распространение в колхозе также пиджаки; при этом брюки чаще всего заправлены в сапоги. Часто с пиджаком носят брюки галифе. Полный костюм—пиджак, брюки, сорочку с галстуком—можно видеть преимущественно на представителях сельской интеллигенции. Такого рода костюмы из хороших дорогих тканей имеют и все руководящие работники колхоза.

Молодежь, особенно учащиеся, носит галстуки. Выходные сорочки часто шьются из белой дорогой ткани: шелкового полотна, атласа, крепдешина. Сорочку носят как заправленной в брюки, так и выпущенной, подпоясанной. Поясом служат чаще всего разного вида ремни.

Летом мужское население колхоза носит рубахи типа косоворотки, одеваемые на выпуск. Такие рубахи начали распространяться среди узбеков еще до революции. Однако в то время они встреча-

лись лишь у некоторых слоев населения городов, преимущественно в Ташкенте, входя в быт под влиянием все более усиливающихся хозяйственно-политических, связей с русским народом. После Великой Октябрьской социалистической революции этот вид одежды распространился очень широко по всему Узбекистану, войдя также в состав современного национального костюма.

Следует отметить, что многие колхозники стали носить нательное белье (кальсоны, рубашу, летом — майку или сетку), до революции среди узбеков не бытовавшее. Мальчики-подростки летом нередко заменяют майкой рубашу.

Из обуви местная интеллигенция чаще всего носит ботинки или полуботинки. Колхозники предпочитают сапоги. Летом носят брезентовые.

Верхней выходной одеждой многих мужчин из колхозной интеллигенции и руководящего состава колхоза является пальто — суконное, драповое, реже кожаное. Пальто покупаются готовыми в магазине.

Рабочей одеждой для многих мужчин и женщин, начиная с руководящих работников и колхозных служащих, является стеганка-телогрейка.

В качестве головного убора к мужскому костюму городского типа летом одевают кепку или фуражку, зимой различного вида меховые шапки: телпак — шапку с меховой опушкой и бархатным верхом — характерный убор, входивший ранее в национальный ферганский костюм, меховую шапку типа кавказской папахи-кубанки и шапку-ушанку, получившую, наряду с телогрейкой, очень широкое распространение у мужского населения Узбекистана.

Наряду с кепкой и фуражкой носят также удобный и красивый национальный головной убор — тюбетейку, зимой нередко одеваемую под меховую шапку. Тюбетейка для некоторых мужчин является единственным сохранившимся элементом национального костюма.

Из всего разнообразия типов этого национального головного убора в колхозе им. Сталина излюбленными являются чустские тюбетейки (тус-туппи), получившие в годы советской власти распространение по всему Узбекистану и за его пределами. Тюбетейки эти шьются из сатина или атласа, обычно черного цвета, по которому белым шелком вышивается характерный узор „бодом“ (миндаль), иначе называемый „каламшур“ (перец).

До Великой Октябрьской социалистической революции ношение немусульманской одежды, особенно головных уборов, имеющих козырек (таких, как фуражка и кепка), резко осуждалось. Население, находившееся под влиянием реакционного духовенства, расценивало ношение таких головных уборов как нарушение религиозных норм. Носивших фуражки считали грешниками, неверными (кафир).

В настоящее время этот пережиток полностью изжит.

То же относится и к прическе. Значительная часть мужской колхозной молодежи, в особенности учащиеся, в полное нарушение старых обычаев, связанных с нормами ислама, носит длинные волосы, зачесывая их, преимущественно, со лба назад. Такую прическу носят также люди средних лет из среды колхозной интеллигенции. Наряду с этим появился обычай ходить с непокрытой головой, что было ранее совершенно не принято и считалось несовместимым с мусульманской религией. Как известно, мусульманам полагалось брить голову и покрывать ее как на улице и в общественных местах, так и дома, тем или иным головным убором. Нарушением религиозных законов считалось также бритье бороды и усов, которое в наши дни получило са-

мое широкое распространение. Не только молодежь, но и пожилые мужчины нередко бреют бороду, оставляя обычно усы.

Наряду с мужским костюмом городского типа, большое распространение в колхозе им. Сталина имеет национальная форма одежды в ее современном варианте, бытующем в сельских районах Ферганской долины.

Этот костюм характеризуется сочетанием элементов современного городского костюма с элементами старой национальной одежды и имеет целый ряд вариантов.

Костюм более молодых людей, выросших в советских условиях, отличается от вышеописанного городского костюма лишь включением немногих элементов национальной одежды: тибетейки и расшитого шелком, нередко яркой расцветки, поясного платка (кыйик). Кыйик представляет собой квадратный кусок ткани (местного шелка—шои, хан-атласа или сатина, бязи) любого цвета, орнаментированный со всех четырех сторон вышивкой в виде неширокой каймы и букетиков, помещаемых по углам. Сложенный по диагонали и несколько раз перекрученный, он одевается поверх выпущенной рубахи, завязываясь спереди узлом с петлей. Иногда повязывается не один, а два и три таких поясных платка, один над другим. Нередко поясной платок является подарком: в колхозе до сих пор бытует обычай одаривания во время свадьбы жениха, его родни и почетных гостей платками. Люди, обычно не носящие национального костюма, повязывают дареный платок дома.

Колхозники постарше сохраняют в своем костюме значительно больше элементов старой национальной одежды. Например, наряду с широко распространенными в быту брюками европейского покроя, часть населения носит также изготовленные местными мастерицами брюки, в покрое которых сохраняются какие-нибудь черты национальных шаровар: иногда вместо пуговиц—завязки; иногда брюки представляют собой значительно измененные шаровары местного покроя с широким шагом, но сделанные из темной плотной ткани, длинные до ступней.

Рабочие брюки шьются из хлопчатобумажных тканей, выходные—из сукна или шерсти. Последние приобретаются обычно готовыми. В зимнее время многие колхозники ходят в ватных стеганых брюках. Как правило, колхозники носят брюки заправленными в высокие, достигающие до колен сапоги, что придает определенное своеобразие костюму узбекского колхозника и является результатом влияния традиций старого национального костюма.

Косоворотка иной раз заменяется рубахой старого покроя, с открытой грудью. Особенно любят такие рубахи пожилые люди. Они уверяют, что рубаха с закрытым воротом их душит.

Косоворотки шьются из светлых хлопчатобумажных, иногда шелковых тканей или гладкого темного сатина, в то время как рубахи старого покроя—исключительно из белой бязи и мадаполама.

В качестве верхней зимней одежды пожилые люди носят халат (чапан), являющийся неотъемлемой частью старого национального костюма.

Для мужского населения колхоза им. Сталина характерным цветом халата остается черный, хотя иногда шьются и темносиние; как те, так и другие преимущественно из сатина. Наряду с такими халатами бытуют типичные для Ферганской долины халаты из местного полущелка (бекасаб) в полосатый рисунок. Такой халат можно встретить на молодоженах: он является обязательной частью костюма, даримого, по обычаю, жениху родителями невесты.

Халаты, носимые в колхозе им. Сталина, сохранили свой традиционный покрой: они совершенно прямые, с длинными сужающимися к концам рукавами. Халаты шьются на вате, мелко стегаются. Характерной их особенностью является обшивка узенькой плетеной тесьмой; ею оторачиваются, в виде украшения, края халата—ворот, подол, концы рукавов.

В колхозе им. Сталина бытует также, в качестве традиционной летней рабочей одежды, выработавшейся под влиянием климатических и бытовых условий, короткий белый халат на легкой стежке. Его носят во время полевых работ и надевают без рубашки, благодаря чему сохраняется доступ свежего воздуха к телу. Белый цвет халата, отражая солнечные лучи, предохраняет работающего от перегревания. Подобные халаты бытуют на севере Ферганской долины настолько широко, что их изготовлением занимаются многие кустарные артели Намангана. Халаты эти продаются в сельских магазинах.

Почти полностью сохранили старый национальный костюм только старики. В состав их костюма входят: рубаха и штаны старого покроя, поясной платок, тюбетейка, ичиги с галошами. Рубаха всегда шьется из белой хлопчатобумажной ткани (бязи, мадаполама). Многие старики носят, по традиции, белые штаны из одинакового материала с рубахой (в старину они шились из белой кустарной маты); другие же в последние годы стали носить темные шаровары из хлопчатобумажных тканей, сохраняя при этом их старый, традиционный покрой: шаровары делаются широкие, на завязке, с широким шагом; они доходят до половины икры и суживаются книзу.

В качестве летней одежды, кроме вышеописанной, бытует так называемый „яхтак“—короткий халат без подкладки. Яхтак обычно делается из белой или белой в цветные полосы хлопчатобумажной ткани; носится он часто без рубахи, как бы заменяя ее, иногда же поверх нее, и подпоясывается поясным платком.

Верхней зимней одеждой стариков является черный сатиновый халат, который отличается от вышеописанного только большей длиной: старики носят халаты, достигающие почти до щиколотки.

Зимой, в самые холодные дни, некоторые старики, так же как и многие мужчины среднего возраста, носят нагольные тулупы (пустыни) из бараньего меха. Эти тулупы, очень широкие и длинные, не имеют воротника и застежек и оставляют грудь открытой, что является характерной чертой старого национального узбекского костюма, особенно ферганского.

Головной убор стариков, так же как и большинства колхозников,—тюбетейка чустского типа. Зимой вокруг тюбетейки повязывают, наподобие чалмы, поясной платок или кусок материи; нередко старики носят шапку-ушанку. Этот теплый удобный головной убор пришелся им очень по вкусу.

Что касается чалмы (салля), то она почти исчезла, ее повязывают лишь некоторые старики во время совершения молитвы (намаза). Следует отметить, что и в дореволюционное время в Ферганской долине чалма не имела широкого распространения. Она являлась своего рода привилегией „верхушки“ общества: ее носили преимущественно духовенство, представители власти и богачи.

Обувь стариков—ичиги с резиновыми, так называемыми азиатскими галошами. Эти галоши, изготовлявшиеся специально для Средней Азии в России с конца XIX в., вошли в быт сельского населения и, благодаря своим преимуществам перед старинными кожаными галошами (кауш), совершенно вытеснили последние.

Поясные платки, которыми старики повязываются поверх рубашки или халата, по сравнению с поясными платками людей молодых и среднего возраста, более скромны по качеству материала (преимущественно хлопчатобумажные) и по расцветке, но все же всегда украшены вышивкой.

Следует отметить явную тенденцию к изживанию старого национального мужского костюма. Современный костюм получает все большее распространение, считается наиболее удобным и красивым; его ношение расценивается, как признак культурности человека, приобщения его к новому быту.

Одежда детей, особенно мальчиков, представляет значительное количество вариантов. Как правило, мальчики, в частности, из семей интеллигенции, носят костюмчики: длинные брюки с пиджачком или тужуркой, иногда галифе с френчем. Очень распространены костюмчики этого фасона из бархата или мягкого плюша ярких цветов, чаще красного или зеленого, одного тона или полосатого, а летние—из колотьянки.

Национальная детская одежда, также широко бытующая в колхозе, по покрою, материалу и его расцветке почти не отличается от одежды взрослых. Дети носят шароварчики, рубашки и халаты того же покроя, что и взрослые. Таковы же по большей части и их головные уборы, основным из которых является тибетейка.

В последние годы одежда детей начала все больше изменяться, приобретая специфические элементы детского костюма. Чрезвычайно важные изменения, наблюдающиеся в системе воспитания детей, находят отражение и в их одежде. Следует отметить проникновение в колхозный быт городского детского костюма, что осуществляется в значительной степени через детские сады, где дети, взамен своей домашней, одевают одежду городского покроя, принадлежащую детсаду. Пока эта одежда только летняя, так как дети посещают детсады преимущественно летом, в сезон полевых работ. Она состоит из трусиков и платья для девочек, трусиков и рубашки для мальчиков; к этому костюму присоединяется еще шляпа-панам.

Легкая и удобная, детская одежда этого типа начинает все более прививаться в колхозных семьях. Особенно широкое распространение получили трусики, которые, вместе с майкой, составляют в летнее время обычный костюм многих мальчиков 7—12 лет.

Дети грудного возраста в качестве головного убора носят зимой шапки, чаще всего бархатные, ярких цветов, летом—белые чепцы, иногда белые вязаные тибетейки. Поверх рубашечки или (зимой) халатика нередко надевается нарядный белый фартук с оборками.

Женский костюм в колхозе им. Сталина почти полностью сохранил свой национальный облик. Лишь за последние два года женщины-активистки начали носить и платья русского фасона (русча куйнак), распространенного по всему Советскому Союзу. Из всего многообразия фасонов этого типа платьев в колхозе им. Сталина носят платья с отрезным лифом, широкой юбкой в сборку, длинными рукавами и отложным воротником. Такие платья одевают нередко и девочки. В распространении этого фасона главную роль играют торговые организации, доставляющие в колхоз готовые платья именно такого покроя.

Современный национальный костюм колхозниц, сохраняя многие элементы старого национального женского костюма, в то же время

весьма существенно отличается от него. Это отличие определяется как проникновением в современный национальный костюм многих элементов городского костюма, так и дальнейшим развитием черт старого местного костюма.

Современный национальный костюм, сложившийся после революции, является костюмом почти всего женского населения колхоза им. Сталина. Его не носят лишь женщины в возрасте свыше пятидесяти лет, сохраняющие одежду более старого типа.

Основными частями женского костюма являются платье и шаровары. Платье делается на кокетке, очень широкое, со сборками на груди, с отложным воротником и длинными широкими вшивными рукавами. Этот фасон платья, известный под названием „кукрак бурма куйнак“ (платье со сборками на груди), принят в Узбекистане повсеместно. Впервые он появился в Ташкенте в начале нашего столетия, но широкое распространение в сельских районах, в том числе в колхозе им. Сталина, получил лишь два десятилетия тому назад. Сейчас в колхозе им. Сталина подобные платья носит основная масса женского населения, начиная от девочек трех-четырехлетнего возраста и кончая женщинами 45—50 лет.

Имея общий покрой, женские платья приобретают значительно отличающийся друг от друга облик в зависимости от расцветки и качества ткани. Наиболее передовая часть женского населения, в том числе представительницы сельской интеллигенции, носят платья преимущественно скромных, сдержанных расцветок. Для лета особенно любят шелк (крепдешин) и батист белого, светлорозового, голубого или кремового цветов, имея возможность, благодаря широко вошедшему в быт уютю, поддерживать платье всегда в свежем виде.

Желание приобщиться к городской культуре всемерно способствует развитию культурных навыков у колхозного населения. К числу подобных навыков следует отнести уютку одежды. Население колхоза им. Сталина—особенно это касается передовой его части—ходит всегда в глаженной одежде. Уют, неизвестный в кишлаке в до-революционное время, за последние годы получил признание и распространение. В тех домах, где его нет, пользуются соседским, любезно предоставляемым всем в нем нуждающимся.

Девушки и молодые женщины носят платья ярких расцветок, преимущественно красные и темнорозовые. Часто можно встретить нарядные платья из кустарных пестрых атласов ярких расцветок.

В качестве домашней и ежедневной рабочей одежды носят платья из более дешевых бумажных тканей: сатина, майи, ситца. Следует, однако, отметить, что молодые женщины нередко и в поле, на работу, выходят в нарядных шелковых платьях.

Каждая колхозница (особенно из числа недавно вышедших замуж) имеет несколько платьев из дорогих тканей. По традиции, такие платья изготавливаются к свадьбе дочерям в виде приданного, а будущим невесткам в виде подарка. Женщины постарше приобретают себе нарядную, дорогую одежду по мере надобности; иметь ее считается совершенно необходимым.

Почти все женское население независимо от возраста носит длинные, до ступней шаровары традиционного покроя, которые при выходе из дома нередко заправляются в чулки.

В костюме девочек, особенно школьниц, все чаще встречаются бриджи. Получившие широкое распространение как часть рабочего костюма женской молодежи всего Советского Союза бриджи пользуются в Средней Азии всеобщим признанием, заменив в будничном и

праздничном костюме некоторой части населения шаровары. Бриджи нередко делаются из дорогих тканей, преимущественно из атласа кустарной выработки.

Поверх платья обычно надевают короткий, немного ниже талии, свободный жакет с отворотами и карманами. Жакеты шьются из темных тканей, как дорогих—плюшевых, шерстяных,—так и плотных бумажных, в зависимости от назначения жакета—служить выходной или домашней и рабочей одеждой. Жакет носится и летом. Для лета жакеты шьются в подавляющем большинстве из белой плотной хлопчатобумажной ткани.

Жакет вошел в национальный костюм уже после революции и был заимствован из русского костюма, на что указывает и его название „кастим“ (от русского костюм).

Широко распространившись, жакет в значительной мере вытеснил из быта безрукавку, называемую камзыл, имеющую, впрочем, и до сих пор некоторое распространение в современном национальном костюме. Безрукавка эта—короткая, выше талии—по форме напоминает жилет. Нередко она шьется из плюша или бархата, чаще черного цвета, иногда красного или в цветные полосы. Носят безрукавку преимущественно девочки, девушки и молодые женщины. Еще в начале XX в. безрукавка была новшеством, заимствованным многими среднеазиатскими народами из костюма татар, с которыми, в результате присоединения Средней Азии к России, установились культурные и хозяйственные связи. В костюме женщин старшего поколения, в возрасте 60—70 лет, безрукавки, а тем более жакеты не встречаются.

Распространение безрукавок и жакетов стимулировалось тем, что в одном платье и шароварах без камзола или халата, по традиции, допускалось ходить только в домашней обстановке. До недавнего времени не было принято появляться в общественных местах, на работе, в гостях и на улице в одном платье. Лишь за последние годы сельская интеллигенция начала перенимать городской обычай ношения летом одного платья, под которое надевается белье.

В прошлом узбекские женщины нижнего белья не носили. В настоящее время белье обычного городского фасона, особенно сорочки, широко вошло в быт колхозных девушек и молодых женщин, являясь, несомненно, свидетельством культурного роста населения.

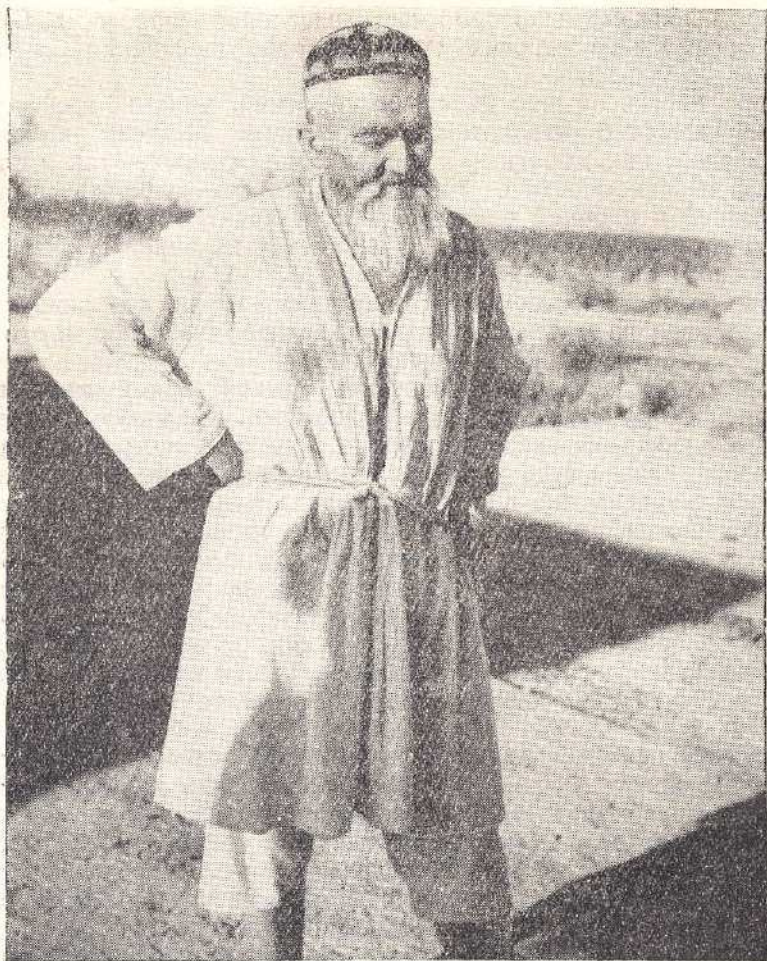
Наиболее распространенной верхней одеждой женского населения колхоза является длинная одежда типа камзола.

Современной формой этой одежды, сложившейся под непосредственным влиянием покроя городского пальто, является двубортный камзол с отворотами и с отложным воротником, вырезными проймами и вшивными рукавами, с горизонтальными карманами, прикрытыми клапанами, и с хлястиком сзади. Талия прилегающая, подол расширяется книзу.

Эта одежда шьется преимущественно из плотной ткани, чаще всего из черного сатина, на подкладке, и носит название двайна (от русского двойной).

Наряду с современным фасоном этой одежды бытует и более старая форма камзола, появившаяся в начале XX в. Она отличается от вышеописанного выкройным шалевым воротником, а также и тем, что для молодых женщин делается иногда из полосатых кустарных полушелковых тканей бекасабов.

Совсем недавно, года три-четыре тому назад, женщины передовой части населения стали носить пальто городского типа, называемые

Пожилой колхозник в летнем костюме старого типа.

местным населением палта. Эти пальто либо приобретаются в магазинах, либо шьются на заказ в артели, находящейся в Чартаке. Пальто, сшитые местными портными, имеют большое сходство с камзолом типа „двайна“. Самый распространенный материал, из которого шьются пальто—мягкий плюш и бархат черного цвета.

Костюм женщин старшего поколения сохраняет старые национальные формы в том виде, как они сложились к началу нынешнего века. Для пожилой женщины до сих пор считается неприличным носить платье нового, современного фасона, и поэтому женщины, имеющие взрослых детей и считающие себя представительницами старшего поколения, даже если они носили раньше платье современного фасона, на отрезной кокетке, с возрастом сменяют этот покрой на более старый.

Сохраняя многие черты женской рубахи—прямой, широкой, длинной, без шва на плечах, с прямыми проймами для рукавов,—современное старушечье платье отличается от более старого покроя лишь наличием стоячего воротника и застежки спереди. Такие воротники, известные в Узбекистане под названием „ногай яка“ (татарский воротник), получили широкое распространение в начале XX в., вытеснив

старинный покрой платья без воротника, с открытой грудью, теперь совершенно в колхозе не встречающийся.

Старушечьи платья по-прежнему шьются в основном из белых тканей, обычно хлопчатобумажных.

В качестве верхней одежды пожилые женщины носят камзол старого фасона с шалевым воротником или халат.

Камзолы из бекасаба до сих пор изредка встречаются и в костюме молодых женщин. Раньше они считались его обязательной частью. На этот вид одежды было перенесено старое название чапан (халат), хотя от последнего камзол отличается всем своим покроем. Старый халат, к которому также прилагается термин „чапан“, сохранился в настоящее время лишь в костюме глубоких старух. Он шьется из прямых полотнищ ткани, не имеет шва на плечах; прямой, из поперечных полос рукав пришивается к прямому полотнищу, без вырезной проймы. Такой чапан ничем не отличается от мужского халата старого местного покроя.

Изменения коснулись также и обуви. Женское население колхоза носит сапоги или ичиги с галошами. Сапоги, как выходные, которые нередко делаются лакированными, так и рабочие, из простой черной кожи, широко вошли в быт колхозных женщин. Почти все колхозницы на полевые работы выходят в сапогах.

Наиболее передовые в бытовом отношении женщины, а также многие девочки и девушки летом носят чулки и туфли. Туфли у молодых женщин нередко лакированные, на низких каблуках. В качестве летней обуви широкое распространение получили кожаные чупаки.

Основным головным убором женского населения являются, как и в дореволюционное время, платки. Однако в манере их ношения произошли значительные изменения. Различные способы повязывания платков, наблюдающиеся в колхозе, определяются теперь не незыблемыми старыми обычаями, как это было раньше, а личными склонностями, культурным уровнем, эстетическими вкусами каждой женщины.

Совершенно исчезло выделение при помощи формы головного убора различных возрастных групп. До революции головной убор женщины указывал на ее семейное положение, которое определяло и ее положение в обществе: по головному убору и прическе можно было легко отличить девушку от молодой женщины, молодую мать от женщины, еще не имеющей детей, женщину средних лет от пожилой, вышедшей уже из брачного возраста. Переход из одной группы в другую сопровождался изменением формы головного убора, что отмечалось обрядом.

В настоящее время, когда положение женщин определяется участием в колхозном труде и в общественной жизни, исчезла основа для их выделения по возрасту и семейному положению. Исчезли, в связи с этим, и возрастные типы головных уборов. Лишь женщины очень преклонного возраста, придерживающиеся старых обычаев в одежде, носят сложный головной убор из двух платков. Большинство женщин колхоза повязывает или накидывает на голову один платок. При повязывании платок складывается углом и завязывается на затылке. Среди женщин-активисток за последние годы распространился ташкентский способ повязывания платка наподобие косынки. Платок охватывает голову, оставляя шею открытой. Узел приходится под косами, а концы спускаются на грудь.

Очень распространено, в особенности летом, ношение небольшого платка, свободно накидываемого на голову в развернутом виде. Так носят платок и дома, и в поле во время работы, и на улице.

Оказываясь на многолюдных улицах колхоза, некоторые женщины опускают концы платка на грудь, другие, наоборот, закладывают края платка на уши так, что он плотно облегает лоб, оставляя лицо открытым.

Так носят платок дома и женщины пожилые. Выходя на улицу, они надевают большой сложенный по диагонали квадратный платок, который набрасывают на голову, причем два длинных конца, перекрещиваясь под подбородком, забрасываются через плечи на спину. Иногда под этот платок повязывается второй, плотно облегающий и закрывающий лоб. В последние годы у женской молодежи колхоза вошли в моду небольшие платки (0,5 м × 0,5 м), обвязываемые по краям кружевом, которые набрасываются на голову в развернутом виде, причем кружево красиво обрамляет лицо, а концы платка свисают до плеч. Вязанье кружев было раньше населению колхоза совершенно неизвестно; оно распространилось лишь за последние несколько лет. Этому искусству колхозниц научили жившие в Айкыране русские женщины и татарки.

Носят платки разных расцветок и размеров, сделанные из всевозможных тканей: шелка, крепдешина, батиста, тюля, кисеи, ситца и т. п.

Файзихан Каримова, выпускница школы-десятилетки,
в современном национальном костюме.

Тохтахан Газибаева в выходном головном уборе
пожилых женщин.

Тюлевые платки обшиваются фабричными кружевами. Молодые женщины предпочитают цветные платки, пожилые — белые. По традиции, у женщин старшего поколения выходные платки делаются из белой кисеи (дока). Зимой носят и шерстяные фабричные платки. Вязанные пуховые пока еще редкость, они начали входить в употребление в самое последнее время.

Совершенно новым обычаем для населения колхоза им. Сталина является ношение женщинами и девушками тибетеек.

До Великой Октябрьской социалистической революции даже девочки тибетеек не носили. Еще двадцать лет назад ношение женщиной тибетейки было явлением исключительным и большинством местного населения строго осуждалось.

В настоящее время число женщин, носящих тибетейки, возрастает с каждым годом. Самыми популярными являются тибетейки ташкентского стиля: чаманда-гуль туппи — темные бархатные с белой вышивкой, ироки туппи — сплошь вышитые цветными шелками крестом (ироки), а также назук-туппи — бархатные, вышитые бисером. Бытуют и другие типы тибетеек, в том числе и чустские, широко распространившиеся в колхозе в качестве головного убора мужского населения.

В колхозе им. Сталина полностью изжито ношение паранджи и чачвана; их не надевают даже женщины очень преклонного возраста.

До Великой Октябрьской социалистической революции, так же как и в первые послереволюционные годы, паранджа и чачван являлись неотъемлемой частью выходного женского костюма, которую носили все, начиная с девочек 10—12 лет и кончая глубокими старухами.

В настоящее время на улицах колхоза нельзя уже встретить женскую фигуру, облаченную в бесформенную серую паранджу, с чачваном на лице. Новые паранджи больше не шьются, старые, сохранившиеся в хозяйстве, использованы в домашнем быту как добротный материал для покрытия тюфячков и на другие нужды.

В изживании паранджи и чачвана большую роль сыграли женсоветы, организованные при сельском и районном советах и руководимые партийными и комсомольскими организациями колхоза и района.

Констатируя огромной важности факт исчезновения из быта паранджи и чачвана — символа закрепощения женщины, следует отметить, однако, что членам экспедиции приходилось еще наблюдать некоторые пережитки затворничества. Многие женщины, выходя на улицу или попадая в смешанное общество, например, на колхозных собраниях, старались прикрыть лицо от взоров посторонних мужчин концом головного платка, иногда опуская его для этой цели на лицо, либо прикрывались жакетом или халатом, набрасываемыми на голову.

Среди тех, кто еще сохранил эти пережитки былого затворничества, встречались не только пожилые женщины, но и молодежь. Если пожилые женщины, проводившие половину своей жизни в изоляции от мужского общества, закрывались по привычке, то девушки и молодые женщины бывали вынуждены иной раз делать это против своего желания, опасаясь распускаемых отсталыми элементами сплетен или будучи принуждаемы к этому несознательными отцами, мужьями или братьями.

Эти пережитки находились в резком противоречии со всем строем колхозной жизни: они препятствовали развитию нормальных отношений между мужчинами и женщинами, тормозили культурный рост женщин, мешали их производственной деятельности. Важнейшей задачей партийной и комсомольской организаций колхоза является более активная, решительная борьба с этими вредными пережитками феодально-байских предрассудков.

Следует отметить, что наблюдавшиеся в колхозе им. Сталина пережитки затворничества перестали носить характер обязательности даже для наиболее отсталых женщин. Принимая в своем доме гостей-мужчин, особенно приезжих, женщины часто сами подавали угощение и участвовали в общем разговоре. Не проявлялись эти пережитки и в условиях производства. Совместная работа мужчин и женщин в одной бригаде и в одном звене, нередко возглавляемом женщиной, обуславливает неизбежность постоянного и систематического делового общения между мужчинами и женщинами; вследствие этого в поле во время работы не закрывались даже те женщины, которые вне деловой обстановки старались чем-нибудь, хотя бы слегка, прикрыть лицо.

Эти факты позволяют заключить, что последние следы женского затворничества находятся накануне своего полного изживания.

Как было упомянуто выше, население колхоза им. Сталина придает большое значение одежде. В торжественные дни — в праздники годовщины Октябрьской революции, Первого мая, в дни семейных торжеств, а также на годовые отчетные колхозные собрания все колхозники наряжаются в лучшие, праздничные платья.

Характерно, что традиционная обнова к празднику теперь приурочивается не к религиозным праздникам, как это имело место в до-революционное время, а к советским революционным праздникам.

В 1951 г., в дни годовщины Октябрьской революции, члены экспедиции были свидетелями подготовки к этим праздникам: мастера-цы-швей (чевар) были загружены работой, торопились к сроку — к седы-

тому ноября выполнить заказы на платья, рубахи, костюмы. Соответственно с временем года, больше всего шилось верхней женской одежды — камзолов и пальто.

Седьмого ноября все колхозники вышли на поле собирать хлопок. Они пришли на работу нарядно одетые. В праздничные костюмы были одеты и школьники, не говоря уже о малышах, которых матери нарядили во все лучшее, новое и взяли с собой в этот день на поле, где в полевых станах в обеденный перерыв должно было готовиться традиционное угощение — плов.

Особенно радостное, праздничное настроение наблюдалось в этот день в бригаде Джуры Хакимбаева, первой из двадцати четырех хлопководческих бригад выполнившей до праздника годовой план сбора хлопка. На прошедшем накануне торжественном собрании была отмечена работа бригады и все члены ее были премированы. Каждому вручили пакет, в котором находились: отрез на платье (женщинам), сапоги и галоши (мужчинам), полотенце, туалетное мыло, зубной порошок, зубная щетка, шесть больших фарфоровых тарелок, шесть маленьких, три килограмма сахара-рафинада и большая пачка зеленого чая.

Жилище, одежда, пища и прочие материальные условия жизни колхозников свидетельствуют о неизмеримо возросшем культурном уровне населения бывшего отсталого кишлака Айкыран.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КОЛХОЗА

Культурный рост населения колхоза им. Сталина особенно ярко проявляется в области духовной культуры. Развитие всех сторон этой культуры, имеющей и в советском городе, и в советском селе-нии общее, связанное со всем советским строем, социалистическое содержание, находит свое выражение в работе самых разнообразных общественных организаций и культурных учреждений, школ, библиотек, а также в различных отраслях искусства, спорта.

Наибольшее значение в сложении новой культуры колхозного кишлака имеют, безусловно, школы. Начав формироваться в годы становления Советской власти, сельские школы сыграли поистине громадную роль в революционной перестройке всей жизни кишлачного населения. В них год за годом подготавливались новые люди советского кишлака. Получая знания в школах, они несли их в свои семьи уже с детских лет.

Первая советская школа открылась в Чартаке в 1921 г. Она находилась в селении Булянак, в бывшем доме чартацкого казия. Несколько позже были открыты две школы в Айкыране; одна разместилась в бывшем доме богача Тадживой-бая, другая — в здании чайхан, принадлежавшей раньше старшине селения. Помещения были мало приспособлены для занятий, но это было лучшее, что имелось тогда в кишлаке. Учителем в этих школах уроженец Айкырана Мамат Мансуров и наманганец Бадали; оба они умерли, в преклонном уже возрасте, незадолго до начала Великой Отечественной войны.

В булянакской школе получили начальное образование два старейших учителя школ колхоза им. Сталина — Курбан Хамидов и Отахан Парпиев, награжденные за многолетнюю работу на поприще народного просвещения почетными грамотами, медалями „За трудовую доблесть“ и орденами „Знак почета“. Они продолжают учительствовать и сейчас. Их биографии — биографии сыновей дехкан-бедняков, получивших после Великой Октябрьской революции возможность учиться и стать педагогами, позволяют ярко представить себе тот путь, который прошел за годы советской власти узбекский народ.

Получение среднего, а затем высшего образования в наши дни является естественным путем, который открывается перед каждым советским человеком независимо от того, живет ли он в городе или в сельском районе, в РСФСР или в Средней Азии. В трудных условиях первых послереволюционных лет этот путь для узбекской молодежи был еще не проторен, и ступить на него решались наиболее смелые, передовые, инициативные люди. В числе их были Курбан Хамидов и Отахан Парпиев.

Курбан Хамидов родился в 1891 г. в семье дехкана-середняка, имевшего десять танапов земли и почти столько же детей: у него было пять сыновей и четыре дочери; Курбан был четвертым ребенком в семье. Не будучи в состоянии прокормить такую большую семью на доходы с собственного участка, отец Курбана систематически арендовал землю у баев. К тому времени, как подрос Курбан, старшие сыновья уже были помощниками в семье, и отец решил позволить себе роскошь отдать четвертого сына в мактаб, надеясь, что он, может быть, сумеет выбраться на жизненный путь, более легкий, чем путь малоземельного дехкана. Это было в 1910 г.

Курбан прозанимался в мактабе, помещавшемся при мечети, четыре года, научившись, благодаря своим способностям и прилежанию, довольно хорошо читать и немного писать, — успехи, которых достигали за такой срок далеко не все. Мактаб, с его отсталыми, несовершенными методами преподавания, с его насквозь пропитанными религией, мало понятными, а частью и вовсе непонятными книгами, которые заучивались наизусть, не давал ученикам никакого образования. Большинство из них, проучившись пять и более лет, оставалось все неграмотными. Курбан был сообразителен, настойчив и овладел грамотой в сравнительно короткий срок.

В 1914 г. умер отец Курбана, а потом и мать. Курбан жил некоторое время со старшим братом, имевшим свою семью, но уже в следующем году братья разделились, и Курбан стал „самостоятельным“ хозяином, получив в полную собственность доставшееся на его долю наследство: один танап земли и ничего больше — ни рабочего скота, ни инвентаря. Он начал крестьянствовать, обрабатывая свой клочок земли чужими волами и орудиями, которые брал на кабальных условиях у бая. Сеял Курбан больше пшеницу, так как только эта культура была доступна такому бедняку, как он. Попробовал было сеять хлопок, но посев засох без полива: получить воду было очень трудно.

Грамотность пригодилась Курбану: в предреволюционные годы в кишлак иногда попадали газеты, и Курбан, один из немногих, мог их прочесть. Он делился прочитанным со своими друзьями и соседями, растолковывая с грехом пополам то, что было им непонятно.

Курбан Хамидов вспоминает, что в кишлаке долго никто не мог понять, что обозначает слово „хуррият“ (свобода), которое так часто повторялось в 1917 г. на страницах газет.

Постепенно Курбан сделался популярным человеком в селении, и в 1918 г. его выбрали сперва в махалинский комитет, потом в сельский комитет союза Кошчи, где он стал секретарем.

В 1919 г. Курбан Хамидов был назначен уполномоченным базарного комитета. Постепенно втягиваясь в общественную работу, Курбан Хамидов неожиданно для себя обнаружил, что он перестал быть дехканом и начал зарабатывать себе на жизнь при помощи той „науки“, которая, выражаясь только в умении читать и писать, до сих пор ничем существенным ему в жизни не помогала. Он решил, что надо учиться дальше, и в 1922 г. поступил в вечернюю школу ликвидации неграмотности. В следующем году Курбан Хамидов поехал на учительские курсы в Намаган и через год, окончив их, получил назначение на место учителя и заведующего школой в соседнем, Уйчинском районе.

За долгие годы своей педагогической деятельности Курбан Хамидов работал в одиннадцати школах, сменяя их по распоряжению руководящих организаций, посылавших его туда, где он мог быть наиболее полезным.

Отахан Парпиев, родившийся почти на десятилетие позже, в 1900 г., остался после смерти отца, безземельного бедняка-дехкана, всю жизнь проработавшего на чужой земле, шестилетним сиротой. Его взял к себе дядя, брат матери, имевший пять дочерей и на одного сына. Он был дехканом-середняком и жил на доходы с 1,5 га земли, обрабатывать которую ему помогал Отахан, едва успев чуть-чуть подрасти. Когда Отахану исполнилось 19 лет, дядя женил его на одной из своих дочерей.

Отахан начал учиться двадцатидвухлетним юношей, в том же году, что и Курбан Хамидов. Учился Отахан тайком от дяди, — он не имел никакой уверенности в том, что его желание учиться получит одобрение и поддержку. Толчком, ускорившим решение Отахана учиться, была пустяковая обида — насмешка одного из односельчан, брошенная Отахану, молотившему около своего дома пшеницу. Оскорбленный юноша решил, что никто не посмеет смеяться над ним, если он будет „ученым“, и немедленно поступил в школу ликбеза.

При общей неграмотности и отсутствии учительских кадров, в те годы к учителям узбекских школ предъявлялись минимальные требования, и способного юношу, в течение года научившегося читать и писать, приняли на Наманганские курсы подготовки учителей. Уже через год Отахан стал учителем. Его направили в селение Карабог, расположенное в нескольких километрах от Чартака.

Это было трудное время. В Фергане бесчинствовали еще басмачи. В Карабоге жили крупные басмаческие главари-кыпчаки: Мамай-курбаши и другие. Жизнь учителя не раз подвергалась опасности. В Карабоге он мог показываться только днем, на ночь он ежедневно возвращался в Чартак, а утром снова отправлялся в неблизкий путь к месту своей работы.

Месяца полтора Отахан не мог приступить к занятиям: кыпчакское население кишлака было темным, запуганным, и родители не пускали детей в школу. Воспользовавшись тем, что это было время свадеб и тоев, Отахан появлялся то в одной компании, то в другой, терпеливо разъясняя пользу учения, убеждая неподатливых слушателей, ссылаясь на то, что он — такой же мусульманин, как и они, и приучая к себе детей интересными рассказами и лакомствами, которыми всегда были набиты его карманы. Его полюбили, к нему привыкли и, наконец, согласились на то, чтобы дети начали ходить в школу. Непременным условием было обещание учителя не составлять списка своих учеников. Условие было выполнимым, и занятия начались.

К этому времени басмачи были разгромлены, и под школу отвели дом убитого Мамай-курбаши. Парты, учебники, тетради — все было прислано безвозмездно из Намангана. В школе обучалось 40—45 детей. Спустя некоторое время Отахану удалось организовать школу ликбеза для взрослых, и за партами появились бородатые ученики, терпеливо преодолевавшие трудности овладения грамотой.

Отахан Парпиев, к тому времени уже вступивший в Коммунистическую партию, был не только школьным учителем; он активно включился в борьбу, которая разгорелась между бедняцкими и байскими элементами кишлака. Он был одним из организаторов батрацкого комитета, а потом председателем комиссии по проведению земельной реформы.

Проработав в Карабоге два года, Отахан Парпиев был переведен в кишлак Мучум, где он также организовал школу, а потом в родной Чартак. Здесь занятия шли сначала на террасе самой крупной айкыранской мечети. Когда похолодало, Отахан добился, чтобы жи-

тели селения дали согласие на превращение в школу самой мечети. Вскоре было выстроено новое здание — то самое, в котором до сих пор помещается ряд классов школы № 8.

Отахан Парпиев работал во многих школах своего района. Он не удовлетворился тем образованием, которое получил в начале своей деятельности: неоднократно проходил он, так же как и Курбан Хамидов, переподготовку на летних учительских курсах, а в 1940 г. закончил заочное отделение Наманганского педучилища.

В трудных условиях почти поголовной неграмотности приходилось Коммунистической партии укреплять в Узбекистане Советскую власть и растить необходимые кадры советских работников. Большую помощь в этом деле оказали узбекскому народу русские педагоги, участвовавшие в организации и работе учительских курсов и семинаров, разрабатывавшие учебники на узбекском языке или переводившие на узбекский язык русские учебники.

В подготовке необходимых кадров, в ликвидации оставшейся в наследство от царского времени почти поголовной неграмотности населения Узбекистана громадную роль сыграла незаметная, теперь почти позабытая, нередко подлинно героическая работа тружеников народного просвещения — первых узбекских учителей, направляемых в своей деятельности Коммунистической партией и Советским правительством. В Чартаке в решении этой трудной и благородной задачи непосредственное участие принимали Курбан Хамидов и Отахан Парпиев.

Развитие в этот период школьного дела в Айкыране, как и во всем Узбекистане, явилось прямым следствием взятого Коммунистической партией курса на всемерный рост национальной культуры путем насаждения широкой сети общеобразовательных и профессионально-технических школ на родном языке.

К 1926 г. относится возведение в каждом из трех селений, впоследствии вошедших в состав колхоза им. Сталина, хороших, европейского типа, зданий, донныне используемых под школы.

Большое значение в развитии культуры изучаемого района сыграла школа кишлака Айкыран, построенная, при непосредственном участии местного населения, на месте старого, пришедшего в ветхость здания медресе.

Обеспеченная опытными преподавателями, среди которых были и Курбан Хамидов и Отахан Парпиев, помещавшаяся в наиболее многочисленном селении Чартакской группы кишлаков, около торгового центра, эта школа вскоре заняла ведущее положение в районе и сделалась образцовой.

Несмотря на противодействие со стороны духовенства и отсталых слоев населения, число учащихся школы начало быстро расти. К 1927 г. их насчитывалось уже 200 человек. Однако среди этих школьников не было ни одной девочки — обучение девочек, тем более в одной школе с мальчиками, в большинстве семей, находившихся еще под влиянием реакционного духовенства, считалось немыслимым.

Для того, чтобы побороть эти отсталые взгляды, порожденные условиями дореволюционного быта и законами ислама, учителям пришлось провести, вместе с партийными и советскими организациями кишлака, большую агитационную работу, которая увенчалась серьезными успехами.

Уже к 1936 г., когда Айкыранская школа № 8 им. Кагановича превратилась в неполную среднюю школу-семилетку, где обучалось 400 учащихся, более тридцати процентов школьников в ней составляли девочки.

Этот сам по себе весьма важный факт свидетельствовал о глубоких переменах, которые произошли во всем укладе жизни и в сознании сельского населения.

В 1939 г. школа стала десятилеткой. В 1951 г. в ней обучалось 784 школьника, из которых были составлены 22 класса. Часть этих классов разместились в других зданиях, являвшихся филиалами школы № 8.

Одно из этих зданий находилось в самом центре селения Айкыран, недалеко от правления колхоза. Этот филиал обслуживал живущих поблизости детей младшего возраста, которым трудно было ходить в основное здание, помещавшееся в самом конце селения. В 1951 г. этот филиал был преобразован в самостоятельную неполную среднюю школу-семилетку № 21 им. Молотова, охватившую 310 школьников, обучением которых занимались девять преподавателей.

Второй филиал школы № 8 находился в отдаленном, отстоящем за четыре километра от селения квартале Кыпчак-махалля. Организованный в послевоенные годы, этот филиал состоял из четырех классов: в 1951 г. в нем открылся IV класс, в котором училось 18 детей.

Школа Кыпчак-махалля помещалась ранее в небольшой комнате, выстроенной внутри старой мечети. Эта оригинальная архитектура, порожденная стремлением отеплить школьное помещение, отжила, наконец, свой век и в 1951 г. была заменена новым зданием, которое построено колхозом.

Открытие этого филиала намного облегчило обучение детям, живущим в Кыпчак-махалля. Раньше они вынуждены были ходить либо в школы Айкырана, либо в соседнее, но отделенное Северным Ферганским каналом селение Караскон.

В школе им. Кагановича, помимо детей из колхоза им. Сталина, обучаются, главным образом в восьмых—десятых классах, много юношей и девушек из окрестных колхозов, не имеющих у себя полной средней школы. Для тех, кто живет далеко, устроено общежитие, в котором размещается до 30 школьников старшего возраста.

Имеющееся здание давно перестало удовлетворять потребности школы, и в 1951 г. рядом с первым зданием выстроено еще одно, состоящее, как и первое, из четырех классных комнат. За пять послевоенных лет школу окончило 116 человек.

В селении Бешкапа имеется школа-четыrehлетка № 19 им. Шота Руставели, охватывавшая в 1952 г. 220 школьников. Эта школа помещается в хорошем здании, построенном, так же как и школа им. Кагановича, в 1926 г. и состоящем из четырех классных комнат.

Школа-четыrehлетка № 10 имени лейтенанта Шмидта находится в селении Булянак. В небольшом, но светлом и уютном здании, состоящем из пяти комнат, в 1952 г. училось 243 ребенка.

По данным районного отдела народного образования на конец 1950. года в школах им. Сталина, вместе с обучавшимися в старших классах юношами и девушками из соседних колхозов, числилось 1486 учащихся.

Все школы колхоза, за исключением филиала в Кыпчак-махалля, во время работы экспедиции занимались в две смены.

Учебная и воспитательная работа в школах колхоза им. Сталина строится по типу городских школ. За порядком наблюдает дежурный преподаватель, в обязанности которого, согласно вывешенной в преподавательской комнате школы № 8 таблице, входит очень много разнообразных дел: наблюдение за подготовкой классных комнат к урокам, наблюдение за порядком во время перерывов, вписывание итогов дня дежурства в диаграмму работы школы, регистрация несо-

Экзамен по физике в VII классе школы им. Кагановича (1950 г.)

стоявшихся уроков, организация игр, читка материалов из газет во время перерывов и многое другое.

Составлены и вывешены в преподавательской комнате расписания работы педагогического совета, методических совещаний и кружков.

Ознакомление с планом работы педагогического совета школы № 8 осенью 1950 г. показало, что темы, которые должны были подвергнуться обсуждению в течение первой половины учебного года, весьма разнообразны. Помимо обсуждения вопросов школьного распорядка, расписания уроков, систематических отчетов кураторов классов и преподавателей отдельных дисциплин о ходе учебы, был запроектирован ряд теоретических докладов: о работе И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“, о педагогических взглядах великого русского педагога К. Д. Ушинского, о Советской конституции и др. Этот список тем, намеченных к проработке учительским коллективом школы, является свидетельством громадных успехов в подготовке учительских кадров. Нельзя забывать, что лишь 25 лет тому назад занятия в этой школе вели учителя, сами недавно овладевшие грамотой.

План работы педагогического совета свидетельствует также о том, что учебный процесс колхозной школы имеет то же содержание, то же направление, что и в любой городской школе; ее преподавателям не чужды все те интересы, которыми живут педагоги городских школ и вся советская интеллигенция, ими вполне осознана необходимость теоретической работы, и среди них есть люди, способные разобраться в сложных научных проблемах и разъяснить их товарищам.

Беседы с отдельными педагогами показали, что они знакомы со всеми современными взглядами по вопросам школьного дела и педагогики и напряженно работают над улучшением методики преподавания и повышением своих теоретических знаний.

Повышение квалификации педагогов и учителей в нашей стране организовано как государственное мероприятие, стимулируется общественными и партийными организациями, а также общественным мнением. Если в первые годы развития школьного дела в Узбекистане задача повышения квалификации преподавателей разрешалась организацией краткосрочных, функционировавших лишь во время каникул курсов переподготовки учителей, то теперь она осуществляется на гораздо более высоком организационном и теоретическом уровне, путем обучения учителей на заочных отделениях педагогических училищ, учительских и педагогических институтов. Благодаря такой системе, школьным педагогам представляется возможность получить не только специальное среднее, но и высшее образование.

В различных заочных учебных заведениях учится подавляющее большинство педагогов школ колхоза им. Сталина. Как только кончаются весенние экзамены в школе, все они выезжают на экзаменационные сессии. Поэтому в летний период в колхозе не остается почти ни одного учителя.

Успеваемость учеников зависит не только от качества работы преподавателей, но и от того, как посещает ученик школьные занятия, как он готовится к урокам, какая обстановка создана для него дома.

Внимательное, бережное отношение к занятиям детей стало обычным явлением в большинстве семей колхоза им. Сталина. Как мы уже писали, школьнику часто выделяется в доме отдельный угол, старшеклассникам — иногда отдельная комната, где собирается и вместе готовится к урокам или к экзаменам целая группа товарищей.

Следует отметить, однако, что, по наблюдениям членов экспедиции, подобное отношение распространялось лишь на мальчиков. Еще не было изжито полностью мнение, что девушки не нуждаются в законченном среднем образовании.

Нередки были и случаи сравнительно ранних браков. Если выдача замуж девочек 12—15 лет представлялась уже населению колхоза явлением немислимым, то 17—18-летний возраст признавался вполне достаточным для вступления в брак. Вплоть до 1950 г., когда школа повела с этим явлением активную борьбу, бывали случаи выдачи замуж школьниц старших классов. Изживание отсталого взгляда на образование девушек до недавнего времени тормозилось тем, что правление колхоза редко выдвигало девушек, получивших образование, на руководящую или требующую более высокой квалификации работу, хотя те, кому такая работа поручалась, обычно прекрасно справлялись с ней. Мало заботилось также правление о дальнейшей специализации девушек. Партийная и комсомольская организации плохо боролись с тенденцией руководства колхоза использовать девушек только на физической работе, недостаточно содействовали выдвижению на руководящую работу девушек и молодых женщин, окончивших школу или обучавшихся в старших классах. Лишь в 1952 г., под воздействием районного комитета партии, правление назначило на работу в культурно-просветительные и воспитательные учреждения колхоза несколько молодых женщин, получивших среднее образование.

С ранними браками в колхозе ведется самая решительная борьба. Партийные и комсомольские организации школы и колхоза активно вмешиваются в судьбу учащихся и добиваются отсрочки свадьбы до получения ими среднего образования. В результате этого, в 1953 г. успешно окончили десятилетку восемь девочек: шесть из колхоза им. Сталина, две из соседнего колхоза им. Молотова. Все девушки продолжают свое образование — пять из них поступили в Наманганский учительский институт, две — в медицинские институты: Юлдашева — в Самаркандский, Охалыкова — в Ташкентский. Одна девушка учится в Узбекском государственном университете в Самарканде.

В Айкыране существовал обычай не только ранней выдачи замуж дочерей, но и ранней женитьбы сыновей. Еще недавно считалось допустимым и даже желательным женить сына в 16—17 лет. За последние годы этот обычай в громадном большинстве семей полностью изжит — нет и речи о женитьбе юноши до окончания им школы.

Ученики старших классов школы № 8, особенно мальчики, в большинстве своем имеют хорошую подготовку и обнаруживают большой интерес к занятиям.

Особенной любовью пользуются уроки литературы, которую в старших классах ведет Осия Рахимова. Уроженка Ташкента, она окончила в 1947 г. Ташкентский пединститут им. Низами и была послана на работу в Чартак. Осия Рахимова умеет заинтересовать своих учеников преподаваемым ею предметом, хорошо владеет словом и неплохо рассказывает. Многие из ее учеников, еще в школе начавшие писать стихи, статьи и рассказы, а впоследствии поступившие на филологические и литературные факультеты, считают, что любовь к литературе пробудила в них Осия Рахимова.

Учащиеся увлекаются также историей, интерес к которой особенно умеет возбудить Ахмаджан Ташбаев, преподающий свой предмет живо и увлекательно.

С интересом относятся учащиеся и к преподаванию естествознания. Появление в школе нового преподавателя математики Мусаввары

Касымовны Тимкиной, умеющей хорошо объяснить материал и заинтересовать им своих учеников, несомненно, обеспечит лучшую успеваемость учеников старших классов и по этому предмету.

Большой любовью учеников пользуется физкультура. Занятия по этому предмету в послевоенные годы вел участник Великой Отечественной войны, трижды орденносец айкыранец Инамов, сумевший привить ученикам интерес и любовь к своим урокам. Этот интерес сохраняется и сейчас. Преподаватель Давронов поддерживает его занятиями, проводимыми на свежем воздухе; прекрасной ареной для них являются адыры, окружающие селение. Ребята занимаются с увлечением. По словам тов. Давронова, в этих занятиях принимают участие не только мальчики, но и многие девочки.

Тов. Давронову принадлежит инициатива организации в Айкыране школьных демонстраций: в революционные праздники ученики старших классов, одетые в черные костюмы, при галстуках, торжественным маршем проходят по улицам колхоза и районного центра вместе со своим преподавателем.

Большое значение придается в школе изучению русского языка, которым занимаются не только на уроках, но и в школьном кружке. Вообще в колхозе русским языком владеют, в той или иной степени, многие. Особо следует отметить хорошее знание русского языка колхозниками, побывавшими на службе в Советской Армии. Одно время в колхозе существовал кружок по изучению русского языка для взрослых колхозников.

Кроме кружка русского языка, которым руководила преподавательница Валентина Салаева, в школе работал в 1952 г. под руководством преподавателя истории Ахмаджана Ташбаева кружок по изучению истории партии, в котором состояло 27 человек.

Преподаватели литературы Рахимова и Киргизов руководили кружком молодых литераторов, среди которых многие не только интересуются литературой, но и пишут стихи, рассказы и даже драматические произведения. Этот кружок, функционирующий уже много лет, пользовался особой популярностью среди учащихся и носил ярко выраженный творческий характер. Содержание его работы составляли преимущественно чтение произведений его участников и их разбор.

Особенно много было среди школьников начинающих поэтов. Стихи писали ученик десятого класса Одильджан Исамов, девятиклассник Джура Рахимов, семиклассник Сиддикджан Даминов и др.

В произведениях молодых поэтов звучат темы любви к родине, к Коммунистической партии, гордость достижениями советской страны, любовь к труду.

Много стихотворений посвящено хлопку, школе, учебе, спорту. В произведениях последнего времени поднимается тема мира, мирного созидательного труда, противопоставляемого призывам к войне лагеря империалистов.

В тетради стихов Одильджана Исамова, наиболее активного участника школьной стенгазеты „Сигнал“, мы нашли стихи „Тинчлик буг килур тантана“ (Будет торжествовать мир), „Тинчлик байроқи — зафар байроқи“ (Знамя мира — знамя победы), „Сен ободий озод сан“ (Ты навеки свободна), написанные в честь женского праздника восьмого марта, „Беш қандой экан“ (Что такое пятерка), адресованное двоюродникам, „Мактабим“ (Моя школа), „Гимнастика дустим“ (Мой друг гимнастика), „Кўчатим“ (Мое деревцо) и др.

В стихотворении „Ёркин келажак“ (Светлое будущее) молодой поэт пишет:

Ёрқин келажак

Буюк зафарли кунлар
Биз ёшларники купод
Поёнсиз бу ватанда
Барча яшар бахтли, шод

Партия абадий раҳбар
Биздай озод авлодга
Партия ўргатар бизни
Меҳнат, ўқиш, ижодга.

Шонли коммуна асри
Бизда порлай бошлади
Тинчликсевар барча халқ
Унга қадам ташлади.

Шундай олтин бебаҳо
Порлоқ замон бизники
Қутлуқ келажак мангу
Биздек асил инсонники.

Светлое будущее

Великие дни побед
Нам принадлежат, молодежи.
В нашей бескрайной отчизне
Все живут радостно, счастливо.

Наш руководитель — партия
Нас, свободное племя,
Всегда наставляет и учит
Труду, созиданью, науке.

Век благородный коммунизма
Нам впереди сияет.
Весь наш народ любит мир,
Свой путь к нему направляет.

Как сокровище без цены,
Эта сияющая эпоха, она — наша.
Наше будущее — прочно, неизменно,
Оно принадлежит таким, как мы.

Джура Рахимов имеет уже несколько изданных стихотворений. Его стихотворение „Пахта“ (Хлопок) было напечатано в областной газете „Сталин Хақиқати“, а затем в учебнике для узбекских школ. В той же газете было напечатано его стихотворение „Она-ватаним“ (Мать родина).

Она-ватаним, меҳринг тўлиқ
Қалбимда ҳар он
Қучоғингда инсон топар
Зафар, шараф, шон.

Хушманзара водиларинг
Меҳримни тортар
Қудратли ГЭС, заводларинг
Илҳом уйғотар

Буюк тинчлик вахтасида
Қуриб нишоот,
Ўлларинга сувлар бериш
Бизларга одат.

Тинчлик топкин қуёшисан
Юксал бетиним
Меҳрибоним, шараф-шоним
Она-ватаним.

Мать-родина

Мать-родина, любовь к тебе
Каждый миг наполняет мое сердце.
В твоих объятиях человек находит
Победу, честь и славу.

Твои прекрасные долины
Привлекают к себе любовь.
Мощные ГЭС и твои заводы
Будят вдохновение.

На великой вахте мира
Начиная великие стройки,
Твоим пустыням давать воду —
Таков наш обычай.

Ты — солнце мира,
Ты — неустанный прогресс,
Любимая, овеянная славой
Моя мать-отчизна.

Среди членов литературного школьного кружка имеются и драматурги. Парпихан Алиханов, бывший старший пионервожатый школы № 8, особенно интересуется драматургией. Им написаны небольшие драматические произведения: „Сен йигит эмассан“ (Ты не мужчина), „Баҳодир йигит“ (Юноша-герой). Пробует он свои силы и в написании сценариев. Не получив своевременно полного среднего образования, Парпихан в 1951 г. в возрасте около 20 лет заочно закончил десятилетку и мечтал поступить на актерский факультет Ташкентского театрального института.

Многие школьники пишут статьи и заметки, являясь постоянными корреспондентами областных и республиканских газет, с редакциями которых они поддерживают оживленную переписку. От редакций они получают письма, содержащие оценку присланных произведений. Редакции направляют внимание своих молодых корреспондентов на наиболее актуальные вопросы, учат требовательнее относиться к себе и своим произведениям. Таких писем множество, и это составляет предмет гордости и школы, и школьников, получающих эти письма.

В 1950 г. в школе № 8 работал музыкальный кружок, объединявший 12 учеников разных классов, начиная с пятого. Были среди его членов и девочки.

Кружком руководил преподаватель музыки Г. Мухамедов, присланный по заявке школы Областным управлением по делам искусств.

Школьные музыканты несколько раз выступали перед кохозниками на полевых станах, а также в клубе после общих собраний колхоза.

До Великой Отечественной войны в школе работал неплохой драматический кружок, в котором участвовали не только мальчики, но и девочки. Кружок этот не имел штатного руководителя, организаторами и руководителями его были школьники, сыновья бригадира шелководческой бригады Иноятхана Максумова — Камальхан и Махмудхан. Кружок ставил пьесы и давал концерты в колхозном клубе, на полевых станах, а иногда и на семейных торжествах членов колхоза. Пьесы для постановок участники кружка переписывали из книг, специально ездили за ними в Наманган. Кружком были поставлены пьесы „Проделки Майсары“, отрывки из музыкальной драмы „Гульсара“ и др.

Немалое место в жизни школьников занимают сельскохозяйственные работы. Потомственные земледельцы, все школьники, даже учащиеся начальных классов, живо интересуются состоянием хлопковых посевов, знают точно, какие в каждый период проводятся на хлопковых полях работы. В сборе хлопка участвуют все — и учителя, и ученики.

Педагоги тесно связаны с производственной деятельностью колхоза. Многие из них являются постоянными агитаторами в хлопководческих бригадах, участвуют в выпуске стенгазеты и „боевых листов“, проводят на полях во время обеденных перерывов читку газет, беседы.

На полях проводят школьники и учителя и революционные праздники Первого мая и Октябрьской революции. В бригадах, где работа в эти дни идет неослабевающими темпами, устраиваются торжественные пловы, и дети участвуют как в работе, так и в пиршестве вместе со своими родителями.

Школьными праздниками являются новогодняя елка и выпускной вечер.

Обычай устраивать в школе елку, еще полностью не укрепившись, заслужил всеобщее признание и одобрение. Школьники с удовольствием вспоминают об устраивавшейся в школе елке, о тех забавах и приятных сюрпризах, которыми она сопровождалась.

Очередной выпуск школы является событием не только для школьников, но и для всего колхоза. По сложившейся уже традиции, он ежегодно отмечается большим вечером, на который сходятся, кроме выпускников, их учителей и родителей, все ученики этой, а частично и других школ колхоза, а также весь колхозный актив. На школьный вечер приходят также выпускники, окончившие школу в прошлые годы, и выпускной вечер превращается в традиционное школьное торжество, в радостную встречу старых друзей и одноклассников, крепя их связь друг с другом и с выпустившей их на трудовой жизненный путь колхозной школой.

К выпускному вечеру готовятся почти во всех семьях, в которых есть учащиеся. Матери приводят в порядок праздничную одежду детей, пекут лепешки, жарят пирожки, учащиеся собирают фрукты в своих садах, — и все это несут в школу.

Средства на устройство вечера поступают, главным образом, из оплаты трудовой, заработанных школьниками во время летних каникул и при сборе хлопка, на что в колхозной бухгалтерии ведется особый счет.

Родители и правление колхоза премируют выпускников ценными подарками, чаще всего хорошими костюмами. На вечере читаются посвященные выпуску стихотворения, которые сочиняются как самими выпускниками, так и их старшими товарищами, окончившими школу в прошлые годы. Школьный выпускной вечер является подлинным праздником для всего кишлака, свидетельствуя о том, как высоко ценит образование вся масса колхозников.

Музыкальный кружок школы им. Кагановича.

Экспедиция присутствовала на таком школьном празднике, состоявшемся в 1950 г. В этом году закончили школу 23 человека. Для устройства угощения были куплены баран, рис, масло, сахар и другие продукты. Каждая семья, где есть учащиеся, особенно старших классов, присоединила к заготовленному изделия домашней кулинарии.

В восьмом часу вечера гости стали собираться в школе. Площадка перед школьным зданием была застлана коврами и паласами, на которых лежали узкие длинные тюфячки и одеяла. Здесь рассаживались мужчины. Один из классов был богато убран принесенными из домов вышивками и коврами, украшен портретами вождей. Там сначала собрались пожилые женщины, однако вскоре летняя жара заставила их также выйти на свежий воздух.

Ребята пришли со своими родителями нарядные, радостные. Их матери надели свои лучшие платья, хранящиеся для торжественных случаев.

К заходу солнца гости заполнили всю площадку — яблоку упасть было негде. Почти непрерывно звучала музыка: слышались ритмичные удары бубна, руководитель музыкального кружка играл на скрипке. На длинной дорожке, по сторонам которой сидели гости, появлялся то один, то другой танцующий.

Гости все прибывали. Среди них были преподаватели и ученики школ соседнего сельсовета и даже соседнего района, работники связанных со школой районных организаций. Часть прибывших разместилась за составленными вместе столами, однако для всех мебели не хватило, и гости, не чинясь, расселись по старинке, на коврах.

Стали расстилать скатерти и подавать угощение. Особо были постелены скатерти для ребят младших возрастов. После обильного угощения началась торжественная часть вечера. На нижней площадке, небольшой, но ровной, был поставлен стол для президиума, на верхней площадке и по сторонам разместилась многочисленная публика. Школьники младших классов расселись на траве, прямо перед столом президиума.

Собрание открыл директор школы, затем выступили с приветственными речами представители райкома партии, райкома комсомола и районного отдела народного образования. После речей многие ученики школы, в том числе и выпускники, прочли свои стихи. С большим чувством декламировал стихотворение „Я — счастливый ученик“ шестнадцатилетний выпускник, отличник Тургунбай Маллябаев. В стихотворении выражалось сочувствие детям капиталистических стран, лишенным тех перспектив и возможностей, которые дает детям Советская Родина.

Чтение закончилось под бурные аплодисменты и одобрительные возгласы „Яша!“, „Баракалло!“ Юный поэт попал в объятия своего бывшего руководителя, завуча школы, который и сам следом за ним прочел свое стихотворение, посвященное этому выпуску.

Комсорг школы, выпускник Малик Мурадов выступил со стихотворением „Я гражданин“, посвященным своему восемнадцатилетию.

Весьма своеобразным, но широко практикующимся в колхозе обычаем является вручение выпускникам подарков. Сидящие против президиума ребята давно уже с любопытством поглядывали на узлы, громоздившиеся на стульях. Наконец, завуч школы взял первый узел, вынул вложенный в него лист бумаги и, прочитав имя, объявил, что отец выпускника-отличника Адылджана Насырова премирует своего сына костюмом, туфлями и часами. Под общие аплодисменты взволнованный Адылджан принял подарок и в кратких словах дал торжественное обещание хорошо учиться в университете и отдать свои знания

на благо народа. Затем вышел его отец—бригадир строительной бригады, который создал прекрасные условия для домашних занятий сына. Высказав благодарность школе и преподавателям за его обучение, он дал обещание всячески оказывать помощь в учебе и остальным своим детям.

Таким же порядком были вручены подарки и другим выпускникам. Наряду с родителями, премии преподносили и руководители колхоза и даже учителя. Так, учитель литературы премировал лучшего из своих учеников вышитой украинской рубашкой и пятью книгами из своей библиотеки.

Раздачей подарков закончилась торжественная часть вечера, после которой опять было подано угощение—традиционный плов.

Как видно из приведенного описания, школьный праздник, наряду с определяющим его новым содержанием, несет на себе ясные следы связи со старыми традиционными тоями. Это сказывается в самом распорядке праздника, начинающегося с угощения и оканчивающегося им. Безусловно, от старых семейных празднеств идет стремление к отдельному пированию мужчин и женщин, соединяющихся, однако, на торжественной, официальной части праздника. Школьный праздник полностью соответствует общему характеру быта и культуры колхоза, в которых новое переплетается с элементами старых национальных традиций. Недавно появившийся обычай придавать школьному выпускному вечеру характер общественного праздника безусловно должен быть расценен положительно, как явление, порожденное сложением новой национальной культуры и отражающее любовное отношение колхозников к школе.

Просветительная работа, которая ведется в колхозе, не ограничивается только деятельностью начальных и средних школ. В кол-

Выпускники-отличники школы им. Кагановича Турахан Дедабаев, Малик Мурадов и Адылжан Насыров (1950 г.).

Ахмаджан Ташбаев, преподаватель истории школы
им. Кагановича.

хозе функционирует также несколько школ для взрослых. При школах № 3 и № 9 имеются курсы ликвидации неграмотности, где в 1951 г. обучалось 83 колхозника. В каждом из трех участков колхоза организованы школы сельской молодежи, к обучению в которых было привлечено 122 человека. К сожалению, приходится отметить, что просветительная работа среди женщин в 1950—1951 гг. не проводилась. Как правило, пожилые женщины не знали нового узбекского алфавита на основе русской графики. После того, как колхоз достиг неплохих успехов в ликвидации неграмотности среди взрослых в период введения латинизированного алфавита, дальнейшей работы по ликвидации неграмотности и малограмотности среди женщин не проводилось.

В школах колхоза в период работы экспедиции было 34 педагога, из которых четыре имели законченное высшее образование, восемь — незаконченное высшее, семь — среднее педагогическое, четырнадцать — общее среднее образование и только один человек — незаконченное среднее.

Многие преподаватели получили высшее образование в системе заочного обучения. В 1951 г. один из старейших и лучших педагогов

школы № 8 Ахмаджан Ташбаев закончил исторический факультет заочного отделения Ферганского педагогического института. Его судьба, как отражение перестройки всей жизни и всей культуры кишлака, представляет не меньший интерес, чем судьба Хамидова и Парпиева.

Ахмаджан Ташбаев родился в 1912 г. в кишлаке Айкыран, в семье бедного дехкана. В восьмилетнем возрасте он был отдан в байский дом, где исполнял всякую домашнюю работу, пас скот, а позже стал принимать участие и в полевых работах. Подросши, батрачил у состоятельных односельчан.

В 1927 г. Ахмаджан тайком от хозяина поступил в школу ликбеза. С великими трудностями, прячась по укромным уголкам, готовил он уроки, скрывая от всех свое твердое решение учиться. Когда уже весной, в конце учебного года, хозяин узнал, что его батрак учится в школе, он дал мальчику расчет, и Ахмаджан вернулся в свою семью.

Однако и тут он не встретил поддержки. Мать и старший брат были против того, чтобы Ахмаджан продолжал учебу.

В большинстве своем неграмотные, забитые тяжелым прошлым дехкане считали еще в те годы учебу роскошью. Как ни трудно было мальчику, выросшему в среде, где повиновение старшим являлось непреложным законом, идти против воли матери и брата, он решил продолжать учиться. Вместе с шестью товарищами Ахмаджан убежал в Наманган. Там он был принят в детдом, где продолжал учебу. В детдоме он пробыл недолго, в 1928 г. вернулся в кишлак и поступил, добившись согласия матери, в открывшуюся в Айкыране начальную школу. Окончив три класса, Ахмаджан поехал на летние курсы подготовки учителей в Андижан, откуда способного и упорного в достижении своей цели юношу направили на Самаркандские центральные педагогические курсы. Закончив их, Ахмаджан был направлен на работу в родной кишлак и стал учительствовать в той самой школе, где когда-то учился.

Начав работать учителем начальной школы, Ташбаев постепенно, упорно повышая свои знания, превратился в специалиста по истории, завершив впоследствии свое образование в высшем учебном заведении. За долголетнюю хорошую работу он награжден в 1948 г. медалью „За трудовое отличие“.

В течение многих лет педагогической деятельности Ахмаджан Ташбаев обучил сотни детей. Сам являясь страстным приверженцем науки и патриотом своего родного селения и его школы, преодолев на пути к образованию большие трудности, он воспитывает в своих учениках стремление к знаниям, к науке, к культуре, помогает им своими советами. Не без его влияния многие из выпускников этой школы решают добиваться получения высшего образования и избирают для себя специальность педагога, которую, как пишет Ахмаджан Ташбаев в своей автобиографии, он считает самой благородной из всех профессий.

Значительный процент историков среди учителей-заочников также, повидимому, является следствием влияния авторитетного, всеми уважаемого старшего товарища.

Судьба Ахмаджана Ташбаева, бывшего батрака и сына бедняка-дехкана, очень показательна. Тем же нелегким, но открытым в Советской стране для всей молодежи путем шли в те годы многие другие представители сельской интеллигенции Чартака, в том числе и многие преподаватели из местных уроженцев. Родившись в Айкыране, они начинали здесь учиться грамоте, сюда возвращались по окончании специального учебного заведения.

Уроженцами Айкырана являются преподаватели Бахлильджан Арифбаев, Абдулвахоб Рашидов, Муродилло Раджаббаев, Таджихан Каримова и др.

Бахлильджан Арифбаев, участник Великой Отечественной войны, девять лет — с 1939 по 1948 гг. — пробыл в рядах Советской Армии: демобилизовавшись, он продолжил заочно учение в Наманганском педагогическом училище и, закончив его в том же 1948 г., был назначен директором и преподавателем четырехклассной школы № 9 им. Шота Руставели в селении Бешкапа. В том же году он поступил на заочное отделение исторического факультета Наманганского учительского института.

Муродилло Раджаббаев (родился в 1924 г.) принадлежит к первому послевоенному выпуску школы № 8. Сейчас он преподает историю в пятых—седьмых классах школы № 21 им. Молотова и одновременно учится на заочном отделении Ферганского педагогического института.

Абдулвахоб Рашидов (родился в 1924 г.), окончив в 1949 г. школу № 8, стал преподавателем географии в четвертых—шестых классах филиала этой же школы. Он учится заочно на географическом факультете Ферганского педагогического института. Рашидов является энтузиастом-мичуринцем, и его инициативе обязана школа № 21 неплохим опытным участком. Организация его была делом не легким, так как на месте пришкольного участка возвышался бугор, и, чтобы снести его и разравнять площадь, учителю и ребятам пришлось потратить много сил, проявить большое упорство.

Мадамин Абдуллаев (родился в 1926 г.), учитель начальных классов школы № 8, закончил в 1948 г. Наманганский учительский институт. В 1951 г., во время работы экспедиции, он готовился к поступлению на факультет языка и литературы Ферганского педагогического института.

Таджихан Каримова (родилась в 1928 г.), окончив в 1944 г. школу № 8, тогда же начала свою преподавательскую деятельность. В 1947—1948 учебном году она успешно заведовала неполной средней школой в селении Ляскидон. После рождения у нее детей Таджихан вернулась в родной Айкыран и стала работать в школе № 8 и ее филиале, теперь превратившемся в школу им. Молотова, где она ведет один из младших классов. В 1951 г. Таджихан Каримова являлась студенткой II курса заочного отделения исторического факультета Наманганского учительского института.

На географическом факультете Ферганского педагогического института учился в 1951 г. преподаватель школы № 9 Убайдуллаев; его товарищ по работе Гийосхан Салиев учился в Наманганском педучилище. Оба они также являются уроженцами Айкырана.

Наряду с местными уроженцами, среди педагогов школ колхоза им. Сталина имеются и приезжие, присланные сюда по разверстке Министерства просвещения после окончания различных высших учебных заведений. Среди них мы находим наманганца Эминова, биолога, закончившего Ферганский педагогический институт; уроженку Ташкента — преподавательницу литературы Осню Рахимову, окончившую Ташкентский педагогический институт имени Низами; русских девушек — Валентину Салаеву, уроженку Омской области, преподающую русский язык в восьмых—десятых классах и уроженку Рязанской области Раису Храпову, ведущую русский язык в младших классах; татарок — Мусавару Тимкину, преподавательницу математики в старших классах школы № 8, Гариёву, Лютфуллину, работающих в школе № 9.

Кузину—одного из самых способных и опытных, несмотря на молодой возраст, педагогов школы № 10 и др.

Эта особенность педагогического коллектива, который состоит из людей, происходящих из разных мест и принадлежащих к различным национальностям, является отражением той огромной помощи, которую оказывают великий русский народ и другие народы Советского Союза Узбекистану в его культурном строительстве. Она свидетельствует об установлении широких связей между различными районами Советской страны, между различными народами, ее населяющими. В то же время превалирование среди педагогов местных уроженцев говорит о не менее важном процессе сложения в сельских районах своей, местной интеллигенции, тесно связанной всеми своими корнями с окружающим населением.

Эта интеллигенция представлена в кишлаке многими специалистами различных отраслей и квалификаций. К старшему поколению питомцев Айкыранской школы № 8 принадлежит брат преподавателя Бахлильджана Арифбаева, Мухаммаджан Арифбаев—первый айкыранец, получивший высшее образование.

Мухаммаджан Арифбаев, родившийся в 1906 г. в селении Айкыран, начал учиться в 1921 г. в первой советской школе, открывшейся в селении Мучум. Из года в год повышая свое образование, Мухаммаджан Арифбаев в 1941 г. окончил Ташкентскую промышленную академию по отделению первичной обработки хлопкового волокна. Комсомолец с 1924 г. и член партии с 1932 г., участник Великой Отечественной войны, Мухаммаджан Арифбаев занимал ряд ответственных постов в промышленных и хозяйственных учреждениях Ферганской долины, а в годы войны—в армии. В 1941—1943 гг. он был директором хлопкоочистительного завода в Ассакее, в 1943—1945 гг.—парторгом в различных подразделениях Советской Армии, в 1945—1947 гг.—директором МТС в Чартаке, в 1947—1951 гг.—контролером министерства Госконтроля СССР по Учкурганскому хлопковому заводу. В 1952 г. Мухаммаджан Арифбаев работал уполномоченным Министерства заготовок по Чартакскому району.

В 1951 г. получили высшее образование айкыранцы—агроном Хамидхан Юлдашев, окончивший Сельскохозяйственный институт в Ташкенте и направленный на работу в Сурхан-Дарьинскую область, и агроном Муродилло Турабаев, окончивший тот же институт и вернувшийся на работу в свой родной Чартак.

Еще больше представителей молодежи колхоза находилось накануне завершения высшего образования.

Многие из окончивших школу до того, как она превратилась в школу-десятилетку, поступили в специальные техникумы. Среди них Юсуфджан Матаев—с 1948 г. агроном родного колхоза, садовод Маммаджан Раджапов, ветеринарный техник Вахобджан Мурадов, техник водного хозяйства Ашуров и многие другие.

Много специалистов выходцев из Айкырана работает в других районах республики. Так, в школе № 8 им. Кагановича получили среднее образование учителя школ соседних и более отдаленных селений. Айкыранскую школу им. Кагановича окончили, например, педагоги школы-семилетки Ленинского сельсовета: директор школы Абдурахман Мехманов, завуч Саматов, преподаватели физики, химии, естествознания и географии. Географ Мирзовахид Усманов, воспитанник школы № 8, является одновременно заведующим районным отделом народного образования и руководит школьным делом всего Чартакского района.

Воспитанниками этой школы являются также заведующий учебной частью и преподаватель языка и литературы Янги-Курганской средней школы № 15 поэт Тухтабай Сарымсаков. Питомцами этой же школы являются карасконец Турсун Камбаров, первый секретарь Самаркандского обкома Коммунистической партии Узбекистана, Абдуллаев—ответственный секретарь Чартакского райисполкома, Валиев—директор сельскохозяйственного банка в Янги-Кургане и др.

Из Айкырана происходит также Шакирахан Ходжиева, одна из первых узбечек-агрономов. Ходжиева работает в колхозе „Москва“, Чартакского района в должности участкового агронома. Окончив шесть классов айкыранской школы и Высшую партийно-советскую школу в Ташкенте, она была направлена в 1948 г. в Чартак на постоянную работу.

Семилетнее общее образование не удовлетворяет в настоящее время не только младшее, но и старшее поколение местного населения, многие представители которого стремятся получить полное среднее образование. Так, в 1951 г. закончил экстерном школу № 8 старший бухгалтер колхоза Купайсин Мусабаев.

Большинство из оканчивающих полную среднюю школу стремятся в высшие учебные заведения. Таков установившийся в школе № 8 стиль, который, впрочем, характерен для всех школ любого района нашей страны.

Из 42 выпускников 1951 г. 36 человек были намерены в тот же год поступить в высшие и специальные средние учебные заведения. Не всем это, естественно, удается: одни не сразу оказываются в силах удовлетворить все повышающиеся требования, которые предъявляет высшее учебное заведение, другие не могут лишиться своей помощи семье, но стремятся получить высшее образование все. Едут учиться сыновья бригадиров, зяньевых, рядовых колхозников. Собирался поступить в высшее учебное заведение и сын многодетной вдовы Тохтахан Мирзораймовой, готовой всячески помогать ему в этом. Не попав по конкурсу в институт, юноша поступил в 1951 г. в Ташкентский ветеринарный техникум и успешно его заканчивает.

Из выпускников школы № 8, окончивших ее в 1948—1950 гг., многие сдали экзамены и поступили на различные факультеты САГУ и институты Ташкента, Самарканда и Ферганы. Другие учатся в специальных техникумах.

Тургунпулат Аскарлов, круглый сирота, выпускник 1948 г., закончил географический факультет САГУ. Его дипломная работа была посвящена географии Чартаксая. Аскарлов преподает в колхозной школе-десятилетке. Акбарали Маджнунов, выпускник той же школы, в 1951 г. учился на IV курсе шелководческого факультета СХИ и проводил свою производственную практику в родном колхозе. В том же институте учились Мамаджан Саидахмедов и Тургун Маллабаев.

Несколько айкыранцев поступило в Самаркандский сельскохозяйственный институт, один учился в Совпартшколе в Ташкенте. Многие избрали своей специальностью узбекскую литературу, интерес и любовь к которой им привила школа и работа в кружке художественной литературы. Ферганский педагогический институт закончил способный молодой поэт А'лохон Газибаев, ряд произведений которого уже был напечатан в областных газетах Намангана и Ферганы. Он также работает преподавателем в своей родной школе. Филологический факультет САГУ заканчивает страстный любитель литературы Малик Мурадов. Эту же специальность намерены были избрать выпускники 1951 г. Мухсон Баннаев и Касим Хакимов. Ей же собирался посвятить свою жизнь четырнадцатилетний Садык Даминов.

Таджихан Каримова, учительница школы им. Молотова.

Некоторые из уроженцев колхоза мечтают об иной профессии. Так, отличник учебы Ариф Ходжаев, закончивший школу в 1951 г., и его товарищ Тохтабай Алиназаров намерены были поступить в Ташкентский железнодорожный институт и стать инженерами.

Всего в специальных учебных заведениях в 1951 г. получали образование свыше 40 уроженцев колхоза им. Сталина и воспитанников школы № 8. Из них половина училась в высших учебных заведениях, остальные — в техникумах. Вся эта колхозная молодежь пополнит армию специалистов, необходимых в сложном, культурном хозяйстве современного сельского района.

Для многих уроженцев Айкырана начинают открываться еще более широкие перспективы и возможности. Успешно защитил диссертацию айкыранец Таджикибай Газибаев, обучавшийся в аспирантуре Института языка и литературы Академии Наук УзССР. Мечтают об аспирантуре и деятельно готовятся к ней многие из учителей, а также из оканчивающих высшие учебные заведения. Можно сказать с полной уверенностью, что в ближайшее время молодежь колхоза им. Сталина начнет пополнять собой ряды научных работников республики.

Громадную роль в удовлетворении запросов сельского населения играют книги и радио. О культурном росте колхозников красноречиво свидетельствуют функционирующие в колхозе библиотеки и значительное количество книг, имеющихся в личном пользовании жителей колхозного поселка. Если до революции книга,—как правило, мало понятная массе сельского населения, чаще несущая религиозный дурман, а не свет знания,—была редкостью в кишлаке, то теперь в нем постоянно находится в обращении множество самых разнообразных книг, которых насчитывается несколько тысяч, не считая многочисленных учебников и пособий, имеющихся у всех школьников.

В 1952 г. в колхозе функционировали три библиотеки.

В небольшой комнате, площадью 3 м×5 м, украшенной лозунгами и портретами героев социалистического труда, помещалась библиотека Айкыранского сельсовета. В ней имелось около тысячи книг на узбекском и русском языках, относящихся к области русской и узбекской художественной литературы, техники, агрономии. Немалое место занимали произведения классиков марксизма-ленинизма, также на обоих языках. Книгами этой библиотеки пользовались учащиеся старших классов школы, служащие чартакских учреждений, учителя и колхозники. Среди читательского актива числились колхозник Якуб Мамаджанов, отличник десятого класса Ариф Ходжаев, бухгалтер артели „Авангард“ Иванова, директор школы им. лейтенанта Шмидта Отахан Пардиев и другие. Большим спросом читателей пользовались произведения художественной прозы и томики стихов.

Читатели постарше тут же, в библиотеке, читали газеты, которые раскладывались на столах; один экземпляр газет подшивался.

Библиотека, включавшая около полутора тысяч томов, имела при колхозной школе-десятилетке. Библиотека открыта в 1947 г. и помещена в отдельной комнате, мебель которой составляют два шкафа, стол и стулья. Это библиотека внутреннего пользования, книги из нее получают только учащиеся, преподаватели и обслуживающий персонал школы.

Маленькие школьные библиотечки были организованы также при школах № 9 и № 10.

Имелась небольшая библиотека и при клубе колхоза. Для нее также была отведена отдельная комната, помещавшаяся рядом с комнатой для игр в шахматы и шашки. Библиотека эта открылась недавно, книг в ней немного, в нее записалось в 1951 г. всего 50 человек. Шахматы и шашки, находясь также в ведении библиотекаря. В подборе книг сказывается основное направление хозяйственной деятельности колхоза: это в большинстве своем брошюры, посвященные сельскому хозяйству, главным образом—хлопководству. Гордостью библиотеки являются собрания сочинений В. И. Ленина и И. В. Сталина. Книги хранятся в большом застекленном шкафу, повернутые, как в витрине магазина, к зрителю не корешками, а лицевой стороной своих обложек.

Ярким свидетельством культурной революции в кишлаке является значительное число личных библиотек. Книги—в большем или меньшем количестве—имеются во многих домах, а кое-кто из молодежи колхоза подобрал неплохие библиотечки. Такие индивидуальные библиотечки, состоящие иной раз из нескольких сотен томов, имеются в домах представителей сельской интеллигенции, у школьников и некоторых колхозников.

А'лохон Газибаев, будучи еще студентом IV курса литературного факультета Ферганского пединститута, обладал довольно большой библиотекой, которая подбиралась им в течение ряда лет. У него имелись „Краткий курс истории ВКП(б)“, два тома из собрания сочи-

нений В. И. Ленина, восемь томов из собрания сочинений И. В. Сталина, сочинения классиков и современных писателей как узбекской, так и русской литературы. Были также произведения иностранных авторов.

Из узбекских писателей в библиотеке Газибаева были представлены Навои (Хамса, Садди Искандар), мемуары Захираддина Бабур-нома, пьесы Уйгуна, стихи почти всех современных узбекских поэтов. Имелись сборники узбекских народных сказок, номера журналов „Коммунист“, „Шарк Хакикати“ и др.

Из произведений русской классики имелись в переводе на узбекский язык сочинения Л. Н. Толстого (Рассказы), четыре тома избранных сочинений Пушкина, избранные сочинения Лермонтова, „Отцы и дети“ Тургенева, „Избранные рассказы“, „Мать“ М. Горького и ряд других. Из современных русских писателей представлены были Фурманов (Чапаев), Вершигора (Люди с чистой совестью), К. Симонов (Дни и ночи) и др. В переводах же имелись и сочинения некоторых западных авторов: Гюи де Мопасана (Избранные рассказы), Анри Барбюса (Мы обвиняем). Были книги и на русском языке. Последним приобретением являлась трехтомная хрестоматия по западно-европейской литературе, которую А. Лошон Газибаев выписал из Москвы.

Библиотека студента филологического факультета САГУ Малика Мурадова включала несколько сотен томов, среди которых имелись и сочинения классиков марксизма-ленинизма, и маленькие брошюры по сельскому хозяйству. Склонность Мурадова к литературе, проявившаяся еще в четвертом классе, отражается в подборе библиотеки, большая часть которой состоит из художественных произведений как узбекских, так и русских писателей. Среди книг Мурадова имелись переводы сочинений Пушкина, Лермонтова, Льва Толстого, Чехова, Горького, знаменитых русских критиков-демократов Белинского и Чернышевского, все сочинения узбекского писателя Айбека, многие произведения великого узбекского поэта Алишера Навои и ряд других. Приобретение всех этих книг, на что потребовалась не одна сотня рублей, сделалось возможным благодаря поддержке семьи, гордящейся способностями Малика, его склонностью к поэзии и тяготением к культуре.

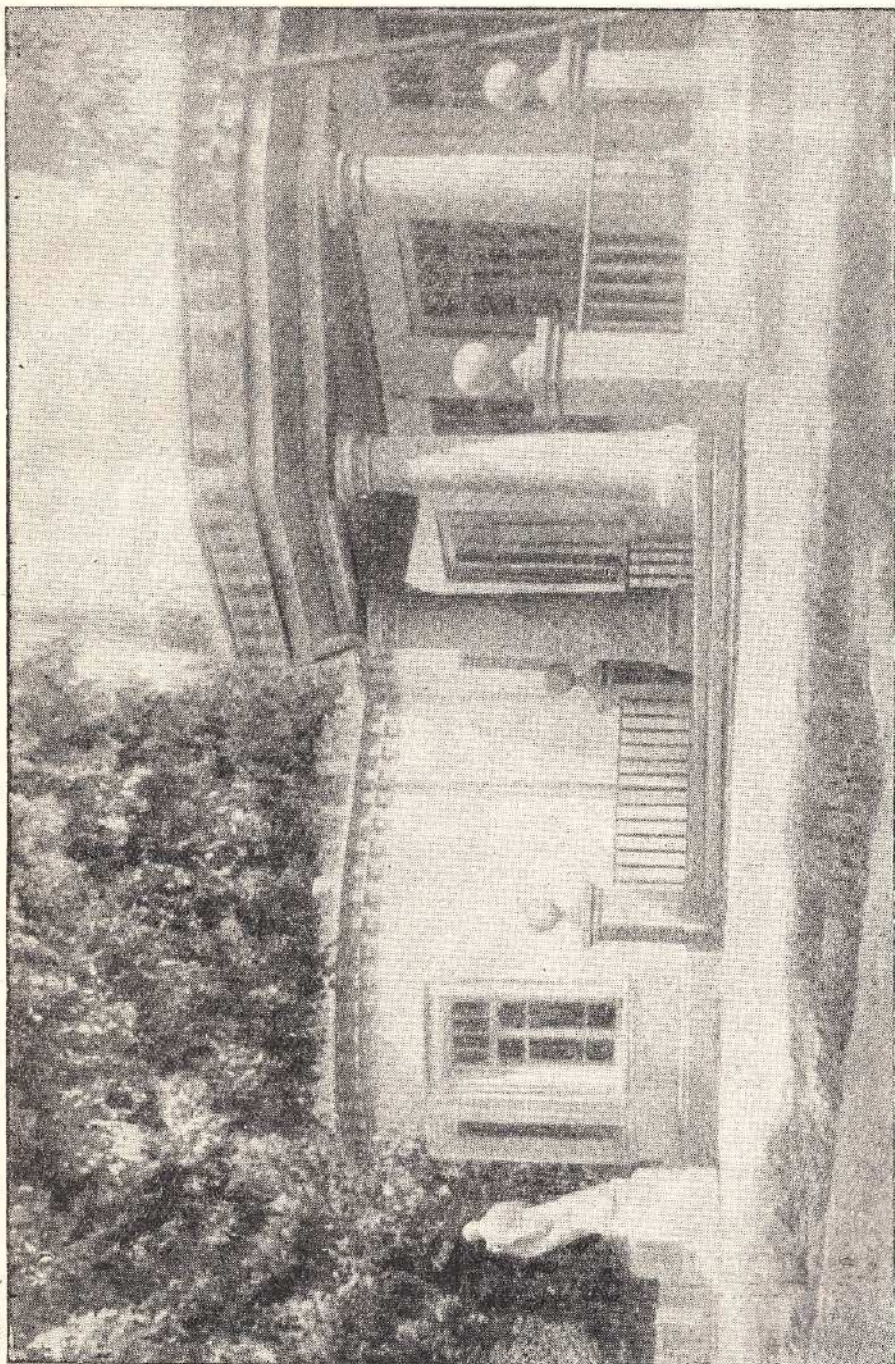
Сын полевода второго участка колхоза им. Сталина Умархан Отаханов, в 1951 г. учившийся в десятом классе школы им. Кагановича, также имел значительную библиотеку. Любовь к книге пробудилась в нем давно, и его библиотека собрана постепенно, в течение ряда лет. Книги, общее количество которых достигало нескольких сотен, частью лежали стопками на столе, частью хранились в шкафу и стенных нишах.

Неплохую библиотеку подобрал десятиклассник Адылджан Исомов, который вел точный счет своим книгам. В 1951 г. его библиотека включала уже 119 томов.

Библиотеки были у школьников Арифа Ходжаева, Садыка Кадырова, Хантбая Мамаджанова и других.

Опрос учеников десятого класса школы № 8 показал, что наибольшее распространение среди школьников получили лучшие произведения советских писателей, такие как „Мать“ Горького, „Как закалялась сталь“ Н. Островского, „Сын полка“ В. Катаева, „Священная кровь“ Айбека. Написанные на родном языке или переведенные на него, они доступны и понятны всем учащимся; светлые, мужественные образы героев этих произведений, высокие идеи, воплощенные в них, являются могущественным средством коммунистического воспитания узбекской молодежи, в том числе и молодежи колхоза им. Сталина.

Большое место в культурной жизни колхоза занимает радио. Оно служит средством постоянной связи населения колхоза со всей страной.

Колхозный клуб

и надо сказать, что в условиях городской жизни радио никогда не используется так полно, всеми без исключения—от мала до велика—как в колхозе, где оно завоевало всеобщую любовь. Через радио узнают все новости, с интересом следят за сообщениями о жизни и производственных успехах других колхозов, знакомятся с достижениями науки, получают возможность услышать произведения драматического, вокального и музыкального искусств.

Самые различные слои колхозников—женщины и мужчины, старики и дети—благодаря радио хорошо знают имена всех узбекских артистов, певцов и музыкантов, чьи выступления передаются радиоцентром. Их узнают по голосу, радуются одним, критикуют других.

С большим вниманием выслушиваются передаваемые по радио объявления о наборе учащихся в высшие и средние учебные заведения. Одни ждут их, чтобы выбрать что-нибудь подходящее для себя, другие—для своих близких.

Так, через радио узнали о наборе на курсы работников МВД в Алма-Ата Мирзомахмуд Мирзоахмадов и его товарищи, которые поехали поступать на эти курсы в 1951 г.

Те, кто практически не заинтересован в поступлении в учебное заведение, также со вниманием выслушивают условия приема и обучения, интересуясь этим в плане широких перспектив, открывающихся перед советской молодежью. Объявления эти воспринимаются слушателями нередко с таким волнением, вызывают такие комментарии, выражающие радость и благодарность Советскому правительству, что этот привычный факт, ставший уже в советской действительности чем-то обыденным, само собой разумеющимся, встает во всем его подлинном значении. Он свидетельствует о громадных сдвигах во всей жизни и культуре узбекского народа и о тех заботах о народе, которые повседневно проявляет советское государство, руководимое Коммунистической партией.

Радиофицированы многие дома колхозного поселка. В 1951 г. в 25 домах были установлены репродукторы, в 70 домах имелись радиоприемники различных марок и систем (Рекорд, Москвич, Арс). Для многих колхозников приобретение радиоприемника являлось задачей ближайшего будущего, и об этом дне мечтала вся семья.

Если дом радиофицирован, то радиоприемник или репродуктор служат центром, объединяющим не только членов семьи, но, зачастую, и соседей, нередко проходящих послушать радиопередачи. Включают обычно самый мощный регистр, и звуки разносятся далеко вокруг. Попытка несколько приглушить тон, чтобы радио не мешало разговору, встречается, если передача удовлетворяет слушателей, с большим неудовольствием и некоторым недоумением. Программу радиопередачи знают заранее и с нетерпением ждут любимые номера.

Радиустановкой правление колхоза премирует лучшие бригады. В 1952 г. радиоприемники имелись в 19 бригадных станах из 25; четыре из них были получены в качестве премии, остальные являлись собственностью бригадира или членов его бригады. Иметь в стане радиоприемник сделалось признаком преуспевания бригады. Хороший концерт, передаваемый в момент обеденного перерыва, украшает отдых; по вечерам, в напряженные периоды сельскохозяйственных работ, когда многие колхозники остаются ночевать в бригадных станах, слушание радиопередач наполняет вечерний досуг, служит мощным средством пропаганды передовых идей, достижений науки и произведений искусства. Коллективное выслушивание и обсуждение услышанного делает эти радиопередачи особенно действенными.

На перекрестке двух главных улиц, около клуба, установлен громкоговоритель, и его голос звучит над колхозом до поздней ночи. Оплата радиоточек в домах колхозников производится управлением колхоза, но за счет колхозников, путем соответствующих вычетов из оплаты трудодней.

В порядке дня стоял вопрос об организации в колхозе радиоузла. Возможность передавать по радио последние новости, знакомить в деталях широкие массы колхозников с достижениями того или иного соседнего колхоза, своевременно поднять тревогу в случае отставания, отметить трудовой героизм местных, известных всем и каждому людей, явится сильнейшим средством агитации за лучшую работу, за учебу, за культуру.

Большую роль в культурной и общественной жизни кишлака играет колхозный клуб. Он является местом, где проводятся общие собрания колхозников, читаются лекции, ставятся спектакли, демонстрируются в зимнее время кинокартины.

Клуб колхоза им. Сталина выстроен в 1936 г. и представляет довольно большое здание несколько приземистой и тяжеловатой архитектуры. Зал вмещает тысячи полторы человек. Перед просторной сценой имеется помещение для оркестра.

Параллельно залу идет длинный коридор, по обе стороны которого расположено по две комнаты. Те, что помещаются рядом со сценой и соединяются с ней дверью, предназначены для артистов, в двух других размещена библиотека; они служат также местом для игры в шашки и шахматы.

Лекции, спектакли, концерты и демонстрации фильмов происходят чаще в зимнее время, когда народ более свободен, но и летом они проводятся систематически.

Чтение газет перед колхозным клубом.

Так, летом 1951 г. в колхозном клубе был показан выездной спектакль театра им. Хамза—„Навои“, привлечший массу зрителей как из колхоза им. Сталина, так и из других близлежащих колхозов. В апреле этого же года здесь дали концерт ташкентские артисты. Приезжал в колхоз им. Сталина и наманганский театр.

За февраль—август 1951 г. в клубе было прочитано шесть научно-популярных лекций. В регистрационной книге парторга колхоза Балтабая Маллябаева были отмечены лекции на следующие темы: „Международное положение“ (две лекции), „Мичуринское учение“, „Реакционные религиозные пережитки“, „Развитие хлопководства в Узбекистане“, „Борьба за мир“. Последняя лекция была прочитана лектором наманганского обкома партии, остальные—лекторами, приезжающими из Ташкента от „Общества по распространению политических и научных знаний“.

За этот же период в клубе состоялся ряд докладов и бесед, проведенных местными работниками, было обсуждено письмо ЦК КП Узбекистана и Совета Министров УзССР о проведении работ по хлопку в июле.

Особой любовью зрителей пользуются кинокартины. Большой успех имел, например, фильм „Насреддин в Бухаре“, который демонстрировался летом 1951 г. За первую половину 1951 г. в колхозном клубе было показано 17 кинофильмов.

Следует отметить, что клуб колхоза им. Сталина как центр культурно-массовой работы использовался далеко не полностью. Самым значительным пробелом в работе клуба являлось отсутствие художественной самодеятельности.

Значительно шире использовался клуб в общественной жизни колхоза. Здесь происходили общие собрания колхозников, через которые осуществлялось их участие в общественной жизни колхоза, проводились читка и обсуждение наказов, заключались договоры о социальном соревновании и давались обязательства, которые весь зал слушал с величайшим вниманием и интересом. Здесь подводились итоги работы, отмечались успехи и промахи отдельных бригад или отдельных колхозников, и колхозная общественность выражала им свое порицание или одобрение.

Торжественно проходили в клубе годовые отчетные собрания колхоза, на которых объявлялось количество выработанных колхозниками трудодней и сумма их заработка, вручались премии.

В клубе колхоза им. Сталина, как самом крупном и благоустроенном в районе, нередко проводились районные слеты и совещания.

После слияния колхозов здание клуба перестало удовлетворять потребности выросшего коллектива, и в генеральном плане строительства поселка намечено возведение нового, более крупного и более совершенного здания для клуба.

Не удовлетворяла возросших культурных потребностей колхозников и вся организация работы клуба. Колхозу необходим был хороший, квалифицированный специалист, который мог бы проявить инициативу в развертывании различных форм культурно-массовой работы, организовать и активизировать художественную самодеятельность, пробудить и способствовать развитию имеющихся в колхозе талантов. Назрела потребность в культурном руководстве демонстрацией кинофильмов, спектаклями и концертами.

Чтобы закончить обзор культурной жизни колхоза и работы его культурно-просветительных учреждений, необходимо остановиться на развитии в колхозе спорта.

Различные виды спорта служат любимым развлечением колхозной молодежи. На улицах колхоза можно часто видеть мальчиков, с азартом гоняющих футбольные мячи, несмотря на летнюю жару. Велосипедистов в колхозе в процентном отношении гораздо больше, чем в городе.

Важным стимулом для дальнейшего развития спортивного дела в колхозе им. Сталина явилась организация общества сельской молодежи „Пахтакор“, в котором в 1952 г. состояло около 300 членов колхоза. Среди них были футболисты, волейболисты, шахматисты, борцы, мотоциклисты и велосипедисты. Колхоз потратил свыше двух с половиной тысяч рублей на приобретение разного спортивного инвентаря (мячей, волейбольных сеток, гранат, дисков и т. п.) и в 1951 г. отпустил на улучшение спортивного дела еще 7000 рублей. Спортсмены добились обещания от правления колхоза выделить площадку под временный стадион, размером примерно в один гектар, которую было обещано передать им после того, как будет снята посеянная на ней джугара. К сожалению, правление своего обещания не выполнило, и колхозные спортсмены в 1952 г. еще не имели специального места для занятий.

Среди колхозной молодежи имеется немало хороших спортсменов. На районных соревнованиях команд общества „Пахтакор“, проходивших летом 1951 г., молодежь колхоза им. Сталина завоевала несколько первых и вторых мест по различным видам спорта.

Состязания привлекли много зрителей. Несмотря на то, что соревнования проходили в разгар летних полевых работ, многие молодые колхозники после целого дня утомительной при летней жаре работы по вечерам спешили к месту состязаний, особенно интересуясь успехами своих односельчан и товарищей по колхозу. За результатами соревнования следила вся молодежь колхоза, особенно мужская; ими интересовалось и правление, которое хотело знать, не напрасно ли были потрачены на спортивное оборудование колхозные деньги. Победы спортсменов колхоза были встречены с большим удовлетворением и служили предметом всеобщей гордости.

Наряду с подвижными спортивными играми, большой любовью пользуются в колхозе шахматы. Они имеются при всех трех библиотеках колхозного поселка, а также в чайханах, где нередко в обеденный перерыв можно видеть углубившихся в шахматную партию членов строительной бригады, школьников и студентов, отдыхающих во время летних каникул, или каких-нибудь приезжих. По вечерам, когда в клубе зажигается свет, а библиотекарь начинает выдавать желающим наборы шашек и шахмат, тотчас образуется несколько партий. Игроков окружают „болельщики“, среди которых нередко можно увидеть пожилого колхозника, который, возвращаясь мимо клуба с работы, подсел к играющим, да так и не смог оторваться от игры, внимательно следя за ней в течение часа, а то и дольше, позабыв о том, что дома ждет его ужин.

Среди шахматистов колхоза имеется немало сильных игроков. Исключительное развитие получили в колхозе вело-и мотоспорт. Мотоциклы имеются у многих колхозников. Широко использовал свой мотоцикл заведующий сельским магазином инвалид Великой Отечественной войны Кадыров, который ездил на мотоцикле по служебным делам. Имели мотоциклы и велосипеды А'лохон Газибаев, колхозники Нематджан Закиров, Каххор Абдуллаев, Рашид Нурматов, школьники А'лохон Базаров, Юлдаш Маматвалиев, monter Пулатбай Инамов, шофер Ахмаджан Бултуров и другие. По вечерам главные улицы колхоза нередко оглашаются громким тархтеньем и гудками мото-

циклов, на которых выезжают покататься после работы их обладатели. На проселочных дорогах в сумерки среди колхозников, возвращающихся с отдаленных полей, часто можно встретить велосипедистов.

Велосипедный спорт особенно развит среди школьников старших классов, из которых около двух десятков человек имели собственные велосипеды. Имеют их и многие учителя: Абдувахоб Рашидов, Муродилло Реджаббаев, Мадамин Абдуллаев и другие.

Многие колхозники мечтали о приобретении легкового автомобиля. В 1951 г. в колхозе имелись три легковых машины: две—марки „Победа“, одна—марки „Москвич“. Все они были приобретены колхозниками на свои сбережения. Если не могут приобрести машину силами одной семьи, покупают вскладчину. Так, одна из машин марки „Победа“ принадлежала трем лицам, в числе которых был полевод Мирабдулла Убайдуллаев.

Обладание машиной удовлетворяет не только любовь к спорту, но и насущные нужды жителей колхозного поселка. Машины способствуют также удовлетворению культурных интересов: благодаря наличию легковых машин, их обладатели со своими друзьями получают возможность съездить после трудового дня в Наманган, побывать на спектаклях наманганского театра. Рассказы о таких поездках приходилось слышать довольно часто.

ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ КОЛХОЗНИКОВ В СЛОВЕСНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Своеобразным выражением культурной жизни населения колхоза им. Сталина является широкое распространение словесного творчества. Получившее развитие исстари и бывшее раньше единственным видом самодельного искусства в кишлаке Айкыран, словесное творчество играет большую роль в культурной жизни кишлака и в настоящее время. В корне изменив свою форму и содержание, оно вместе с тем сохранило многие традиционные национальные черты.

Интерес к художественному слову, особенно к поэзии, характерен не только для людей, ознакомившихся с литературой во время обучения в школе, но и для массы колхозников, у которых он порожден как популяризацией художественных произведений через книги и радио, так и исконной любовью узбекского народа к словесному творчеству, проявлявшемуся раньше в фольклоре.

В наши дни, как прямое следствие распространения среди народа грамотности и образования, роста культуры народных масс, идет процесс превращения фольклора в литературу, замены устного творчества письменным. Это новое для широких масс узбекского народа направление словесного художественного творчества развивается под непосредственным влиянием литературы, в процессе освоения как современного литературного языка, так и современных передовых идей и образов.

Складывающаяся стихийно, как непосредственное проявление духовных интересов простых советских людей—колхозников, сельской интеллигенции и учащихся, эта народная литература не однородна. В ней мы встречаем и произведения более высокого уровня, авторы которых, получающие специальное образование, несомненно, смогут в будущем занять место в узбекской литературе как профессионалы-писатели, и произведения, по своей форме недалеко отошедшие от фольклора. Однако сохраняя стиль, размеры и многие приемы, характерные для устного творчества, эти произведения уже значительно отличаются от фольклора, во-первых, тем, что не создаются устно, а пишутся, во-вторых—сильным влиянием современной литературы, сказывающимся как на содержании произведений, так и на некоторых формальных моментах: стихотворных размерах, словарном составе и т. п.

Произведения колхозных поэтов, открывая их духовный мир, представляют большой интерес для нашей темы.

Охарактеризуем некоторых поэтов. Прекрасный хлопкороб, поэт и художник Мирзокаюм Мирзорахимов родился в 1928 г. Будучи старшим сыном болезненного, мало трудоспособного человека, он рано

был вынужден поддерживать своим трудом большую семью. Во время войны отец умер; мальчику пришлось оставить школу, где он успел закончить пять классов, и включиться в работу на колхозном поле. Но Мирзокаюм не прекратил занятий поэзией; он продолжает писать стихи, безыскусственные, но искренние. Выбор тем и их трактовка показывают, что интересы поэта выходят далеко за пределы колхоза, но в то же время тесно связаны с ним. Работа на поле является для него нередко источником поэтического вдохновения, вызывая чувства патриотизма, трудового энтузиазма и восхищения красотой природы.

Теме хлопка посвящено его стихотворение „Бир максад“ (Одно желание). Желание поэта заключается в том, чтобы удвоить урожай. Молодой поэт-колхозник пишет о пожилых женщинах-матерях, о молоденьких девушках и опытных стариках, которые работают на хлопковых полях. Он восхищается трактором, проводящим на поле ровные красивые борозды, по которым потекут тонкие струйки воды, воспекает солнечный свет, мягкий ветерок, хлопковые поля—любимую родную природу, преображенную человеческим трудом.

Тематика стихов Мирзокаюма разнообразна: он пишет о бархате, который прибыл в сельский магазин и предназначается лучшим шелководкам, немало потрудившимся, чтобы получить хороший урожай коконов (Балкут келди); о школьниках, начинающих в сентябре учебный год (Сентябрь); о весне, когда „каждый час все меняется“.

Энтузиазм колхозника-хлопкороба выражен в стихотворении „Белни боглангиз“:

Белни боглангиз

Аҳд этган пахта учун,
Белни маҳкам боглангиз,
Мусобақа ўйнаган сиз,
Орқада ҳеч қолмангиз.

Халқ ичида донг чиқаринг
Сиз ҳалол меҳнат блан,
Барча қизлар қойил қолсин
Қоп-қанор пахтагиздан.

Мирзо ҳам ҳаракатда
Эллик икки центнер учун
Сарф айлағай бор кучин
Олтин каби пахта учун.

Возьмемся за дело¹

Дав обещание по хлопку,
Беритесь же за дело.
Вы вступили в соревнованье,
Так позади не оставайтесь.

Пусть пройдет среди народа слава
О вашей работе честной,
Пусть все девушки поразятся
Мешками собранного вами хлопка.

И Мирзо² тоже готовится к борьбе
За пятьдесят два центнера (с гектара).
Всю свою силу пустим мы в дело,
За хлопок, белому золоту подобный.

¹ Буквально — перепояшаемся на дело.

² Имя поэта. Включение его в заключительную строфу стихотворения связано с традициями старой узбекской литературы.

Многие из стихотворений Мирзокаюма посвящены образованию и школе. В приписке, сделанной к одному из таких стихотворений, он с укором обращает его к „тем, кто не понимает, что такое наука“ (илим нима эканини белмаганларга). Готовясь к призыву в армию, молодой поэт пишет стихотворение „Яхши қол“ (Счастливо оставаться), в котором, наряду с грустью от разлуки с друзьями, выражено высокое сознание долга и готовность выполнить его с честью:

Яхши қол

Ғоибона хайрашурман,
Қадирдоним, яхши қол,
Бир ёқадан бош чиқарган
Дилбаҳорим яхши қол.

Порлаган ҳусни жамолнинг
Кўргани тўхтаган элим
Элга келган тўй келибди,
Жигарбандим яхши қол.

Хизматимиз икки йиллик
Ватан учун, халқ учун
Бу вазифа биздан бўлсин,
Қадирдоним яхши қол¹.

Счастливо оставаться

Я прошусь с тобой заочно,
Друг, счастливо оставаться,
Та, с которой всегда мы были единомышленны,
Дилбахор моя, счастливо оставаться.

Я задержался, чтоб полюбоваться
На твою сияющую красоту и прелесть.
Народ празднует свадьбы, пирует,
А тебе, родная, счастливо оставаться.

Нам служить надо два года.
За родину и за народ послужим,
Так честно же свой долг исполним,
Друг, счастливо оставаться.

Пишет стихи шестидесятилетняя Тохтахан Газибаева. Читать Тохтахан научилась в детские годы у учительницы. Письму она позже обучалась у одного муллы, к которому ее посылали родители, понявшие, что их дочь отличается большими способностями. После революции Тохтахан быстро освоила новый, латинизированный алфавит и ряд лет учительствовала в женских школах ликвидации неграмотности.

Тохтахан написала ряд произведений. Одно из них, под заглавием „Ипак кийсун элимиз“ (Пусть носит шелк наш народ), было напечатано в сокращенном виде в журнале „Ўзбекистон хотин-қизлари“¹. В этом произведении, посвященном героическому труду шелководок, отражен и производственный опыт самой Тохтахан, ежегодно с успехом занимающейся выкормкой шелковичных червей. Однако тема стихотворения охватывает не только выкормку шелковичного червя — процесс, происходящий в самом колхозе. Поэтесса-колхозница знает

¹ Журнал „Ўзбекистон хотин-қизлари“, 1950, № 5.

и картинно описывает всю обработку коконов, превращение их в узорчатые шелка и атласы. Она проследживает их судьбу и дальше — вплоть до отправки в Москву.

Ипак кийсин элимиз

Завод уруғ чиқаради,
Қолхозчилар боқсин деб
Тоза барглар соламиз,
Баданингга ёқсин деб.

Пишиқ ўралар пилла
Баргларни тўйиб еса,
Доҳим сўзи минг тилла
Барака топгур деса.

Эпчил қўллардан ўтиб
Супилкада қурир у,
Қозонда қайнаб пишиб
Тола-тола турар у.

Тола-толадан нозик
Калаваси бе узик,
Ипакни ишга солар
Қиз-жувон кўзи сүзик.

Машинадан-машинага
Ўтади бошқа бўлиб
Пишитув цехларида
Айланиб тўлиб-тўлиб.

Толаси якка-якка
Бўғиб қўйган бўлакка
Мастер-қиз ишлар чаққон,
Шодлик сиғмай юракка.

Шоҳи бўлади гуллик
Бир эмас — турлик-турлик,
Шоҳини тўқиган қиз
Бир-биридан кўҳлик.

Машиналар газмоллаб
Магазинга беради,
Магазинда турган қиз
Тах-тах қилиб теради.

Ол мени деб туради,
Қизлар танлаб олади,
Ўзбекистон атласи
Москвага боради.

Ярқирар толи'имиз
Меҳнат қилдик баримиз
Шоҳимизни кўрганда
Балли дейди элимиз.

Пусть носит шелк наш народ

Завод выпускает грену,
Чтоб колхозники шелкопряда держали.
Мы даем им свежие листья,
Чтобы им пошло на пользу.

Выросши, они коконы свивают,
Когда досыта наедятся листьев.
И если вождь скажет: „Пусть будет удача“,
Его слова — золота дороже.

Пройдя через проворные руки,
Высохнут коконы в сушилках,
Потом их в котле разварят,
Разделаться они на отдельные нити.

Одна другой тоньше шелковые нити.
В мотках нет ни узелочка.
Вот шелк в станки заправляют
Девушки и женщины с томными глазами.

Идет шелк, изменяясь,
От машины к машине,
И в крутильном цехе
Его крутят, (шпульки) наполняя.

Одна к одной нити шелка,
Их вяжут отдельными мотками,
Быстра работа девушки-мастерицы,
Радость не вмещается в ее сердце.

Шелка — в цветочных узорах.
И не один узор — различны узоры,
А девушки, которые шелк соткали,
Одна другой красивее.

Гладятся шелка машиной,
Рассылаются по магазинам,
И девушка, что в магазине торгует,
Стопками кладет их на полки.

„Возьми меня“, — шелка говорят как будто.
Покупают девушки их, выбирая.
Узбекистанские атласы
Идут в Москву-столицу.

Сияет наше счастье.
Все мы потрудились.
И, наши шелка увидев,
Народ сказал нам „спасибо“!

Возраст и воспитание, особенно учение в старом мактабе, наложили свой отпечаток на многие произведения Тохтахан. Мотивы, порожденные современностью, например событиями военных лет, чувством патриотизма, конкретными условиями жизни и работы в колхозе, переплетаются в ее творчестве с традиционными религиозными мотивами. Таково большое, в двух частях лирическое стихотворение, написанное ею по случаю отъезда сына на фронт.

Первая часть содержит обращение уезжающего сына к матери, у которой он просит благословения.

Халқимизнинг хизматларин қилгайман,
Насиб бўлса, яна қайтиб келгайман,
Омон — эсон дийдорингиз кўргаиман,
Оқ сут берган ғариб онам ризо бўл.

Службу нашему народу я исполню,
Если суждено, возвращусь я снова,
Жив-здоров вернусь — вас увижу.
Мать, вскормившая меня белым молоком,
благослови меня.

Последняя строка, в качестве рефрена, проходит через всю первую часть стихотворения.

Вторая часть содержит ответ матери сыну. Выражая печаль от разлуки с ним и тревогу за его судьбу, она завещает ему выполнить свой долг, быть всегда хорошим товарищем, учить его итти за мудрыми и хорошими людьми, служить советскому народу. В соответствии с впитавшимся с детства религиозным сознанием, мать поручает сына аллаху. Последняя строка проходит рефреном через всю вторую часть стихотворения.

Хизмат қилгин, болам, кучинг борича,
Зерикмагин ҳамроҳинг бор бир неча
Мен қилурман тинмай дуо тун-кеча,
Боргин, болам, бир аллога топширдим.

Нечук бўлай ман кўрмасам дийдоринг,
Сўзинг эшитмасам қилгай хумёринг,
Болам, манга ташлаб кетдинг ҳамёринг,
Боргин, болам...

Кўзимни равшани чирогим эдинг
Белимнинг куввати мадорим эдинг,
Хонадонимнинг сан чирогин эдинг
Боргин, болам...

Кулоқ солгин, улугларнинг сўзига
Қара, болам, яхшиларнинг юзига,
Хизмат ила доҳимизнинг ўзига
Боргин болам...

.....

Сослужи свою службу, сколько хватит силы,
Товарищей не огорчай, сколько их ни будет.
Беспременно, день и ночь буду за тебя молиться.
Иди, сынок, вручила я тебя единому богу.

Как жить я буду, тебя не видя,
Не слыша слов твоих, тосковать я буду.
Ты оставил мне, сынок, свою супругу,
Иди, сынок... и т. д.

Светочем глаз моих был ты,
Поддерживал меня, моей силой был ты,
Светильником в моем семействе был ты,
Иди, сынок... и т. д.

Внимай всегда словам великих,
Смотри, сынок, в лицо хорошим,
Самому вождю нашему исполни службу.
Иди, сынок... и т. д.

Если стихи Тохтахан, как и стихи Мирзокаюма Мирзораимова, еще очень близки к формам устного творчества (несмотря на наличие в стихах Тохтахан выражений и терминов, заимствованных ею из старых книг, а в стихах Мирзокаюма — элементов современного литературного языка), то стихи многих чартакских поэтов, получивших образование в школе или в высших учебных заведениях, представляют собой произведения, написанные на основе овладения современным литературным узбекским языком и хорошего знания книжной литературы.

Наиболее способным и наиболее упорно работающим над развитием своего поэтического дарования является, несомненно, А'лохон Газибаев, сын Тохтахан Газибаевой, окончивший в 1952 г. литературный факультет Ферганского пединститута.

Начав писать еще школьником, А'лохон Газибаев был одним из самых активных участников студенческого литературного кружка при Ферганском пединституте. Многие из его стихотворений напечатаны в районных и областных газетах. В 1951 г. в ферганской областной газете „Коммуна“ были напечатаны его стихи „Сталинга“ (Сталину) и „Мени сузим“ (Мое слово), в наманганской газете „Сталин ҳақиқаты“ — стихотворение „Бахтиёрман“ (Я счастлив).

Бахтиёрман

Бахтиёрман ҳур диёримла
Меҳнат қилиб хурсандман доим.
Фарзандим деб бошим силайди
Азиз отам—меҳрибон доҳим.

Матросовдек виждонимдир пок
Комсомолман — ленинчи авлод,
Ватан ишқи дилимда абад —
Накш этилган, мен эркин, озод.

Ватан, устоз, ҳалқим ишончин
Ҳалол меҳнат блан оқлайман.
Доҳи берган куч, қудрат блан
Мен тинчликни ёвдан сақлайман.

Я счастлив

Я счастлив в моей свободной стране,
Тружусь я и радостен я всегда,
„Мое дитя“ — называет меня и гладит по голове
Дорогой отец мой — любимый вождь.

Как у Матросова, чиста моя совесть.
Я комсомолец — ленинское племя.
Любовь к отчизне горит в моем сердце,
Отпечаталась в нем, и я свободен, волен.

Доверие отчизны, вождя, народа
Честным трудом я оправдаю,
Той силой и мощью, что дал мне вождь,
Я мир от врагов охраняю.

Большое лирическое стихотворение посвящает А'лохон матери — своему первому наставнику и лучшему другу. В этом стихотворении, озаглавленном „Онам блан суҳбат“ (Беседа с матерью), А'лохон обращается к матери с проникнутыми большой любовью словами:

Сизни десам — кўнглим худди чаманлардек очилур,
Сизни десам — қаламимдан юз мисралар сочилур.

Скажу о вас — сердце мое, как цветник, расцветает.
Вспомню о вас — с пера моего сами стихи стекают.

Он вспоминает заботу и внимание, которыми окружила его мать с раннего детства, ее постоянную поддержку и мудрые наставления, сердечные беседы, длившиеся иной раз с вечера и до рассвета, общее для них обоих — зрелой женщины и мальчика — стремление к учебе, к знанию.

Выражая в этом стихотворении любовь к родине, где „и солнце, и луна, и небо — наше, и весна родины, и ее лето — наше“, поэт говорит,

что „уже близок век коммунизма“, в садах которого они с матерью будут собирать цветы.

Повидимому, самая тема, близость к старым стихотворным традициям той, к которой обращено это стихотворение, явились причиной того, что в нем больше чем в остальных стихах молодого поэта, проявляются традиции фольклора.

А'лохон Газибаев работает не только над отдельными стихами. Члены экспедиции познакомились с несколькими главами его большой поэмы, посвященной колхозной жизни. В первой главе описывается общее собрание колхозников в клубе по поводу сбора хлопка, во второй изображается работа в поле и ночь в полевом стане. В этой главе появляется героиня поэмы — стахановка хлопковых полей Турсунхан, энтузиастка колхозного труда. Герой поэмы Алимхан, читая во время вечернего досуга книгу „Сталинградская битва“, вспоминает в этой главе недавнее прошлое. Перед ним проносятся картины Великой Отечественной войны, в которой он участвовал как боец Советской Армии.

Поэма должна, по замыслу автора, содержать еще две главы. В одной, уже полностью обдуманной автором, должно быть показано собрание в клубе, посвященное окончанию хлопкоуборочной и награждению лучших сборщиков, среди которых оказываются и оба героя поэмы, связанные взаимной склонностью. Закончить поэму автор собирался либо свадьбой влюбленных, либо их объяснением и отъездом Алимхана на учебу, после окончания которой намечается соединение любящих.

Вчерне написана им также поэма об американской женщине, которая, чтобы спасти от голода свою семью, согласилась быть брошенной в бочке в водопад для забавы пресыщенных богачей. Основой для поэмы послужила небольшая заметка в газете о подобном факте, имевшем место в действительности.

А'лохон пробует свои силы и в прозаических произведениях — коротких рассказах. Он мечтает также работать в области художественной критики, в которой любимым его автором является Белинский.

Поэтические способности обнаруживает и Малик Мурадов, студент филологического факультета САГУ, который начал писать стихи еще школьником. Уже в зрелом возрасте стал писать стихи его брат, ветеринарный техник Вахабджан Мурадов. Начав с лирического стихотворения „Саодат“ (Счастье; также женское имя), он перешел к темам широкого международного плана, темам борьбы за мир, разоблачения поджигателей войны и т. п.

В семье Мурадовых любовь к поэтическому слову распространяется и на младшее поколение: племянница Вахабджана и Малика пятилетняя Санталят нередко распевала или декламировала свои импровизации, обнаруживая прекрасное чувство ритма и умение подбирать рифмы. Она складывала стихи по поводу различных событий домашней и кишлачной жизни. Когда мастер, расписывавший стены комнаты в их доме, изобразил дерево, покрытое плодами, которое клевали птицы, Санталят привела его в полное изумление, обратившись к изображенным на стене птицам с длинной импровизацией в стихах, в которой девочка просила „птиц-братцев“ не клевать гранатов и грозила им, если они ослушаются, позвать милиционера. Большую роль в пробуждении у Санталят ранней склонности к поэтическому творчеству, несомненно, сыграло увлечение стихами старших, которые нередко читают или декламируют их в кругу семьи. Так рано проявившаяся у девочки страсть к стихам отражает вместе с тем

ту любовь к поэзии, которая характерна для многих жителей колхоза им. Сталина.

Безыскусственные произведения народных поэтов свидетельствуют о том, что их авторы живут общими интересами со всем советским народом, любят свою родину, свой колхоз и привычную им с детства природу. Они свидетельствуют также о росте культуры, которая сделалась достоянием не только отдельных, наиболее одаренных выходцев из народа, но и широких народных масс.

Особой областью словесного творчества, а вместе с тем и проявлением возросшей культуры сельского населения, являются стенные газеты и „боевые листки“, которые регулярно выпускаются в основных полеводческих бригадах колхоза.

Особенно большое значение имеют „боевые листки“, выходящие один раз в пять дней и отражающие жизнь бригады за этот период. „Боевые листки“ прославляют имена тех, кто хорошо и честно трудится и является гордостью бригады; в них бичуются лодыри, тянущие показатели работы бригады вниз. На головы отстающих обрушиваются такие красноречивые упреки и насмешки, что подвергшиеся осмеянию нередко проливают слезы обиды, смешанной с раскаянием, подтягиваются и стараются в „боевых листках“ следующих выпусков попасть не в правую колонку, которая отводится лодырям, а в левую, где, по традиции, стоят имена ударников.

Для примера приведем выдержки из „боевых листов“ четвертой бригады.

В „боевом листке“ от 15 июня 1951 г. называются имена ударников Купайсин Палвановой, Турсунхан Каюмовой, Бозорбая Арзимова и других колхозников, которые „работают от всего сердца, не жалея сил“.

Автор статьи пишет: „Мы верим, что до конца года эти товарищи не потеряют своего места на доске почета; день изо дня они работают с честью. Этим товарищам — дружеский привет“.

Другая сторона „листка“ имеет заголовок: „Хушёкмас ялқовлар“ (Несимпатичные лодыри). Здесь осмеиваются „такие товарищи, которые приходят на работу в восемь-десять часов, тогда как начинать ее надо в шесть“, которые „чем дальше, тем больше тормозят работу бригады“. Им выражается „презрение в пределах бригады“ (бригада буйича нафратлар), им объявляется „позор, позор и позор!“.

В „боевом листке“ от 1 июля 1951 г. написано:

„Честь и слава передовикам!“

Посеяв в 1951 г. во-время хлопок, добившись быстрых всходов, ряды тех, кто качественно обрабатывает междурядья, все время растут. Из членов нашей четвертой бригады:

Из первого звена — Купайсин Палванова, из второго — Хадичахан Бойханова, Улькарой Балтабаева, из третьего — Хурихан Джуррабаева, Бозорбай Арзимов, Адашбай Джураев и другие товарищи, подобные им, с тех пор, как посеян хлопок, работают без прогулов, ежедневно перевыполняя свою норму.

Хорошо поняв указание, что в июле месяце надо работать так, чтобы к урожаю добавить еще урожай, они дали обещание трудиться от всего сердца, выполнять во-время данный им график, во-время делать окучку и культивацию, от всей души заботиться об удобрении и подкормке растений и возглавить движение за получение высокого урожая хлопка“.

„Боевые листки“ бригад, так же как и бригадные стенгазеты, являются одной из областей применения той склонности к писательству, которая так ярко проявляется среди населения колхоза. Надо сказать,

что редакторами „боевых листков“ и стенгазеты эта склонность в годы работы экспедиции не использовалась в полной мере, и рядовые колхозники к их составлению привлекались мало. В составлении „листков“ и стенгазеты принимала широкое участие преимущественно сельская интеллигенция, в частности учителя, которые, получая нужные сведения от членов бригады, писали на этом материале статьи и заметки.

Иногда „боевые листки“ писались бригадными табельщиками или другими хорошо грамотными членами бригады.

Картина жизни населения колхоза им. Сталина останется неполной, если не упомянуть о состоянии здравоохранения.

Как известно, до революции сельское население Узбекистана было полностью лишено врачебной помощи. Лечением больных занимались знахари и шаманы, ишаны и муллы. Не было родовспомогательных учреждений, и неграмотные, некультурные повивальные бабки прибегали к самым диким, вредным мерам, вроде встряхивания роженицы за ноги или перекачивания ее на одеяле. Народ не имел правильного представления о причинах болезней, в частности заразных. Отсутствовали санитарные навыки.

В настоящее время сельским жителям, в том числе и населению колхоза им. Сталина, вполне доступна квалифицированная врачебная помощь. Лечебные учреждения вошли в быт колхозников.

Особенно большое значение в деле охраны и восстановления здоровья населения колхоза им. Сталина, как и других близлежащих колхозов, имеет районная больница, расположенная неподалеку, за мостом через Чартаксай, на территории колхоза им. Молотова. При ней находится и районная поликлиника. В этих учреждениях лечились с успехом многие колхозники, и в случае тяжелой болезни надежды семей возлагаются на больницу. На личном опыте или на опыте соседей многие имели случай убедиться, как действенна квалифицированная врачебная помощь.

Особенно часто обращаются в больницу в случае болезни ребенка, видя массу примеров излечения врачами детей, заболевших тяжелыми болезнями, от которых прежде не было спасения.

В особо тяжелых случаях, требующих хирургического вмешательства, обращаются в Наманганскую областную больницу. Рассказы о лечении там и выражения признательности по адресу врачей приходилось неоднократно слышать сотрудникам экспедиции.

При Чартакской больнице имеется родильное отделение, и многие маленькие айкыранцы увидели там свет. Если роды начинаются дома, вызывается скорая помощь, располагающая специально оборудованной для перевозки больных машиной.

В случае неблагоприятного исхода родов неоднократно приходилось слышать выражение запоздалого раскаяния в том, что своевременно не обратились к врачу.

Во время работы экспедиции родился ребенок в семье табельщика одной из хлопководческих бригад. Семья, убедившаяся во время болезни старшего ребенка, вылеченного в больнице, в том, что врачи могут помочь даже при очень тяжелых заболеваниях, предполагала и в данном случае обратиться в больницу. Однако роды наступили неожиданно, быстро закончились, и мать с младенцем осталась дома. Новорожденный вскоре заболел и умер. Бабушка, ухаживавшая за старшим внуком в больнице, выражала горькое сожаление, что роженицу не отвезли в больницу уже после родов, считая, что в этом случае новорожденного обязательно спасли бы.

Многие беременные женщины, обращаясь в амбулаторию за врачебной справкой для получения декретного отпуска или перевода на более легкую работу, попадают таким образом под постоянное наблюдение врачей и, в случае нужды, получают лечение. Убедившись в его эффективности, колхозницы проникаются верой в медицину и привыкают систематически пользоваться врачебной помощью.

В самом колхозе имеется врачебный пункт, обслуживаемый медицинской сестрой-акушеркой. Ее кабинет находится при одном из детских садов колхоза. Она оказывает заболевшим первую помощь, следит за выполнением предписаний врачей, делает назначенные больному процедуры. Всякого рода инъекции—стрихнин, глюкоза, стрептомицин и т. п.—пользуются у колхозников, испытавших их целебное свойство, большой популярностью, так же как и банки, к которым прибегают с большой охотой при простуде. Все уже знают, что при мелких ранениях, появлении у ребят болячек надо обращаться к доктору, и лекарство помогает несравненно лучше, чем применявшиеся раньше дедовские средства. У медицинской сестры имеется аптечка, и она раздает всем нуждающимся бесплатно лекарства от головной боли, от кашля и т. п. Обращаться к ней привыкло большинство членов колхоза.

В колхозе проводятся и многие профилактические мероприятия: делаются различные предохранительные прививки.

Это выполняют специально выделенные колхозом люди, получающие инструкции на медицинском пункте. Такого рода обязанности летом 1952 г. были возложены на десятиклассницу Файзихан Каримову и коммунистку Хасиятхан Халтураеву, которые объезжали верхом на лошадях бригады, расположенные на далеком расстоянии одна от другой. Бригады регулярно обследуются врачами, следящими за здоровьем хлопкоробов, санитарным состоянием полевых станков и аккуратным проведением необходимых профилактических мероприятий.

В детских учреждениях систематически производится осмотр детей, ведется наблюдение за санитарией, проверяется обслуживающий персонал.

В обязанности медицинского персонала входит ведение пропаганды медицинских знаний путем бесед с колхозниками, советов матерям и т. д.

В результате всех этих мероприятий, проводимых органами здравоохранения, среди колхозников растет популярность медицинских учреждений. Обращение к врачу превращается постепенно в общепринятое правило, в необходимость. Люди не чувствуют себя больше беспомощными перед лицом болезни, они знают, куда следует обратиться, и верят, что им смогут помочь.

Правда, нельзя еще сказать, что былые суеверия и предрассудки изжиты полностью. Сотрудники экспедиции из отдельных разговоров могли заключить, что в колхозе действовали еще втайне знахари, читались иногда над больными молитвы; можно было еще услышать разговоры о неотвратимости смертного часа, ниспосылаемого аллахом,—но только самые отсталые люди, чаще всего дряхлые старики, отказывались обращаться к врачу, покорно ожидая свершения „написанной на лбу“ судьбы. Подавляющее большинство колхозников активно борется с болезнями, средства для чего им дает развитая сеть лечебных учреждений, которые в сельских районах играют особенно важную роль, внося и в эту область жизни свет научных знаний, давая человеку возможность побеждать силы природы.

Культурный рост сельского населения Советского Узбекистана, во всей конкретности выявившийся при изучении колхоза им. Сталина, является блестящим подтверждением правильности хозяйственной и культурной политики Советского правительства, определенной Коммунистической партией Советского Союза. Этот культурный рост знаменует собой торжество ленинско-сталинской национальной политики, сложение новых социалистических отношений между советскими народами.

Громадную роль в культурной революции, происшедшей в узбекском кишлаке, сыграл великий русский народ. Его помощь выражается не только в создании передовыми деятелями русской культуры культурных ценностей, сделавшихся после Великой Октябрьской революции достоянием всех народов советской страны, но и в непосредственном участии русских людей в подготовке из среды местного коренного населения всевозможных специалистов—учителей, агрономов, врачей, зоотехников, электриков, без которых уже не мыслится жизнь современного сельского района.

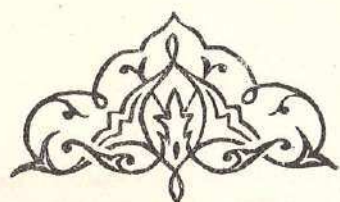
Давно канула в вечность былая противоположность между городом и деревней—колхозный кишлак связан тесными деловыми и дружескими узами с социалистическим городом.

В колхоз нередко приезжают из города руководящие партийные и советские работники, художники, писатели, ученые, переводятся из города на работу в колхоз или районные организации специалисты. Из города привозят разные товары, прибывают в районную МТС новые машины. В город едут руководители и передовые люди колхоза на слеты и съезды, едет колхозная молодежь на учебу, вызываются в центральные советские и партийные учреждения руководящие работники колхоза. Эта постоянная и тесная связь с городом играет исключительно большую роль в жизни и развитии колхозов.

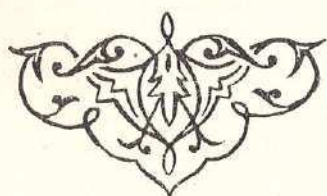
На примере колхоза им. Сталина ясно прослеживается процесс постепенного исчезновения существенных различий между городом и деревней. В условиях ведения высококультурного, основанного на научных данных хозяйства колхоза физический труд все больше сближается с трудом умственным. Эти процессы, развиваясь все более быстрыми темпами, создают предпосылки для того, „ . . . чтобы подготовить действительный, а не декларативный переход к коммунизму . . . “¹.

¹ И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 66.

СЕМЬЯ
В
КОЛХОЗЕ

СТАРАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ СЕМЬЯ

До революции население кишлака Айкыран жило, преимущественно, неразделенными семьями, сохранявшими еще черты, свойственные патриархальной семье, и восходящие к тому семейному укладу, который Ф. Энгельс, ссылаясь на русского ученого М. Ковалевского, называет патриархальной домашней общиной, играющей, по его мнению, важную переходную роль в период между семьей с материнским правом и отдельной семьей.

Основной чертой такой семьи он считал то, что „она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут вместе в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов...“¹

Существуя в Средней Азии с древнейших времен, в различных исторических условиях, патриархальная семья не оставалась, конечно, неизменной. Ко второй половине XIX в. в Узбекистане сложился в процессе эволюции патриархальной семьи и ее разложения поздний вариант неразделенной семьи. Сузился тот круг людей, который охватывала большая патриархальная семья, бытовавшая в Узбекистане в позднефеодальный период. Для второй половины XIX и начала XX вв. становится характерной семья, состоящая из семейных пар не трех и более поколений, как это было раньше, а только двух поколений, причем старшее поколение было в большинстве случаев представлено одной парой — отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья. Момент женитьбы внука был моментом отпочкования новой семьи: отец жениха выделялся из большой семьи вместе со всеми своими детьми.

Наряду с такой формой семьи, являвшейся в этот период преобладающей, в наиболее глухих местах Узбекистана, где черты архаичности в быту сохранялись в большей мере, еще нередко встречались семьи, включавшие брачные пары трех поколений: отца и матери, их женатых сыновей и женатых внуков. При этом старшее поколение иногда было представлено несколькими брачными парами неразделившихся братьев.

Экономической основой неразделенной семьи была собственность на землю и другие средства производства, находившиеся всецело в руках отца — главы семьи; сыновья доходами не распоряжались и полностью зависели от отца. Понятно, что такая семья была особенно крепка в зажиточных слоях населения; среди безземельной и ма-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1937, стр. 55.

лоземельной бедноты эти отношения сохранялись менее прочно и полно, скорее как пережиток, не имеющий под собой материальной основы. Вследствие безземелья и нужды сыновья в таких семьях часто вынуждены были в поисках заработка покидать отцовский дом, а иногда переселяться в другие кишлаки. Отходничество, наряду с другими экономическими причинами, сыграло немаловажную роль в разложении большой неразделенной семьи. Уходили из семьи, правда, не порывая с ней полностью, и те члены бедняцких семей, которые нанимались в батраки в родном кишлаке и жили у хозяина.

Дочери, как это типично для патриархальной семьи, после выхода замуж переселялись к мужу, уходили из отцовского дома. Лишь в качестве исключения молодые жили в доме родителей жены. Так бывало в случае неравного брака, когда муж стоял по социальному положению ниже родителей жены. Вследствие этого отношение к человеку, живущему в доме своего тестя (ич-кияв), носило оттенок пренебрежительности, что отразилось и в народных поговорках.

Неразделенные патриархальные семьи, державшиеся, как правило, на авторитете отца, иногда сохраняли единство и после его смерти. Место умершего главы семьи заступал старший из братьев или наиболее способный из них, пользовавшийся в семье большим авторитетом.

После присоединения Средней Азии к России, под влиянием развития товарных отношений и проникновения элементов капитализма в жизнь узбекского народа, углубился процесс разложения неразделенной патриархальной семьи. Сделался обычным раздел братьев после смерти отца. Выделение сыновей при жизни отца все еще вызывало неодобрение, считаясь проявлением неуважения к отцу. Однако в этот период уже имели место отдельные случаи выделения сыновей и при жизни отца.

Процесс разложения неразделенной семьи шел быстрее в районах, где усиленно развивались капиталистические отношения; менее явно проявился он в тех местах, где крепче сохранялись отношения феодальные. К таким местам принадлежало и селение Айкыран. Но и здесь процесс разложения неразделенной семьи к началу XX в. получил некоторое развитие, и здесь имелись факты выделения сыновей при жизни отца. Отделение сыновей происходило в таких случаях поочередно, по старшинству, и инициатива исходила не от самих сыновей, а от главы семьи—отца. Если сыновья и хотели отделиться, они не осмеливались заявить об этом отцу и просили мать вести переговоры с отцом как бы от своего имени.

По традиции, младший сын не отделялся. Он обязан был всю жизнь жить с родителями и после смерти отца наследовал дом и хозяйство. На нем, по обычаю, лежала обязанность похоронить родителей.

Когда отделение сыновей происходило при жизни отца, оно не носило характера полного раздела: как правило, „отделялся котел“ (қазон буляк қилинар эди). Родители давали отделяемому сыну в собственность жилище, обычно, комнату, находившуюся в том же дворе, реже—приобретенный для этого дом, расположенный по соседству, домашнюю утварь (котел, кумган, разливательную ложку и т. п.), а также выделяли известную часть от всех имеющихся в доме запасов, вплоть до дров. Землей и прочими средствами производства сыновья в большинстве случаев не наделялись: они продолжали работать на отцовской земле, получая ежегодно после снятия урожая не совсем определенную долю.

Таким образом, в силу сохранения в руках отца основы хозяйства—земли, сыновья попрежнему оставались в зависимости от него. Землю в полную собственность они получали лишь после смерти отца, при разделе наследства.

Так было в семье Газибая Муслимова (родился в 1883 г.). У его отца было 15 танапов земли, и она обрабатывалась им совместно с четырьмя сыновьями, старшие из которых были выделены. То же было и в семье Каримбая Мухаммедиева (родился в 1881 г.), отец которого при жизни выделил трех старших сыновей. Земля оставалась в распоряжении отца, обрабатывалась братьями сообща и досталась им в полную собственность лишь после смерти отца. Так было и в семье Джуры Хакимбаева (родился в 1903 г.), в семье Юсупджана Хашимбаева (родился в 1906 г.) и других.

Нередко оказывалось формальным и отделение котла: пища, приготовленная женой сына, так же как и ее свекровью, по общепринятому даже между соседями обычаю, съедалась сообща. Иногда невестки, привыкшие находиться в полном подчинении у свекрови, не решались нарушить старый распорядок—„взять в руки разливательную ложку“, символ главенства в женском хозяйстве. Приготовив пищу, они приглашали свекровь разлить ее по чашкам¹.

Сохранение неразделенной семьи вело к тому, что еще в начале XX в. число членов семей было сравнительно велико, достигая в среднем 10—12 человек.

Особенно большими по количеству и крепкими в смысле сохранения патриархальных традиций были семьи наиболее зажиточных слоев—баев и представителей духовенства. Это объяснялось как материальной заинтересованностью младших членов состоятельных семей в непосредственном участии в хозяйстве отца, так и заинтересованностью отца в сохранении помощников, необходимых для ведения крупного хозяйства.

Многолюдность байских семей обуславливалась также распространенностью в них многоженства. Баи нередко имели одновременно по три, четыре, а иногда и больше жен, которые вместе с рожденными ими детьми жили в одном доме. Некоторые айкыранские баи, нарушая формальный запрет шариата иметь одновременно больше четырех жен, доводили их число до десяти. По словам стариков—семидесятилетнего Карима Мухаммедиева, восьмидесятилетнего Мирзоахмеда Саидахмедова, семидесятидвухлетней Кенджаби Хаитматовой—одновременно пять жен было у известного айкыранского богача Мулло Исхака. У другого крупного бая—Таджибая—число жен доходило до десяти. Как рассказывает бригадир шелководческой бригады Хасиятхан Халтураева, когда ей было двенадцать лет, ее случайно увидел Таджибай. Она ему понравилась, и он пожелал иметь ее одиннадцатой женой. Однако родители девочки решительно воспротивились, сватам было отказано.

Число членов семьи крупных баев доходило до нескольких десятков человек. Старики рассказывают, что в Айкыране самая большая семья была у Ташвойбая, крупнейшего айкыранского богача, имевшего трех жен и жившего общей семьей со своим братом. В его доме, по рассказам стариков, ежедневно готовилась пища для членов семьи и слуг, рассчитанная на 100 человек.

¹ Свекровь, не желая выделения невестки, обычно говорила: „Тулимдаги чумичини ульганимча ҳеч кимга бермаймак“ (Пока я не умру—никому не отдам находящуюся в моих руках разливательную ложку).

Характерной особенностью всех патриархальных семей являлось господство в них мужчин. Главою семьи и ее полновластным хозяином был отец и муж. Бразды правления находились в его руках, и все держалось на его неограниченной власти, все члены семьи были обязаны беспрекословно ему повиноваться. В руках отца находилась судьба детей. По своему усмотрению и выбору он женил сыновей, выдавал замуж дочерей; мать имела право только высказать свое мнение. При женитьбе сына или выдаче замуж дочери учитывались социальное и имущественное положение будущих родственников, родственные связи, а не личная склонность вступающих в брак. Брак нередко был сделкой, преследовавшей, прежде всего, материальные интересы. Не было принято ставить в известность тех, чья судьба решалась; они узнавали о предстоящем браке в последнюю очередь, чуть ли не в день свадьбы. Для юношей, а тем более для девушек считалось позорным (уят) интересоваться своим браком, вмешиваться в связанные с ним дела. Если молодые люди случайно узнавали или догадывались о предстоящем браке, то должны были делать вид, что они ничего не знают. Этого требовала этика, нормы поведения того времени. Невесты-дочери и женихи-сыновья не могли иметь своего мнения в вопросах брака еще и потому, что вступающие в брак нередко были, по существу, детьми. На основании мусульманских законов (шариата) считались достигшими зрелости девочки в 9 лет, мальчики в 12. Правда, на практике возраст вступающих в брак был несколько выше. Мальчиков женили нередко в 15—16 лет, для девочек обычным брачным возрастом считалось 12—13 лет, хотя в отдельных случаях, имевших место и в Айкыране, выдавались замуж девочки 11 лет.

Так, например, в 11 лет была выдана замуж за старика-бая из Алихана родственница Таджихан Каримовой, учительницы школы №8. В 13 лет была выдана замуж в качестве второй жены за человека 37 лет Зухраби Хамдамова. Ей сейчас 62 года; она является активной участницей колхозного производства с момента организации колхоза им. Сталина вплоть до последнего времени. Не было полных 14 лет Паркиби Якуббаевой, когда ее выдали замуж. После победы Октября она одной из первых сбросила паранджу и стала активисткой—работала в женсекторе ревкома. Ей сейчас за 80 лет. До 14 лет выдана была замуж мать учителя школы № 8 Абдулвахоба Рашидова.

В то время как ранняя выдача девочек замуж практиковалась во всех без исключения семьях, причем в семьях бедняков она нередко стимулировалась зависимостью от бая, ранняя женитьба сыновей была доступна лишь людям материально обеспеченным. Малоимущие, бедняцкие семьи очень часто не в силах были осуществить свою мечту—„в свое время“ женить сыновей: уплатить за их женкалым и устроить свадебный пир (той), на который, по обычаю того времени, приглашались не только многочисленные родственники жениха и невесты, но и односельчане. Нередко случалось, что мужчины из малосостоятельных семей женились лишь в возрасте 30—40 лет.

Порабощение женщины, наряду с господством мужчины, составляло другую характерную особенность патриархальной семьи. Мужчина и женщина занимали в ней диаметрально противоположные положения: мужчина—господин, женщина—раба. Заплатив за жену выкуп (калым) ее родителям, муж считал себя ее владельцем, она становилась как бы его собственностью. Эта черта, характерная для патриархальной семьи вообще, в мусульманских странах, в том чис-

ле и в дореволюционном Узбекистане, углублялась еще нормами ислама, который узаконил для своих последователей приниженное положение женщины. Мужчине ислам представлял все права: ему разрешалось по собственному желанию бросить жену, дать ей развод. Достаточно было мужу произнести слово „талак“ (развод), как жена становилась ему чужой и была вынуждена покинуть его дом и своих детей.

Такова была судьба женщин в дореволюционном прошлом и в селении Айкыран. Мало светлого видели айкыранские женщины в своей жизни. В семье рождение девочки не вызывало особой радости; радовались обычно, когда рождался мальчик. Детство девочек проходило быстро—с 9 лет они не показывались посторонним мужчинам, не появлялись на улице открытыми; выходя из дому, надевали паранджу и чачван, называемый местным населением чиммат или чимбет¹. В отличие от других сельских местностей Узбекистана, где паранджу и чачван носили мало, заменяя ее набрасываемым на голову халатом, в Айкыране они были широко распространены.

Еще более безрадостная жизнь наступала для женщины с переходом в дом мужа. Чем богаче и состоятельнее была семья мужа, тем более приниженное, рабское положение занимала его жена, в особенности, если она была взята из семьи более бедной. Невестки из богатых семей пользовались некоторыми привилегиями, которые выражались, главным образом, в лучшем обращении с ними. Жена фактически становилась рабыней своего мужа, служанкой в его доме, оставаясь для всех чужой. Безропотно, покорно обязана была вошедшая в семью молодуха (келин) обслуживать всех членов семьи, нередко переноса оскорбления и унижения от мужа, свекрови и других родственников.

Особо следует отметить роль матери мужа—свекрови, в полное распоряжение которой поступали жены ее сыновей. С приходом невестки свекровь перекладывала на нее все обязанности по хозяйству. Невестка должна была раньше всех вставать и позже всех ложиться спать. На ней лежали все домашние работы: уборка дома, приготовление пищи, выпечка лепешек и т.п. От внешнего мира она была, в особенности в первые годы замужества, почти полностью отрезана.

Между свекровью и невесткой очень редко устанавливались сердечные отношения. Свекровь, как бы в отместку за свои прошлые невзгоды, когда она сама выступала в роли молодухи, обращалась с женами сыновей грубо, сурово взыскивала за каждую провинность. Часто под ее влиянием складывалось плохое отношение к молодой женщине со стороны мужа и свекра.

Особенно тяжело было положение молодухи, когда она попадала в семью второй или третьей женой. Ее встречала враждебность старших жен, усматривавших в ней соперницу. Со слезами вспоминает свои молодые годы пятидесятидвулетняя Розияхан Саттарова. Она была выдана замуж своим отцом, ткачом, за известного богача Мулло Исхакбая в счет уплаты долга и стала у бая четвертой женой. Все три старшие жены ее мужа (кундош) очень плохо относились к ней, особенно после того, как у нее появились дети. Ее переживания в те годы не прошли бесследно—она и сейчас страдает тяжелой болезнью нервной системы.

¹ Чачван—густая сетка из черного конского волоса, служившая для закрывания лица. Паранджа—род накидки, халата с ложными рукавами, набрасывавшегося на голову поверх чачвана.

Несколько иным было положение женщины в бедняцких семьях. Для поддержания семьи они вынуждены были наравне со своими мужьями зарабатывать на хлеб. Вследствие порожденного исламом затворничества женщин, большая часть их находила приложение своих сил в прядении. Целые дни и долгие зимние вечера, до глубокой ночи, при тусклом, еле освещающем комнату свете масляного светильника (чирок) женщины просиживали за прялкой. Пряжу продавали, на нее был большой спрос у ткачей Намангана. Прирабатывали женщины также в сезон сбора хлопка, нанимаясь собирать хлопок с байских полей. В те времена в Айкыране сбор хлопка считался женским делом.

Тот факт, что женщинам из бедняцких слоев населения приходилось поддерживать семью своим заработком, быть до некоторой степени кормилицами семьи, делал их более самостоятельными, независимыми. Восьмидесятилетняя Паркиби Якуббаева, которая вышла из бедняцкой среды и зарабатывала на содержание семьи наравне с мужем, безземельным дехканом, вспоминает, что к ней в семье относились с уважением, и она пользовалась некоторой самостоятельностью. В доме без ее ведома ничего не делалось.

Великая Октябрьская социалистическая революция застала семью селения Айкыран в таком именно состоянии. Здесь сохранялись в силе характерные консервативные особенности патриархального быта: совместная жизнь женатых сыновей с родителями, общее хозяйство, общий котел, неограниченная власть главы семьи над всеми ее членами, господство мужчины в семейных отношениях, бесправное, приниженное положение женщины.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СЕМЬИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одним из ярких показателей глубины прогрессивных изменений во всей жизни узбекского народа, которые порождены советским строем и получили особенно благоприятные условия для своего проявления после организации и укрепления колхозов, является современный домашний быт колхозных семей. В нем самым убедительным образом обнаруживается происшедший за советские годы коренной переворот в условиях материальной жизни дехканства, в его психологии, моральном облике, в обычаях и отношениях. Жизнь современной колхозной семьи является ярким доказательством всех преимуществ колхозного строя, обеспечившего крестьянским массам, в том числе и узбекскому дехканству, избавление от вековой нужды, темноты и отсталости, которые были уделом дореволюционной дехканской семьи.

Задача построения коммунизма, стоящая перед всем советским народом, не может быть решена без создания подлинно передовой советской семьи, без борьбы с феодальными пережитками, которые дольше всего сохраняются в личной жизни, в семье и семейных отношениях. Поэтому исследование семьи является одной из важнейших задач этнографического изучения жизни народных масс, строящих под руководством Коммунистической партии и Советского правительства прочные основы коммунистического общества.

Советская власть нанесла сокрушительный удар по сторонникам реакционного прошлого, представителям феодальной верхушки — баям и духовенству, навсегда с корнем уничтожила в Узбекистане реакционно-консервативный быт. Бесповоротно рухнул и отжил свой бесславный век феодально-патриархальный уклад. Жизнь потекла по новому руслу.

За годы бурной созидательной деятельности освобожденных народов Узбекистана в процессе построения социализма и сложения социалистических отношений, благодаря постоянному руководству Коммунистической партии и Советского правительства, произошли коренные изменения в общественной и производственной жизни ранее угнетенного и отсталого населения страны. Произошла подлинная культурная революция, которая приобщила народы Узбекистана к социалистической культуре и открыла перед ними светлый путь, ведущий к коммунизму.

Не могла оставаться в стороне от новой, созидательной жизни и дехканская семья. Она претерпевала большую ломку, в ней произошли глубокие перемены, обусловленные установлением советского

строю, сложением социалистической экономики и социалистических отношений. Эти отношения связаны с новым положением раскрепощенной женщины, с революционными законами, изданными советской властью и проводимыми в жизнь в процессе не прекращающейся борьбы с пережитками прошлого по отношению к женщине.

Наиболее глубокие изменения в дехканской семье произошли в результате установления колхозного строя.

Основным моментом, формирующим колхозную семью, является участие всех ее взрослых членов в общем колхозном труде, в общей борьбе за построение новой жизни. В колхозе создаются благоприятные условия для осуществления пожелания, высказанного М. И. Калининым: „Нужно... чтобы семья не жила изолировано, замкнуто от социалистического общества, а чтобы она была тесно связана со всем коллективом строителей социализма“¹.

Современная колхозная семья тесно связана с жизнью всего колхоза, составляя первичную ячейку или, по выражению Ф. Энгельса, молекулу общества. Ее внутренний строй и отношения между ее членами, несмотря на их индивидуальный, личный характер, не отгорожены от общества непроницаемой стеной, находятся под его контролем. Органы Советской власти, партийные организации, так же как и вся передовая общественность колхоза, активно вмешиваются в отношения между членами семьи, если эти отношения оказываются в противоречии с социалистической моралью, с советскими законами. В обстановке современного колхоза невозможно проявление произвола, подавление личности человека, независимо от его пола и возраста, и самые отсталые люди принуждены считаться с этим.

С другой стороны, каждая семья и каждый отдельный человек, ощущая себя частью коллектива, осознавая всю полноту своих прав, опираются на поддержку общества в своем стремлении к установлению новых, социалистических форм жизни.

Коренная политическая, производственная и культурная перестройка, которая произошла в кишлаке Айкыран после Октябрьской революции, изменила психологию населения. В процессе этой перестройки у колхозников сложилось новое, социалистическое отношение к средствам производства, к самому труду, появилось новое отношение к людям, основанное на товарищеской взаимопомощи. Новые производственные отношения, новые общественные навыки переносятся и в семейную жизнь. Современная семья построена на равноправии взрослых ее членов, занятых общественным трудом, на полном отсутствии эксплуатации человека человеком.

На жизнь узбекской семьи оказало исключительно большое влияние раскрепощение женщины. Советская власть с первых же дней своего существования уравнивала женщину во всех правах с мужчиной. Это было величайшим историческим актом.

В. И. Ленин в своем выступлении в 1918 г. на I Всероссийском съезде рабочих так оценил этот факт: „Ни в одном капиталистическом государстве, даже самой свободной республике, нет полного равноправия женщин...“

Наш закон первый раз в истории вычеркнул все то, что делало женщин бесправными“².

¹ Из речи М. И. Калинина при вручении орденов женам инженерно-технических работников 16 мая 1936 г. (Г. И. Свердлов, „Советское законодательство о браке и семье“, Москва, 1952, стр. 26.).

² В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 160.

Советским правительством был издан ряд законов и осуществлен ряд эффективных мер для ликвидации феодально-байских пережитков. Были запрещены многоженство и калым—самые унижительные для женщин пережиточные институты. Была запрещена выдача замуж малолетних и в связи с этим издан закон о брачном возрасте.

Вовлечение узбекской женщины в общественное производство и общественную жизнь создало условия для ее действительного раскрепощения. Для свободной женщины Узбекистана началась новая, счастливая эра.

Ликвидация векового порабощения женщин, их освобождение от предписываемого исламом затворничества выразились в отказе многих женщин от ношения паранджи. Первыми айкыранскими женщинами, откликнувшимися на призыв партии сбросить паранджу, были женщины из бедняцкой среды, матери и жены батраков—членов организации, существовавшей в 1924 г. сельскохозяйственной артели, коммунистов и комсомольцев. Одними из первых сбросили паранджу упомянутая выше Паркиби Якуббаева, которой тогда было за сорок лет; мать одного из первых коммунистов-организаторов колхоза в Айкыране Тургуна Мирбабаева—Бувачаби; мать бывшего батрака, члена артели Абдурахманджана Гаиббаева—Кенджаби Хаитматова, которой было тогда 35 лет; Артыкби, мать Ашурова, ныне начальника Чартакского водхоза, работавшая тогда прачкой в детдоме; жена бывшего батрака, члена артели Тургунбая Дедабаева—Улгай Киргизова и другие. Особенно активной в те годы была Отынчахан, уроженка соседнего кишлака Караскон. Она выступала в Айкыране и в других кишлаках с пламенными речами, в которых призывала женщин сбросить с себя ярмо порабощения—паранджу. Агитационную работу среди сельских женщин вели также Паркиби Якуббаева, Артыкби Ашурова, Халимахан Гафурова, жена Устобобо Гафурова, бывшего тогда председателем ревкома, и другие активистки. Большую работу по раскрепощению женщин проводила Зульфияхан Кукибаева, коммунистка, член исполкома, работник женотдела районного комитета Коммунистической партии.

Важнейшим фактом в деле раскрепощения женщин было приобщение их к общественному труду. В начале двадцатых годов в Айкыране была организована женская швейная артель „Авангард“, в руководстве которой участвовала и Паркиби Якуббаева. Из женщин Айкырана в артели работали Адолат Юсупова, Зухраби Рустомова, Таштиляби, мать преподавателя истории Ахмеджана Ташбаева, Халихан Хаджиметова, которая была в артели мастерицей-закройщицей, и другие.

Более интенсивно раскрепощение женщин начало протекать с 1927 г., когда партия и правительство выдвинули лозунг „Худжум“ (Наступление), который означал решительную борьбу за проведение на деле раскрепощения женщин, за вовлечение их в сельское хозяйство, в промышленность и кооперацию. Партийная и комсомольская организации Чартака повели активную борьбу против затворничества женщин, за новый быт, где женщина должна занимать место рядом с мужчиной.

В 1927 г. на многочисленном собрании сбросили паранджу многие женщины Айкырана, в том числе Майрамхан Сабирджанова, член партии, ныне заведующая детскими яслями; Турсун Тулябаева, дочь Паркиби Якуббаевой, член партии, ныне председатель комиссии Айкыранского сельсовета по работе среди женщин; Зубайрахан Турабаева, жена Урманджана Турабаева, председателя колхоза; Тутихан Каримова, член партии, показавшая себя впоследствии активной обще-

ственницей, ударницей хлопковых полей. Тутихан Каримова несколько лет подряд являлась бригадиром хлопководческой бригады, а в 1949 г. была избрана партгором в колхозе им. Кагановича (селение Пишкыран).

Чтобы приучить женщин к общению с товарищами по работе — мужчинами, местный актив, главным образом коммунисты и комсомольцы, при участии членов батрацкой артели организовывал в период земельной реформы так называемые семейные кружки (ойляви тугарак), в которых участвовали и женщины. На собраниях такого „семейного кружка“ за угощением обсуждались животрепещущие вопросы жизни селения. На таких собраниях бывали со своими мужьями Майрамхан Сабирджанова, коммунистка с 1927 г., принимавшая участие в работе комиссии по раскулачиванию баев, Турсуной Тулябаева, тоже вступившая в ряды партии еще до организации колхоза, Назирахан Рустамова, тогда еще комсомолка, Кенджаби Гаиббаева, Саломатхан Атаханова, жена активиста Давлатали Атаханова и другие.

В годы земельной реформы жены некоторых сельских активистов вели культурно-просветительную работу в школах ликбеза, участвовали в самодеятельной труппе, выступавшей во многих селениях района с театральными постановками, из которых наиболее популярной была пьеса Хамза Хаким-заде „Бай и батрак“.

В числе артисток самодеятельной труппы была Халимахан Гафурова, жена бухгалтера Айкыранского сельсовета, тогда председателя ревкома, который также участвовал в работе труппы, исполняя обязанности сфюлера. Женщины выступали инкогнито, скрывая от всех свое имя.

Халимахан Гафурова, теперь мать многочисленного семейства, награжденная медалью за материнство, много поработала в те годы, борясь за сложение нового быта и новых отношений в семье. Оставаясь беспартийной, она постоянно выступала как агитатор среди женщин, обучала их грамоте в школе ликбеза, устраивала „красные свадьбы“ (кзыл-той) комсомольцев.

К общественной работе ее привлек муж, и это являлось свидетельством новых отношений между мужем и женой, немислимых в старой патриархальной семье.

Не безболезненно протекал процесс раскрепощения женщин в кишлаках, где позднее образовался колхоз им. Сталина. Огромные препятствия пришлось преодолеть айкыранским женщинам в упрочении своих законных прав, данных им Советской властью.

Приобщение женщин к общественной и производственной жизни, отказ от затворничества, от паранджи вызывали резкое противодействие всех реакционных элементов и идущих у них на поводу отсталых людей селения.

Особенно крепко держались старые порядки в семьях богачей и представителей духовенства. Здесь культивировался взгляд на женщину, как на существо слабое (заиф), низкое, по природе своей призванное быть в подчинении у мужчины, недостойное занять равное с ним место в семье и обществе. Всякая попытка женщины выйти на общественную арену расценивалась как поругание традиций, великий грех, нарушение установленных исламом законов. Отсюда эти взгляды проникали и в бедняцкие семьи.

Когда советский строй стал расшатывать затхлые патриархальные порядки, вовлекать все население Средней Азии, в том числе и женщин, в производственную и общественную жизнь, воспитывать в трудящихся массах политическую активность, когда был провозглашен лозунг Худжума — наступления на старый быт, — сторонники последнего под влиянием реакционного духовенства делали яростные

попытки помешать проникновению в быт узбекского народа всего нового и, в первую очередь, воспрепятствовать раскрепощению женщин. Распространяя вокруг женщин, снявших паранджу, грязные сплетни, враги советского народа стремились создать отрицательное отношение к ним. Боязнь этого, создававшегося реакционными элементами „общественного мнения“ была основной причиной, почему не только в двадцатых, но отчасти и в тридцатых годах многие женщины не решались сбросить паранджу. Пересуды, сплетни в ряде случаев приводили к тому, что мужчины — отцы и мужья, а иногда и братья, оказывали давление на сбросивших паранджу женщин и вынуждали их вернуться к затворничеству. Смело ходили с открытыми лицами только активистки, а также матери и часто жены активистов — коммунистов и комсомольцев. Но и они опасались вечерами выходить в одиночку на улицу. Кенджаби Хайтматова, Марьямхан Сабирджанова, Турсуной Тулябаева и другие активистки того времени рассказывают, что когда они бывали со своими мужьями или сыновьями на „семейном кружке“ и поздно вечером возвращались домой, то шли большой группой, в которой были и вооруженные мужчины.

Коммунисты и комсомольцы, сплотив вокруг себя всех передовых людей кишлака, активно боролись против старого быта. В этой борьбе особенно проявил себя Тургун Мирбабаев, один из первых комсомольцев, а позднее коммунистов Айкырана.

Чувствуя силу советского государства, зная, что за ними зорко следят коммунисты и комсомольцы Айкырана, враги раскрепощения женщин не решались на открытые выступления. В Айкыране не было среди женщин жертв, как это имело место в соседнем кишлаке Мучум (ныне колхоз им. Молотова). В 1927 г. там погибла от руки классовых врагов упоминавшаяся выше активистка Зульфия Кукибаева. Убийцы, чтобы скрыть следы своего преступления и создать видимость самоубийства, повесили ее в ее же дворе.

Переломным моментом в раскрепощении женщин, а вместе с тем и в истории айкыранской семьи, были годы организации колхоза. Женщины из семей бедняков, в дореволюционное время вдоволь испытывавшие нужду и лишения, явились горячими сторонниками организации колхоза.

Одними из первых вступили в колхоз Зухраби Хамдамова, активная участница колхозного производства до последнего времени; Халияби Юсупбаева (по мужу Казакова), многие годы бывшая бригадиром и лучшей сборщицей хлопка в колхозе (умерла в 1942 г.); Улгай Дедабаева (Киргизова), еще до организации колхоза вступившая в ряды ВЛКСМ, многие годы работавшая бригадиром хлопководческой бригады. Вместе со своим первым мужем Тургунбаем Дедабаевым, бывшим батраком, Улгай Дедабаева вступила в колхоз в самом начале его организации. Одновременно с ней вступили в колхоз Хасилот Байханова, активистка, выдвинувшаяся впоследствии на руководящую работу и бывшая ряд лет председателем Айкыранского сельсовета; Шакарби Кульбаева (Камилова), в течение многих лет являвшаяся лучшей сборщицей хлопка в колхозе; Назирахан Рустамова, коммунистка, в настоящее время член правления колхоза, бригадир хлопководческой бригады, и многие другие. Особо следует отметить Иноят Камиллову (родилась в 1885 г.) и Салию Тайрову (Джумабаеву; родилась в 1882 г.). Обе эти, теперь пожилые, женщины в первые годы существования колхоза проводили большую работу по вовлечению в колхоз женщин. Они по-соседски заходили в дома, агитировали женщин вступать в колхоз. На полях они организовывали

вали женские бригады для уборки хлопка, жатвы пшеницы. Салия Таирова считалась руководительницей женщин колхоза, почему она до сих пор известна под прозвищем Салия-раис (Салия-председатель).

Активное участие женщин в производстве в условиях ведения коллективного сельского хозяйства, равноправие в труде и оплате за труд оказали огромное влияние на общественное и семейное положение женщин-колхозниц. В колхозном строе нашли блестящее подтверждение замечательные слова Ф. Энгельса: "...освобождение женщины предполагает своим первым предварительным условием возвращение всего женского пола к общественному труду"¹.

Активное участие женщин в общественной и производственной жизни колхоза сделало их равными с мужчинами не только по закону, но и фактически.

И. В. Сталин в своей известной речи на съезде колхозников-ударников подчеркнул, что только колхозный строй обеспечивает равноправие женщины-крестьянке: "Что касается самих колхозниц, то они должны помнить о силе и значении колхозов для женщин, должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчинами. Без колхозов — неравенство, в колхозах — равенство прав"².

Конституция СССР закрепила величайшее завоевание революции — освобождение трудящейся женщины. Статья 122 Конституции гласит: "Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни".

Однако осуществление своих прав далось женщинам Айкырана не без борьбы.

Во многих семьях отцы, мужья, свекры категорически запрещали женщинам ходить на собрания, посещать занятия женских групп в школах ликбеза, хотя большинство женщин кишлака ходило туда в парандже. По словам Салии Таировой, многие женщины даже на полевые работы выходили в паранджах. Несмотря на то, что в колхозах были организованы специальные женские бригады, во многих семьях мужчины противились выходу своих жен, сестер и матерей на полевые работы, всеми силами старались удержать их дома, препятствовали появлению их в обществе мужчин. В этих настроениях мужчин поддерживали и многие женщины пожилого возраста, воспитанные в безропотном подчинении законам ислама. Под влиянием пропаганды духовенства и ревнителей старых обычаев, каковыми были в первую очередь все богачи селения, начались нелады во многих семьях. Женщины-активистки даже в своей семье подвергались всевозможным оскорблениям; им угрожали, требовали от них беспрекословного подчинения. Многие мужчины не могли примириться с тем, что их жены, дочери, сестры участвуют в общественной жизни кишлака.

В колхозе многие и сейчас помнят, какие конфликты происходили в 1935 г. в семье одной из первых учительниц школы ликбеза, которая, быстро освоив новый латинизированный алфавит, стала работать в женской группе. Ее муж был крайне недоволен ее работой в школе, несмотря на то, что она ходила туда в парандже, преподávalа женщинам и строго соблюдала запрет показываться посторон-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1937, стр. 70.

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 420.

ним мужчинам. Она подвергалась брани и оскорблениям, муж пытался настроить против нее детей, всячески черня ее в их глазах. Колхозницы рассказывают также об одной ударнице, которая была в те годы премирована и должна была получить свою премию на общем собрании колхоза. Ее свекор, не желая, чтобы она показалась перед колхозниками с открытым лицом, запретил ей получать премию, пообещав подарок, не менее ценный. Чтобы избежать раздора в семье, молодая женщина отказалась от получения премии.

Только настойчивая, непрекращающаяся работа по раскрепощению женщин могла победить сложившиеся исстари предрассудки. В 1938 г. районный комитет партии отметил недостаточность культурно-политической работы в колхозе им. Сталина, ослабление бдительности его партийной организации и явившееся следствием этого усиление отсталых традиций, возврат многих женщин к парандже, отход их от общественной жизни. Вскрыв конкретные факты отсталого отношения к женщинам со стороны членов колхоза и даже со стороны отдельных комсомольцев и коммунистов, райком обязал первичную партийную организацию колхоза „вести постоянно неослабную работу по действительному раскрепощению женщин“¹. Это решение сыграло большую роль в оживлении и усилении работы среди женщин колхоза им. Сталина.

В борьбе за раскрепощение женщин велика была роль издававшейся тогда колхозной многотиражки „Сталинчи“. В статьях, которые там печатались, критиковались и выставлялись на общественный суд конкретные носители отсталых взглядов на женщину. В этих статьях указывалось, что в колхозе нашли себе убежище муллы, имамы и ишаны, которые настраивают колхозников против участия женщин в общественной жизни, агитируют население за сохранение старых обычаев и выполнение религиозных обрядов.

В газете „Сталинчи“ № 17 за 1938 г. была помещена заметка под заглавием „Рыслыкхан нуждается в помощи“. В ней рассказывалось о судьбе молодой колхозницы Рыслыкхан, которая, прожив семь лет со своим мужем Усманом Атабаевым, мало видела от него хорошего. Он издевался над ней, не позволял ей учиться. Рыслыкхан все же поступила в школу ликбеза и после успешного окончания учебы была назначена заведующей детским садом колхоза. Это вызвало резкий протест мужа. Он обвинил Рыслыкхан, без всяких на то оснований, в измене и в конце концов заставил ее уйти с работы и опять надеть паранджу.

В той же газете, в № 15 за 1938 г., критике подвергся бригадир колхоза Таджибай Казаков. В заметке сообщалось, что он уже два месяца не пускает свою жену Хукуматхан в школу, пригрозив ей дать развод в тот день, когда она пойдет на занятия. Разоблачая поборников женского затворничества, газета призывала общественность колхоза встать на защиту прав женщин и ее свободы.

Раскрепощение женщины, обусловленное законами советского социалистического государства и самим существом колхозного строя, не могло быть остановлено происками его врагов. Женщины колхоза им. Сталина все больше вовлекались в производство и общественную жизнь, все больше повышался их культурный уровень.

Великая Отечественная война поставила перед женщинами задачу заменить своим трудом ушедших на фронт мужчин, не допускать ослабления в работе колхоза. Многие женщины были привлечены не

¹ Постановление райкома было опубликовано в колхозной многотиражке „Сталинчи“, № 15, 1938 г.

только к рядовой работе на полях, но и на посты звеньевых, бригадиров, членов правления. Заместителями председателя колхоза были избраны: в колхозе им. Сталина — Сабирахан Муллабаева, в колхозе Байнальмиляль — Назирахан Рустамова, в колхозе Кзыл Октябрь — Халихан Туляматова. Многие женщины — Аминахан Убайдуллаева, Хасилот Байханова, Халияби Юсупбаева (Казакова), Тутихан Каримова, Улгай Дедабаева и ряд других были назначены бригадирами полеводческих бригад. Почти все они являлись членами Коммунистической партии или комсомола и еще раньше принимали активное участие в работе колхоза. Большинство из них до сих пор находится на руководящей работе в колхозе и хорошо справляется со своими обязанностями. Так, например, Сабирахан Муллабаева ныне является председателем Айкыранского сельсовета, Халихан Туляматова заведует детским садом и яслями колхоза, Назирахан Рустамова и Аминахан Убайдуллаева работают бригадирами хлопководческих бригад.

Активно участвовала в полевых и прочих колхозных работах и вся масса женщин-колхозниц, действительно превратившихся в большую силу и на своих плечах вынесших тяготы военного времени.

В годы войны завершилось осознание всей массой колхозников той роли, которую должна играть в колхозе женщина; активно участвуя в общественной жизни, колхозницы полюбили производственную работу, оценили ту независимость, которую дает им самостоятельный заработок.

СОВРЕМЕННАЯ КОЛХОЗНАЯ СЕМЬЯ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕЕ ЧЛЕНАМИ

В колхозе им. Сталина к 1951 году насчитывалось 1017 семейств. Основная масса населения колхоза — узбеки; они составляют 90% всего населения и являются коренными жителями этого колхоза. Кроме узбекских семейств, в колхозе живет 20 семей киргизских, 10 русских, 5 люли (местных цыган), 20 татарских, 3 семьи таджикских и 2 корейских. Имеются еще несколько семей со смешанным национальным составом.

По численности колхозные семьи различны. Наиболее типичны семьи, состоящие из 5—6 человек. Наряду с ними в колхозе есть семьи, насчитывающие по 10—12 человек и больше, и семьи, состав которых не превышает 3—4 человек.

За годы советской власти в колхозе сложились семьи местной сельской интеллигенции (учителей, агрономов, зоотехников, работников партийных, торговых организаций и культурно-просветительных учреждений), а также семьи технических работников (монтеров, шоферов, трактористов, мастеров-строителей и т. д.).

Несмотря на некоторые различия в материальных условиях, определяющиеся долей участия той или иной семьи в работе, а следовательно, и в доходах колхоза, все они представляют собой единый тип советской семьи, в отличие от дореволюционных семей, когда непроходимая грань отделяла семьи богачей от всей эксплуатируемой массы бедняков селения.

Изменение в положении женщины после организации колхозов оказало непосредственное влияние на весь строй колхозной семьи. Глубокий процесс ломки старых семейных отношений и сложения социалистических отношений охватил все колхозные семьи, принципиально изменив самую их сущность. Несмотря на то, что этот процесс еще не вполне завершился и в колхозе есть еще семьи, сохраняющие, вследствие своей неразделенности и соблюдения традиционного этикета, видимость старой патриархальной семьи; несмотря на то, что именно в области семейного быта больше всего гнездятся пережитки феодализма и капитализма, — можно смело сказать, что все колхозные семьи коренным образом отличаются от старой патриархальной семьи. Черты формирующейся советской семьи уже сейчас полностью определились.

В отличие от старой семьи, эта семья основана на взаимном расположении и уважении супругов, на равных правах мужа и жены,

на полном равноправии и дружественных взаимоотношениях всех членов семьи, связанных общими материальными и духовными интересами.

Одним из главных отличий новой семьи является основанное на равенстве между мужем и женой высокое положение, которое заняла в ней женщина — жена, мать, хозяйка дома.

Активное участие женщин в производственной и общественной жизни колхоза, равноправие в труде и оплате за труд, признание общественностью труда женщины равным труду мужчин сыграли решающую роль в изменении судьбы женщины и определили ее почетное положение как в обществе, так и в семье.

Работая на колхозных полях, женщины, как правило, не уступают своим мужьям в заработке, иногда даже вырабатывают больше трудодней, чем мужья, и сообразно этому больше зарабатывают. В колхозе немало женщин, которые перевыполняют норму сбора хлопка в полтора-два раза и собирают в сезон 8—10 т хлопка-сырца. В 1950 г. Хайрихан Исамеддинова, звеньевая, выработала 348 трудодней, в то время как ее муж, рядовой колхозник, — 201; Рыслыкой Турдыева, тоже звеньевая, выработала 400 трудодней, а ее муж, арбакеш — 300; Шакарби Кульбаева (Камилова), знатная сборщица хлопка, выработала 449 трудодней; муж ее, Норматали Камилов, бригадир зерноводческой бригады, — 360. Назирахан Рустамова, бригадир хлопководческой бригады, выработала 490 трудодней; Шаранат Атаханова, рядовая колхозница, — 460; Тугмахан Рузматова, рядовая колхозница, еще совсем молодая девушка, выработала 450 трудодней и т. д.

Участие женщин в общественном производстве дало им экономическую независимость, — в бюджете каждой семьи доля женщин занимает значительное место. Экономическое равенство жены и мужа сделало их равными и во всем остальном. Жена наравне с мужем является хозяйкой дома. Она принимает активное участие в хозяйственных делах семьи, ни одно серьезное семейное дело не решается без ее согласия. С ее ведома и по ее инициативе приобретаются для дома обстановка, дорогие вещи. Шакарби, жена Норматали Камилова, самостоятельно, иногда с сыном, ездит в город Наманган, где покупает для хозяйства и членов семьи необходимые вещи. В тех случаях, когда приобретает что-либо для дома муж, он предварительно советуется с женой.

Нередко жена является полной хозяйкой дома, сама распоряжается семейным бюджетом, как это имеет место в семьях Сабирахан Муллабаевой, учителя Ахмеджана Ташбаева (он всю свою зарплату всегда отдает жене), упоминавшегося выше Норматали Камилова и других. Не говоря уже о тех случаях, когда женщина становится главою семьи, потеряв мужа (таких семей после войны в колхозе немало), часто и при наличии мужа она фактически является в семье руководящей силой. Особенно это касается тех семей, где женщина занимает ответственное и почетное место в колхозном производстве. К ним относится, например, Аминахан Убайдуллаева (по мужу Нишанбаева), коммунистка, бригадир хлопководческой бригады, депутат сельсовета, член женсовета, народный заседатель, активно работающая в колхозе с небольшим перерывом с 1934 г., со времени окончания ею семилетней средней школы. Такое же положение занимает в семье Назирахан Рустамова, бригадир хлопководческой бригады, член правления колхоза. Вступив в члены колхоза еще в тридцатых годах, она в военные годы была избрана заместителем председателя колхоза Байнальмиляль. Инициативная и энергичная,

Назирахан много внимания уделяет общественной работе. Она член партии, депутат сельсовета, член правления колхоза им. Сталина.

Видное общественное место в колхозе занимают Хасиятхан Халтураева, член партии, бригадир шелководческой бригады, депутат сельсовета; Хайрихан Исамеддинова, в продолжение нескольких лет являвшаяся звеньевой хлопководческой бригады, теперь — воспитательница детсада; Сабирахан Муллабаева — председатель Айкыранского сельсовета, член партии. Начав свою трудовую деятельность учительницей, Сабирахан позже работала бригадиром хлопководческой бригады, заместителем председателя колхоза им. Сталина, техническим секретарем партийной организации, парторгом, членом райкома, руководила работой женсектора Чартакского райкома партии. Проявила себя на производственной и общественной работе заведующая детским садом и яслями, член партии Халихан Туляматова. Одно время она возглавляла хлопководческую бригаду, потом была заместителем председателя колхоза „Кзыл Октябрь“, председателем женсектора райкома партии. Таких женщин в колхозе немало.

Роль и влияние женщины в семье с каждым годом растет и крепнет. Это относится не только к пожилым, но и к молодым женщинам и даже девушкам, многие из которых занимают почетное положение в колхозе. К таким относятся учительница Таджихан Каримова (родилась в 1928 г.), колхозница Тугмахан Рузматова (родилась в 1931 г.) и многие другие.

Таджихан Каримова, дочь колхозника Карима Мухаммедиева, работает в школе с 1947 г. В семье она — основной работник, на ее иждивении старики-родители, двое маленьких сыновей, сестра-школьница. Таджихан заслужила всеобщее уважение своим трудолюбием, скромностью, добросовестным отношением к работе. Это уважение выразилось в избрании ее депутатом сельсовета и народным заседателем Чартакского районного суда.

Хасиятхан Халтураева с дочерью.

Тугмахан Рузматова, рядовая колхозница, собирает по 150—200 кг хлопка в день. Когда ее старший брат был на действительной военной службе, она являлась основным работником в семье. По возвращении брата Тугмахан предоставила ему свои сбережения для устройства пышной свадьбы. На следующий год Тугмахан помогла устроить свадьбу и младшему брату. Проявление со стороны девушки небывалой раньше в практике селения самостоятельности, оказание материальной помощи братьям вызвали в колхозе много разговоров и всеобщее одобрение. В настоящее время вся семья: Тугмахан, мать, оба женившиеся брата со своими женами и младший братишка-школьник продолжают жить вместе. У них общий бюджет, общий котел. Во главе семьи стоит старший брат Турахан, который работает в колхозе табельщиком. Почетное место в семье попрежнему занимает и Тугмахан.

Немало родителей находятся на иждивении своих дочерей, которые продолжают их поддерживать и после своего выхода замуж. Так, Тохтахан Иноятова, рядовая колхозница, содержала свою мать, которая разошлась с мужем, до последних дней ее жизни.

Подобные явления кажутся сейчас обычными и вполне нормальными; однако это стало возможным для узбекской женщины лишь в советское время, в условиях колхозной жизни, когда женщина стала экономически независимой, самостоятельной. В дореволюционной узбекской семье жена сама была иждивенкой и, не являясь хозяйкой дома, всецело зависела от мужа. Она не имела никаких возможностей помогать своим родителям, как бы они ни нуждались. По рассказам пожилых людей, в те годы нередко были случаи, когда женщина, овдовев и не имея средств к существованию, была принуждена обратиться за помощью к замужней дочери, вернее, к ее мужу. Зять обычно не отказывался кормить тещу, но при условии, чтобы она жила у него в доме и работала, фактически превращаясь в служанку.

В настоящее время женщина, зарабатывая на колхозной работе и самостоятельно распоряжаясь своим заработком, в состоянии, не хуже чем мужчина, взять на себя заботу о престарелых родителях. В связи с этим сейчас нередко случаи, когда девушка, выходя замуж, вопреки старой традиции, остается жить в отцовском доме, со своими родителями, которых она содержит, и ее муж переселяется к ней.

* *

Особенностью современной семьи являются новые взаимоотношения всех ее членов, основанные на равноправии и уважении друг к другу. Особенно следует отметить супружеские отношения, скрепленные высокими чувствами любви и дружбы, строящиеся на товарищеской помощи друг другу.

Установление между супругами таких, совершенно новых, небывалых и немыслимых в патриархальной семье товарищеских отношений является одной из самых характерных черт современной семьи. Они стали возможными только в советское время, благодаря признанию мужчинами равноправия женщины. Эти отношения вносятся в семейную жизнь, несомненно, под влиянием коллективной производственной жизни колхоза, где товарищеские взаимоотношения и взаимопомощь лежат в основе труда. Товарищеские отношения между супругами выражаются в том, что не только жена мужу, но и муж жене оказывает всевозможную помощь и моральную поддержку. Женщины в старой семье по своему положению должны были прислужи-

вать мужчинам, проявлять преувеличенные заботы об их удобствах. Муж, наоборот, должен был, по требованиям „хорошего тона“, почти не замечать своей жены. Теперь услуги, оказываемые женой мужу, носят характер товарищеской помощи, хотя следует сказать, что их обязательность в некоторых семьях свидетельствует о стремлении сохранить действительное или хотя бы видимое главенствующее положение мужа.

Новым в жизни узбекской колхозной семьи является товарищеская помощь мужа жене, выражающаяся в том, что, работая наравне с ней в колхозном производстве, он берет на себя и часть домашних дел, раньше лежавших исключительно на женщине. И эти новые отношения следует оценить в высшей степени положительно, как свидетельство действительной перестройки под влиянием советской идеологии семейных отношений и самого сознания колхозников. Семей, в которых такие отношения установились прочно, в колхозе им. Сталина немало. Так, например, муж звеньевой Хайрихан Исамеддиновой Джурабай проявляет большое внимание к ней и постоянно оказывает ей помощь и дома по хозяйству, и по работе в поле. Так же поступают и некоторые другие мужья, особенно в разгар полевых работ, когда колхозницы, работающие на далеких полях, не возвращаются домой ночевать. В таких случаях мужья, освободившиеся раньше, нередко приносят своим женам на поле горячий ужин.

Такое внимание и товарищеская помощь, которые обычно бывают взаимными, еще не всеми в колхозе правильно понимаются и воспринимаются. Есть еще отдельные представители старшего поколения, расценивающие такое отношение мужа к жене как умаление достоинства мужчины. Они говорят, что современные мужья стали слугами (малай) своих жен. Однако пересуды и ядовитые намеки, говорящие о сохранении частью колхозников старых предрассудков и пережитков прошлого, чаще всего не достигают своей цели.

Следует заметить, что в большинстве случаев женщины, которым мужья оказывают внимание и товарищеские услуги, не злоупотребляют этим. Нередко в домашней обстановке они проявляют к своим мужьям еще большее внимание, окружают их заботой, ухаживают за ними.

Быть может по традиции, они подают мужьям воду для умывания, полотенце, чтобы вытереться; мужу первому подается еда, постилается постель и т. д. Жена придерживается в отношении мужа почтительного тона (обращается к нему на вы, в то время как он к ней на ты). Вследствие этого у постороннего наблюдателя может создаться впечатление о якобы привилегированном положении мужа и о подчиненном положении жены. Однако это внешнее проявление внимания к мужу со стороны жены вовсе не свидетельствует о ее приниженном положении. Яркой иллюстрацией этого является уже охарактеризованная выше семья Шакарби и Норматали Камиловых. Несмотря на то, что Шакарби чрезвычайно внимательна к своему мужу и не нарушает в отношении его традиционного этикета, равноправие жены и мужа в этой семье реально, всем очевидно. Жена совершенно самостоятельна и является полной хозяйкой и большей распорядительницей по дому, чем муж. Между супругами установились прочные отношения любви и дружбы.

Влиянием старых традиций объясняется тот факт, что во многих семьях, даже в тех, где жена занимает более ответственную должность, чем муж, и является основным работником в семье, все еще не ей, а мужу предоставляется преимущественное право распоряжаться бюджетом семьи.

В состав современной семьи иногда входят родители мужа, реже жены. Это бывает в тех случаях, когда семьи живут неразделенными или когда родители отделившихся сыновей или дочерей, становясь нетрудоспособными, переходят к детям. Старики являются в семье полноправными членами и пользуются должным уважением и вниманием, не сохраняя, однако, обычного для старой семьи главенствующего положения и не требуя от остальных безусловного подчинения.

Особенно сильно изменились в современных колхозных семьях отношения между свекровью и невесткой. От характерной для патриархальной семьи власти свекрови над невесткой, приводившей к враждебности между ними, не осталось и следа. Вместо прежней неприязни между свекровью и невесткой нередко устанавливаются доброжелательные, дружеские отношения, построенные на взаимной помощи. В колхозе немало семей, где свекровь, видя, что невестки день-деньской трудятся на колхозных полях или работают в учреждениях и школах, сама отстраняет их от домашних дел, особенно в разгар полевых работ.

Так, исключительно хорошие отношения сложились между Халихан Туляматовой, заведующей колхозным детским садом и яслями, и ее свекровью Кенджаби Хаитматовой. Халихан занята не только служебными делами, но и общественной и партийной работой. Зато она совершенно освобождена от домашних дел. Кенджаби, несмотря на свой преклонный возраст, полностью избавила ее от забот по домашнему хозяйству. Особенное внимание стали оказывать Халихан все члены семьи после того, как у нее родился сын.

Не менее хорошие отношения сложились между свекровью и невесткой в семьях звеньевой Рыслыкой Турдыевой, учителя Ахмеджана Ташбаева и других.

Даже в семьях, сохранивших некоторые черты патриархальности, в корне изменилось отношение свекрови к невесткам. Эта перемена объясняется самостоятельным, независимым положением невестки в обществе. При современных условиях жизни в колхозе все трудоспособные женщины активно участвуют в общественном труде, поэтому во всех семьях, где имеются пожилые женщины, освобожденные от участия в колхозном производстве, домашние работы ложатся, естественно, на них. Они убирают дом, пекут лепешки, готовят пищу, ухаживают за детьми, т. е. делают то, что раньше входило в обязанности невестки. Такое положение считается большинством колхозников вполне нормальным и не вызывает никаких семейных недоразумений и неполадок.

Нельзя, однако, не отметить, что в колхозе во время работы экспедиции имелись еще отдельные отсталые семьи, где не было изжито одно из зол патриархальной семьи — неприязненные взаимоотношения свекрови с невесткой и отсталый взгляд на последнюю, как на даровую домашнюю прислугу. В этих семьях старики не препятствовали, да и не могли препятствовать невестке участвовать в работах колхоза. Однако они не отказались еще от того мнения, что для нее колхозные интересы не должны играть главенствующей роли, дом и семья должны быть на первом месте, все остальное — на втором. В таких семьях иной раз случалось, что в то время, когда невестка должна была идти в поле, ей предлагали остаться дома и выполнить те или иные домашние дела. Старики не всегда считались с тем, что их невестка является членом колхоза и что она не имеет права срывать работу. На этой почве происходили иногда разногласия, которые приводили в особо серьезных случаях к распаду семьи. Современные

невестки — не прежние забытые, несчастные „келины“, безропотно терпевшие гнет мужа и свекрови, — они знают свои права и могут защитить себя, отстаивать свои личные и колхозные интересы.

При неладах между свекровью и невесткой обычно дело кончается отделением молодых. Если муж не поддерживает своей жены, а тем более придерживается тех же отсталых взглядов, что и родители, молодая женщина, не желая лишаться свободы, предпочитает разойтись с мужем. Она пользуется в таких случаях предоставленным ей советскими законами правом на расторжение брака.

Однако число разводов на этой почве с каждым годом уменьшается. Это объясняется отчасти изменениями, происходящими в психологии старшего поколения, но главным образом — ростом сознательности мужской молодежи, которая уже не поддерживает отсталых взглядов стариков и защищает права и интересы жены.

Наряду с равенством в правах между мужем и женой, характерным для новой семьи, равноправное положение занимают в ней взрослые дети, в старой семье находившиеся в полном подчинении у родителей, особенно у отца. Зарабатывая в колхозе, имея свои собственные доходы, взрослые дети не зависят теперь от своих родителей материально, их связывают лишь взаимная привязанность и уважение.

К отношениям между родителями и детьми, как они сложились в колхозе им. Сталина, можно целиком и полностью отнести замечание, сделанное М. И. Калининым в одной из его статей: „Молодежь Советского Союза находится в очень благоприятных условиях для физического и духовного развития. Семейная обстановка, отношения между детьми и родителями настолько изменились к лучшему, что никакому сравнению не поддаются — они значительно продвинулись к социализму.

В капиталистическом мире эти отношения черствы и эгоистичны, грубы и жестоки, а у нас они очеловечились в лучшем смысле этого слова. Вероятно, этому много способствует равноправие женщин¹.

Уважением пользуются не только родители со стороны детей, но и дети со стороны родителей, в особенности дети, выделяющиеся своими личными качествами, одаренностью или по своему умственному развитию стоящие выше других членов семьи. Внимание к возросшим духовным интересам детей, которые в той или иной степени разделяют с ними и их родители, заботы об удовлетворении культурных запросов и потребностей детей, оказание им в этом поддержки, безусловно, поднимают моральный и культурный уровень всей семьи.

Бликие, дружеские связи между родителями и детьми продолжают обычно и после того, как последние становятся взрослыми и вступают на самостоятельный жизненный путь, обзаводятся своей семьей или уезжают из родного селения.

Подчеркивая свое уважение к родителям, дети называют их на вы, никогда им не возражают. В тех случаях, когда взрослые дети не согласны с мнением или желанием родителей, они стараются воздействовать на стариков косвенным путем, нередко прибегая к посредничеству какого-нибудь уважаемого лица. Этот пережиток патриархальных отношений иногда ведет к тому, что дети, боясь обидеть родителей, отказываются от проведения своих более передовых, прогрессивных взглядов, выполняют отсталые, вредные обычаи.

Особенно почтительно отношение к отцу. Привитое с детства, оно поддерживается общественным положением отца, и любовь к нему

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании, изд-во „Молодая гвардия“, М., 1947, стр. 29.

сравнительно редко приобретает характер интимной дружбы. Обычно мать ближе детям. Хотя обращение с матерью более непринужденно, в нем меньше показного уважения, дети, как правило, ее больше ценят и ею дорожат. Последнее касается не только дочерей, но и сыновей, для которых нередко мать является самым дорогим и близким человеком.

Очень часто между детьми и матерью существует тесная дружба. Задушевные взаимоотношения сложились между Сарахан Мурадовой, ее замужней дочерью Духтархан и сыном студентом Маликом; между молодой колхозницей Таджихон Турабаевой и ее матерью Норихан, у которой Таджихан является единственной дочерью; между колхозным поэтом Мирзокаюмом Мирзокаримовым и его матерью Тохтахан: ей первой читает он свои стихи, делится с ней своими мыслями, ищет у нее совета. Особо следует отметить дружбу А'лохона Газибаева, преподавателя литературы в колхозной школе-десятилетке, с его престарелой матерью. Их связывает не только любовь, но и общность интересов. Оба они очень любят поэзию и сами пишут стихи. Тонкий интеллект Тохтахан Газибаевой позволяет ей прекрасно понимать душевные переживания сына.

О глубокой привязанности к родителям свидетельствуют письма и стихи, в которых отражены чувства бесконечной благодарности к родителям за их внимание и заботы. Характерно в этом отношении письмо Орунбая Норматова, уехавшего на учебу в Ташкент. Он посылает привет отцу, „превратившему своим трудом пустыни в цветущий оазис“, и матери, „вскормившей его своим белым молоком“. Из стихов, посвященных родителям, наиболее характерно уже упоминавшееся нами большое лирическое стихотворение, написанное А'лохоном Газибаевым к шестидесятипятилетию матери.

СЛОЖЕНИЕ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ

Изживание патриархальных отношений выражается и в изменении способа сложения семьи. Если в старой семье такие важные вопросы как вступление в брак решались без ведома и участия молодых, то в современной семье свою судьбу определяют сами молодые люди, вступающие в брак.

Жизнь показала, что те семьи крепки и счастливы, которые создаются молодыми людьми сознательно и обдуманно, по личной склонности, в таком возрасте, когда вступающий в брак может отнестись к семейным вопросам с должной серьезностью и ответственностью.

Сложение семьи по доброй воле вступающих в брак, по их согласию и взаимному выбору в настоящее время в изучаемом колхозе обычное явление. Насильственные, принудительные браки, широко бытовавшие до революции, стали невозможны уже с 1927 г., с момента организации в районе ЗАГСа¹. С этого времени все без исключения браки регистрируются в ЗАГСе, при обязательном присутствии обоих брачующихся — жениха и невесты. Они должны засвидетельствовать свое согласие на вступление в брак, и работники ЗАГСа следят за тем, чтобы оно не было формальным, как это имело место при совершении религиозного обряда „никох“, в который входит испрашивание согласия жениха и невесты, при полном игнорировании их действительной воли. Интересно отметить, что в изучаемом колхозе, как и в других местностях Ферганской долины, население называет ЗАГС словом „холадим“, что означает „я желаю, я хочу“. Это меткое народное название как нельзя лучше отражает сущность этого учреждения, где действительно совершаются браки по желанию, по согласию.

Бывали случаи, когда браки, подготовленные старшими родственниками, ЗАГСом не оформлялись из-за отказа одной из брачующихся сторон, обычно невесты.

Следует отметить, что в некоторых семьях, сохраняющих остатки патриархальности, до сих пор желание родителей продолжает играть большую роль в решении вопроса о браке их детей. Однако несмотря на то, что инициатива сохраняется в руках родителей, их влияние никак не может быть отождествлено с неограниченной властью родителей в дореволюционной семье. Если они, желая женить сына или выдать замуж дочь, и проявляют активность в подыскании не-

¹ В первые годы после победы Октября вопросы, связанные с браком, в сельских местностях решались в ревкоме.

сты или жениха, то обычно их роль ограничивается тем, что они предлагают ту или иную кандидатуру, и от доброй воли брачующихся зависит согласиться или отказаться.

Подобный способ заключения браков, когда значительная роль в выборе жениха или невесты принадлежит родителям, бытует еще в изучаемом колхозе, но он уже не является характерным для молодого поколения. У молодежи свои духовные потребности, интересы и желания. Современная молодежь, в разрез с традициями, берет инициативу в свои руки, избирая свободный путь личного выбора, брака по взаимному влечению, причем, конечно, родители остаются первыми советчиками.

Запросы в отношении выбора себе пары сильно возросли, и это, безусловно, свидетельствует о повышении культурного уровня населения колхоза. Теперь учитываются не только внешняя привлекательность и положение в колхозе жениха и невесты, но и их духовные качества.

Тяжкое наследие феодального прошлого выражается до сих пор в том, что юноши, по наблюдениям, часто являются более развитыми, чем девушки. Среди девушек колхоза не многие имеют достаточное образование, и большинство отстает в своем развитии от юношей. Хотя в школу поступают все девочки, сравнительно немногие из них окончили десятилетку, большинство девушек ограничивается семилетним образованием, и в дальнейшем они мало работают над собой.

Интересно отметить совершенно новую черту, характерную для многих представителей мужской колхозной молодежи: желание иметь жену — не просто хорошую, трудолюбивую хозяйку — идеал многих родителей, — а друга, товарища, понимающего культурные запросы мужа. Если жена не в состоянии отвечать этим требованиям, нередко наступают разочарование и неудовлетворенность.

Примеры неудачных браков заставляют молодежь серьезно относиться к важному жизненному шагу — предстоящей женитьбе. В этом отношении характерны переживания одного молодого человека, окончившего высшее учебное заведение и обдумывавшего свою будущую личную жизнь. Он не без душевной тревоги задумывался над выбором подруги. Очень культурный, развитой, одаренный, он любит музыку, поэзию и сам пишет стихи. Естественно его желание найти себе такую жену, которая отвечала бы его культурным запросам, по своему развитию подходила бы ему.

Такой серьезный, вдумчивый подход к вопросу подыскания подруги жизни не является исключением.

Не менее серьезно относятся к браку своих детей и многие родители. Жизнь на каждом шагу заставляет их убеждаться в том, что, несмотря на большой жизненный опыт родителей, вмешательство в брачные дела детей не дает хороших результатов. Старшее поколение начинает понимать, что для современной семейной жизни недостаточно общих благоприятных данных, — необходима взаимная любовь, дружба, уважение супругов друг к другу, в противном случае брак становится в тягость не только для самих брачующихся, но и для окружающих.

Примеров тому немало. В семье одного руководящего работника колхоза женили старшего сына, едва достигшего совершеннолетия, на девушке, которая была ему безразлична. Своим семейным положением он тяготился, и через пять лет молодая чета разошлась. Не возражали против развода и родители, раскаявшиеся, что женили сына по старинке. Впоследствии он женился по своему выбору.

Разошелся со своей молодой женой старший сын колхозного мастера-строителя, женившийся по желанию и выбору родителей. Семейная жизнь у молодых не ладилась. Родители поняли, что если за три года отношения между сыном и его женой не сложились, то и в дальнейшем никакие родительские уговоры и советы не помогут.

Примеры таких молодых семей, распавшихся вследствие того, что вступающие в брак руководствовались только желанием родителей, порождают новое отношение к этому вопросу в народе.

Многие родители теперь придерживаются того мнения, что выбор жениха или невесты — это прежде всего личное дело детей, и оставляют за собой только роль советчиков. Такие взгляды высказывали Сарахан Мурадова, 50 лет, Тохтахан Газибаева, 65 лет, Назирахан Рустамова, 43 лет, и многие другие пожилые колхозницы, обдумывающие судьбу своих неженатых сыновей. Они не имеют ничего против того, чтобы их сыновья женились по личному выбору, независимо и от вероисповедания, и от национальной принадлежности их избранниц. У этих матерей одно желание: лишь бы дети были счастливы в семейной жизни.

Следует, однако, отметить, что сказанное касается больше сыновей. За девушками пока еще не признается полной свободы в выборе супруга — правила приличия разрешают ей принимать или отвергать предложенные родителями кандидатуры, и лишь немногие девушки пользуются своим правом самостоятельного выбора. Однако насилие по отношению к девушкам, принудительная выдача их замуж отошли в область предания, и отдельные редкие попытки такого рода вызывают всеобщее порицание.

В сложении современной семьи имеется еще одно чрезвычайно важное и существенное изменение — повышение возраста брачующихся, на что, несомненно, оказал влияние правительственный закон, запрещающий браки несовершеннолетних. Повышение возраста брачующихся, так же как и переход к молодежи инициативы в выборе жениха или невесты вызвали коренную перемену в самом существе брака: он перестал быть сделкой, сговором родителей, превратился в свободный брачный союз, заключаемый согласно склонностям вступающих в брак.

После введения закона о возрасте брачующихся в колхозе не было случаев брака малолетних, как это имело место в дореволюционное время. Однако до сих пор браки нередко заключаются очень рано, в 17—18 лет.

В колхозе есть, к сожалению, немало людей, которые не могут еще отрешиться от старого отсталого мнения, что предельный возраст для замужества девушек — 18 лет. Девушка, перешагнувшая за 20 лет, считается ими уже засидевшейся, попадает в категорию „старых дев“ (қары қыз). Это заставляет многих родителей спешить с выдачей замуж дочери из опасения, что она может „упустить срок“, и потом ей не найдется подходящего по возрасту и по положению мужа. Некоторые питают еще и страх перед пересудами.

О чести девушек в семье заботятся не только родители, но и старшие братья, которые считают бесчестьем для себя малейший не совсем красивый намек на сестру. В этом отношении показательно письмо, присланное семье рядовым колхозником, бойцом Советской Армии Мирзокаюмом Мирзокаримовым. В этом письме отводится немало места наставлениям шестнадцатилетней сестре, скромной, доброй нравственной девушке, ударнице колхозных полей. Брат просит девушку блюсти честь семьи, быть предусмотрительной, чтобы не навлечь на себя тень неосторожным поведением.

Устройство свадьбы считается величайшей радостью в семье, несмотря на большие хлопоты и расходы, с которыми она связана. Многие смотрят на устройство свадебного пира, который справляется очень пышно, нередко с приглашением всего колхоза, как на отдачу „долга“ односельчанам, у которых приходилось попить по случаю различных семейных торжеств.

Однако стремление родителей пораньше устроить семейную жизнь своих детей часто не встречает сочувствия у последних, особенно, если они учатся. Среди молодежи, которая всегда является поборником нового, увеличивается число противников ранних браков. Многие юноши, оканчивая десятилетку, желают продолжить учение, получить специальность. Они понимают, что женитьба задержит их отъезд на учебу, послужит тормозом для достижения ими цели — стать полноценными специалистами и тем самым быть наиболее полезными своему колхозу, своей родине.

Так, например, когда в 1947 г. старший сын Мурадовых Вахабджан в возрасте 17 лет окончил десятилетку, родители предложили ему жениться. Юноша категорически отказался от женитьбы, мотивируя отказ тем, что ему необходимо еще учиться, получить квалификацию. Его поддержал дядя, тогда служивший в Советской Армии в чине капитана. Вахабджан закончил ветеринарный техникум, получил назначение на работу — заведующим ветеринарной больницей Нарынского района. Лишь после этого он счел женитьбу своевременной, выбрал себе невесту и женился. По примеру брата, отклонил предложение родителей обзавестись семьей и младший сын Малик, поступивший на филологический факультет САГУ. Такого же мнения придерживались Мамаджан Саидахмедов, студент сельскохозяйственного института, Тургун Аскарлов, студент САГУ, Анвар Рустамов, Мирзорахмат Мирзокаримов, Тохтасын Назаралиев, — учащиеся техникумов и многие другие юноши, окончившие среднюю школу.

При рассмотрении новой современной семьи и путей ее сложения особо следует остановиться на смешанных браках. В колхозе им. Сталина имеется некоторое число семей, которые сложились из лиц различных национальностей.

До Великой Октябрьской социалистической революции смешанные браки допускались только с представителями народов, исповедовавших ислам — „правоверных“. Теперь люди оцениваются в колхозе не по национальному и не по религиозному признаку, а по их поведению, поступкам, отношению к труду.

За последние 20 лет в колхозе им. Сталина образовалось несколько смешанных семей. Имеются случаи браков узбеков с русскими и татарками. Сложилось также несколько семей, в которых одна из сторон — муж или жена — принадлежит к давно живущей в селении группе цыган.

Появление в колхозе смешанных семей — явление, несомненно, прогрессивное, свидетельствующее об изживании религиозных предрассудков и национальной ограниченности.

После организации колхоза создались наиболее благоприятные условия для формирования новой семьи и новых семейных отношений.

В 1932 году сложилась семья Юлдаша Халтураева, погибшего на фронте Великой Отечественной войны. Бывший батрак богача Парпивой-бая, Юлдаш Халтураев в 1928 г. был взят на действительную службу в Красную Армию. Вернувшись в 1931 г., он женился на Хасиятхан, в настоящее время являющейся бригадиром шелководческой бригады. Юлдаш тогда был уже членом партии. Супруги жили

в полном ладу и согласии. Муж заботился о развитии жены, и под его влиянием она в 1940 г. вступила в партию.

Тогда же образовалась семья неоднократно упоминавшейся Назирахан Рустамовой, бригадира хлопководческой бригады. Она была одной из первых комсомолок колхоза и вышла замуж по своему выбору за комсомольца той же организации Нортаджи Рустамова. Несмотря на очень юный возраст, оба были преисполнены трудового энтузиазма и активно участвовали в работе колхоза. Впоследствии оба они вступили в ряды Коммунистической партии. Муж поддерживал Назирахан в ее стремлении к общественной работе, уважая жену за энергию и трудоспособность, которые имели своим результатом выдвижение ее на ответственную работу.

В 1932 г. сложилась семья Ахмаджана Ташбаева. Он женился по любви, без всякого участия родных, во время своего пребывания в Самарканде, после окончания там педагогического училища. Жена его, татарка по национальности, училась в том же училище. Прошло уже более двадцати лет их совместной дружной жизни. Эта семья является образцовой по сложившимся в ней отношениям полного равноправия между супругами, сознательно направляемому воспитанию детей и добросовестному отношению к своим служебным и общественным обязанностям.

Позднее образовался еще целый ряд хороших семей, основанных на новых отношениях: семья коммунистов Ибрагимджана Гаяббаева и Халихан Туляматовой, семья комсомольца, табельщика колхоза Абдулладжана Турабаева, семья колхозников Джурабая и Хайрихан Исамеддиновых, учителей Бахлиля Арифбаева и Лютфуллиной, семья председателя Айкыранского сельсовета Сабирахан Муллабаевой и др.

Процесс сложения советской семьи протекает в борьбе нового со старым, в процессе преодоления всего консервативного, отсталого и сложения новых, прогрессивных семейных отношений.

Несмотря на то, что колхозные семьи в массе своей перестроились и перестраиваются, что, наряду с этим, создаются совершенно новые, современные семьи, в колхозе им. Сталина еще в 1950—1951 гг. не были полностью изжиты пережитки феодально-байского отношения к женщине, несовместимого с ее положением честной труженицы, равноправного члена общества. Сотрудникам экспедиции были сообщены факты, свидетельствовавшие о нежелании отдельных отсталых мужчин отказаться от прежнего привилегированного положения, по сравнению с женщиной, которым пользовался мужчина в дореволюционной семье. Были еще мужья, которые стремились ограничить свободу своих жен. Однако проявление такого отсталого отношения к женщине вызывало порицание со стороны общественности, и сами женщины-колхозницы, осознавшие свои права, не желали терпеть унижения своего человеческого достоинства и обращались за помощью и защитой в советские органы (милицию, сельсовет, женотдел), в исключительных случаях подавали на своих мужей в суд.

Колхозницы нетерпимо относятся ко всякому оскорблению женского достоинства. В случае, когда кто-либо позволял себе в порыве раздражения оскорбить или обругать женщину, такого человека привлекали к суровой ответственности.

Естественно, что советский суд всегда находится на стороне интересов женщины-труженицы, на страже ее человеческого и женского достоинства. Так, в 1950 г. один колхозник был осужден на год принудительных работ за публичное оскорбление девушки-колхозницы.

Однако подобные факты были в колхозе единичны, и само отношение к ним населения колхоза ясно свидетельствует о том, насколько они чужды колхозной действительности.

В колхозе им. Сталина изжито многоженство—одна из язв, разьедавших раньше узбекскую семью. Под влиянием советских законов, запрещающих многоженство, и активно проводившейся воспитательной работы колхозники хорошо поняли недопустимость многоженства и относятся к нему отрицательно.

Изживание полигамии, пережиточной формы, в которой под покровом ислама сохранились черты группового брака, облегчалось тем обстоятельством, что и раньше многоженство не имело в узбекских семьях особенно широкого распространения—по нескольку жен было лишь в семьях баев, давно уже распавшихся.

В числе семей, сложившихся за колхозный период, полигамных, в их старой форме, нет вовсе. В тех случаях, когда сходятся люди, ранее состоявшие в браке, прежние отношения ликвидируются, создается новая семья. Следует отметить, что общественное мнение колхоза весьма отрицательно оценивает такие случаи; руководство колхоза, его партийная организация, а также уважаемые, пользующиеся авторитетом односельчане стараются уговорами, убеждением предотвратить распад семьи и нередко достигают своей цели. Если же сохранить старую семью не удается, состоящие в браке добиваются развода.

С многоженством в колхозе покончено. Теперь не найдется там человека, который считал бы возможным взять вторую жену и иметь полигамную семью. Однако в отдельных сложных случаях обнаруживались пережитки таких отношений, попытки в некоторых обстоятельствах обойти советский закон. Эти случаи, порожденные отсталыми, воспитанными мусульманской идеологией взглядами на брак, по видимому, еще не изжитыми отдельными колхозниками, являются теперь настолько редкими, исключительными, что о них говорят, их знают и осуждают все.

Колхозник Дж. был женат много лет. Его жена, болезненная пожилая женщина, тяготясь несением тех обязанностей, которые налагает брак, или, может быть, стремясь избавиться от упреков мужа, явилась инициатором его вторичной женитьбы. По старому обычаю, как „добрая жена“, она сама подыскала ему невесту и устроила свадьбу, считая, что таким образом она выполняет по отношению к мужу свои обязанности, и надеясь, что это не помешает ей сохранить семью. Однако, вероятно не без влияния общественного мнения и страха перед общим порицанием, муж не согласился стать двоеженцем. Он оставил первой жене свой дом—один из лучших новых домов на улице Сталина,—помогает материально ей и сыну, нередко навещает их, но сам переселился в дом родителей второй жены. Как бы то ни было, его согласие на вторичную женитьбу, а главное—отношение к этому его первой жены, говорят о том, что и он, и она не были свободны от влияния отсталой религиозной идеологии. Лишь отрицательное отношение колхозной общественности к подобному решению семейного вопроса заставило мужа пересмотреть свои взгляды и найти приемлемый выход.

Еще более отрицательно следует расценить второй факт. Один бригадир хлопководческой бригады имел с девушкой-колхозницей тайную связь. Когда обнаружились последствия связи, родители девушки потребовали, чтобы отношения были оформлены хотя бы мусульманским обрядом, так как оставить старую семью бригадир не согласился. У него оказались две семьи, и ни с одной из них он не

решался расстаться. Несомненно, его желание сохранить обе семьи было подсказано старыми взглядами на многоженство как на законную форму брака. Раздельное проживание обеих жен не может скрыть сложившегося положения. Колхозники очень неодобрительно относятся к такому образу жизни, наложившему пятно на моральный облик члена колхоза и позорящему весь колхоз.

Подобные семейные отношения подавляющему большинству колхозников, особенно молодежи, представляются грубым нарушением прав женщин и вызывают резкий протест, вплоть до обращения к суду.

В искоренении феодально-байских пережитков большую роль играют местные партийные и общественные организации. В 1952—1953 гг. усилилась работа женсекторов Айкыранского сельсовета и райкома партии: они ведут борьбу с остатками вредных традиций — ранними браками, затворничеством, ущемлением прав женщин.

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ СЕМЬИ

Наряду с изменением положения женщины, семейных отношений и взглядов на семью и брак, по всему Узбекистану, а также другим республикам Средней Азии идет процесс изменения самой формы семьи.

Процесс изживания большесемейного уклада, характерного для Узбекистана конца XIX и начала XX вв., начался до революции под влиянием развития капиталистических отношений. Однако до Великой Октябрьской революции изживание большесемейного уклада было неполным. Собственность на имущество, в первую очередь на средства производства, сохранялась в руках отца, выделяемые в редких случаях сыновья оставались экономически зависимыми от него. Сохранялось бесправное положение женщин и связанные с ним отсталые, позорные институты, такие как калым, многоженство, браки малолетних. В результате процесса разложения старой патриархальной семьи складывалась семья буржуазная, пороки которой усугублялись сохранением в ней элементов патриархальных отношений.

В наше время изживание пережитков патриархальных отношений имеет иную основу и приводит к другим результатам. Оно происходит на базе развития социалистических отношений и ведет к сложению современной советской семьи. Ее основой является советский строй, общественная собственность на средства производства, уничтожение эксплуатации человека человеком, экономическая и юридическая независимость каждого трудящегося и, как следствие этого, раскрепощение женщин, широкое вовлечение их в производство и общественную жизнь.

Советская семья складывается в процессе изживания одного из признаков старой патриархальной семьи—ее неразделенности, являвшейся прежде обязательной при всех условиях.

Правда, и в настоящее время сохраняются еще большие семьи, включающие в себя семьи отца и его взрослых сыновей. Однако в силу иного положения каждого члена неразделенной семьи, в частности, в силу его экономической и правовой независимости, отношения между старшим и младшим поколением, между мужчинами и женщинами уже не могут быть такими, какими они были в старой патриархальной семье. В наши дни есть немало очень хороших, дружных семей, живущих большесемейным укладом, который выбран или поддерживается ими как наиболее для них удобный, на основе наличия близких дружеских связей, морального единства членов семьи.

Семьи, живущие большим коллективом, в который входит несколько малых семей близких родственников, в частности, отца и

женатых сыновей, в колхозе им. Сталина составляют преобладающее большинство. Однако в укладе таких семей нет единообразия, в них в различной степени наличествуют черты новой и пережитки старой семьи.

Приведем несколько примеров наблюдавшихся нами неразделенных семей колхоза им. Сталина.

Наибольшим сохранением патриархальных черт отличалась семья Иноятхана Султанова. Эта крепкая большая семья в 1951 г. состояла из шестнадцати человек: отца Иноятхана, 50 лет, матери Оимхан, 46 лет, семерых детей (четырех женатых сыновей, трех несовершеннолетних дочерей), четырех невесток—жен сыновей и трех внуков. Отец семьи, здоровый, хорошо сохранившийся, энергичный человек, в течение пятнадцати лет занимал в колхозе должность бригадира шелководческой бригады, являясь большим знатоком своего дела. Иноятхан Султанов выполнял в колхозе и другие работы: после окончания выкормки шелковичных червей он привлекался к работам по сдаче пшеницы и хлопка. Жена его в течение 25 лет тоже занималась шелководством; она была лучшим червоводом в своем звене.

Все сыновья получили полное среднее образование. Старший сын Каноат, 27 лет, вернувшись из армии, где он пробыл пять лет, в период работы экспедиции заведовал складом колхоза. Второй сын Махмудхан, 24 лет, который также вернулся с действительной службы, заведовал другим складом колхоза. Третий сын Камалхан, 21 года, ряд лет стодлярничал в колхозе, а в 1951 г. уехал учиться в Самаркандский финансово-кооперативный техникум. Самый младший Абдусалом, 19 лет, в том же году поступил на учебу в Ташкентский ирригационный техникум. Все четверо сыновей женаты. Жена старшего брата Огулхан работала звеньевой, неоднократно премирована, имеет медаль. Жены остальных братьев—рядовые колхозницы. Все они на хорошем счету в колхозе. Старшая дочь Мухаррам-ой в 1950 г. окончила семилетку и начала работать в колхозе. Средняя дочь

Семья Иноятхана Султанова.

училась в начальной школе. Младшая дочь и внучка посещали колхозный детский сад.

Вся семья до 1951 г. жила вместе, под одной кровлей. В 1951 г. старший сын со своей семьей отделился и переехал во вновь выстроенный им дом. Живя самостоятельно, он поддерживал тесную связь с родителями, у которых осталась его трехлетняя дочурка.

Семью возглавлял отец, Иноятхан Султанов. Хозяйство семьи было общее, котел тоже общий. Доходами и расходами семьи ведал ее глава. Бюджет семьи складывался из заработка всех трудоспособных членов семьи. Отделившийся сын вел свое хозяйство.

Семья жила в полном достатке. Она имела дойную корову, четырех овец, свои овощи и фрукты с приусадебного участка. Культурные запросы членов семьи удовлетворялись довольно широко. Отец и сыновья получали и регулярно читали газеты „Қзыл Узбекистан“ и „Сталин хақиқаты“, в доме имелась политическая карта СССР, висевшая на стене террасы; ею часто пользовались при чтении газет. Купили радиоприемник, и семья с удовольствием слушала передачи по радио. В школьные годы Махмудхан и Камалхан увлекались самодеятельностью — были организаторами колхозного драматического кружка, сами выступали в концертах, участвовали в спектаклях.

Члены этой семьи отличаются глубоко осознанным чувством долга, сознательным, добросовестным отношением к колхозному труду, несомненно привитым как общими условиями жизни и работы в колхозе, так и воспитанием в семье, которое основано на понимании необходимости образования не только для мальчиков, но и для девочек.

Характерны для современной колхозной семьи и отношения, которые сложились здесь между свекровью и невестками. Оимхан, свекровь, относится к невесткам благожелательно, нередко выступает в роли заступницы за них перед своим мужем. До их прихода с поля она выполняет сама большую часть домашних работ, а в разгар полевых работ полностью освобождает невесток от дел по дому.

Черты патриархальности в этой семье выражались не только в ее неразделенности, — они определили и характер отношений между главой семьи и ее членами. У Иноятхана Султанова властный характер. Он придиричливо требователен, держит в беспрекословном повиновении членов семьи и довольно резок с ними. Во всех семейных делах чувствуется его господство и непреклонная властность. Иноятхан Султанов очень рано женил всех своих сыновей. В 1949 г., после окончания школы, Камалхан из-за женитьбы не смог продолжать учебу; он поступил в техникум только через два года. То же произошло и с Абдусаломом. Он окончил десятилетку в 1950 г. Учиться дальше в том же году ему не пришлось: по воле отца он женился, год для учебы у него пропал. По старинке выдавали замуж дочь. Свадебные обряды были соблюдены полностью, а размер полученных родителями подарков приближался к калыму. Брак этот, так же как и женитьба всех сыновей, был полностью организован родителями.

Менее выражены были черты патриархальности во второй неразделенной семье, состоявшей из трех братьев Рахмановых с их женами и детьми и их матери Иноятби Камиловой. Старший брат Сомсакбай работал главным табельщиком колхоза, второй — столяром, третий — рядовым колхозником. Их жены также колхозницы. Главой семьи, распорядителем бюджета, человеком, руководящим всем укладом семейной жизни, являлась мать, которой было более семидесяти лет. Иноятби давно овдовела и сама вырастила и воспитала пятерых детей. Она была одной из первых женщин, вступивших в колхоз и принимавших активное участие в его общественных и производст-

венных делах. Иноятби в колхозе хорошо знают как женщину энергичную, живую, умную. В 1952 г. она из-за преклонного возраста в колхозе уже не работала, но дома несла большую нагрузку: все хозяйство вела она сама, в значительной степени освободив остальных членов семьи от домашних дел, в особенности в период напряженных полевых работ. Семь взрослых членов семьи—трое женатых сыновей, три невестки и дочь—трудились в колхозе. Бюджет семьи был общим. Заработок вручался матери—хозяйке дома, которая решала, что нужно приобрести для хозяйства. Крупные закупки, по общему согласию и по ее указанию, делали сыновья, мелочь нередко покупала и сама Иноятби. Она полностью ведала приобретением одежды, справедливо, с ее точки зрения, распределяя все приобретаемое между членами семьи. Дочери и трем невесткам обычно покупалось все совершенно одинаковое, чтобы никто не оказался обиженным. Если шилось что-либо внучатам, то всем из одной и той же ткани.

Жизнь этого семейного коллектива была построена на дружном сотрудничестве всех его членов под руководством матери, большой труд которой обеспечивал ей почетное место и всеобщее уважение. То обстоятельство, что во главе семьи стояла женщина, в прошлом всегда подчиненная мужчине (не мужу, так сыну), несомненно является чертой, порожденной новыми отношениями и обусловленной положением Иноятби в колхозе.

Однако и в этой семье уравнилельный принцип распределения благ, доведенный до педантизма, находился в резком противоречии со всем укладом жизни колхоза и с системой распределения доходов по трудодням. Принятый в семье порядок вел к тому, что наиболее активные и квалифицированные ее члены не могли воспользоваться предоставляемыми им государством и колхозом преимуществами, а большое уважение и авторитет, который имеет в колхозе и в семье Иноятби, в некоторой мере подавлял инициативу младших членов ее семьи.

До недавнего времени не была разделена семья Хасанбая Хашимова, много лет возглавлявшего животноводческое хозяйство колхоза им. Сталина, а после его укрупнения ставшего бригадиром коневодческой фермы. В 1948 г. семья состояла из шестнадцати человек: Хасанбая Хашимова, 60 лет, его жены Улькарби, 57 лет, трех женатых сыновей с их женами и детьми. Бюджет семьи был общим. Отец, мать, все сыновья и невестки, являясь активными участниками колхозного производства, зарабатывали немало. В 1949 г. семья получила на трудодни 38 тыс. руб., а в 1950 г. почти 50 тыс. руб. деньгами, не считая оплаты натурой. По установившемуся в семье порядку всем доходом—деньгами и продуктами—распоряжался отец.

Относясь доброжелательно ко всем сыновьям и невесткам, Хасанбай Хашимов распределял доходы равномерно между всеми членами семьи. Ежегодно делались крупные приобретения для семьи того или другого из сыновей поочередно.

Семья жила дружно. В основе взаимоотношений лежало взаимное уважение всех членов семьи друг к другу и особенно к старикам. Последние своей справедливостью, сердечным отношением не только к родным детям, но и к невесткам, заслужили с их стороны уважение и любовь. Хасанбай Хашимов, умный по природе, развитый человек, обладает мягким характером, умением обращаться с людьми. Такие же хорошие качества—ласковость, доброта—свойственны и его жене.

Однако жизнь большой семьей, несмотря на сложившиеся в ней добрые взаимоотношения, перестала удовлетворять членов этой семьи.

Уравнилительный принцип, лежавший в основе распределения ее доходов, не соответствуя принципу индивидуального учета и оплаты трудодня в колхозе, перестал казаться справедливым всем членам семьи. Удобства, доставляемые совместным ведением хозяйства, и долголетняя привычка не смогли задержать закономерный процесс изживания большесемейного уклада. Из семьи выделились один за другим все сыновья. Выделение произошло с полного согласия и даже по инициативе родителей, не нарушило хороших отношений, сложившихся в семье.

Первым отделился в 1948 г. старший сын Хакимджан, 33 лет, инвалид Отечественной войны, который работает в течение многих лет в колхозе бригадиром хлопководческой бригады. Со своей женой Ачахан, колхозницей, имеющей пятиклассное образование, и дочерью Джурахан, ученицей пятого класса, он переселился в дом нового типа, состоящий из трех комнат с верандой. Этот дом в свое время был куплен Хасанбаем Хашимовым у колхоза на общие сбережения семьи и при отделении сына передан ему в личную собственность. Затем отделились один за другим два младшие сына, перейдя в новые дома, выстроенные вначале для одного, а потом для другого тут же, во дворе отцовского дома, на месте старых жилищ, уже не удовлетворявших возросшие потребности семьи. Эти дома также были выстроены на общие средства.

Отделение женатых сыновей от родителей в этой семье первое время носило скорее условный характер; фактически оно выразилось только в том, что каждая семья стала готовить себе отдельно пищу, беря продукты из общей кладовой и дополняя их по своему вкусу покупаемыми на рынке. Отделение было настолько неполным, что, когда через пару лет двое из отделившихся сыновей оказались в отсутствии, их семьи опять объединились со стариками. Однако когда один из сыновей приехал на побывку домой, он со своей семьей—женой и четырьмя детьми—снова перешел на отдельное питание. Этот факт, несомненно, свидетельствует о наличии у молодого поколения стремления к созданию интимной семейной обстановки, способствующей установлению духовной близости между супругами, о неудовлетворенности большесемейным укладом, несмотря на то, что в данной семье ему сопутствовали взаимная дружба и любовь всех ее членов, чего в старой патриархальной семье никогда не бывало. Разделиться эту дружную, хорошую семью заставили, повидимому, помимо материальных соображений и стремления получить возможность каждому по своему усмотрению распоряжаться своими доходами, также рост духовных потребностей, сложение более высоких, современных отношений между супругами. Это явствует из того, что основной бюджет семьи Хасанбая Хашимова и после отделения женатых сыновей оставался попрежнему общим. Только с 1951 г. произошло полное отделение малых семей: каждая из них стала сама распоряжаться заработанными деньгами и тратить их самостоятельно.

Семьи материально обеспечены, живут в полном достатке. У стариков и у сыновей имеются дойные коровы, по несколько голов баранов. Сыновья приобрели мебель (шкафы, тумбочки, кровати), радиоприемники и другие предметы новой культуры, такие как велосипеды, электроприборы и т. п.

При общей положительной оценке отношений, сложившихся в этой семье на основе социалистического хозяйства колхоза, а также культурного и морального роста ее членов, нельзя, однако, не отметить, что, помимо свойственного ей до недавнего времени едино-

Семья колхозницы Хайтхан Турабаевой.

начала" главы семьи—отца, в ней имелся и еще один характерный момент, свойственный старой патриархальной семье и порожденный традициями старого быта— ранние браки. Сыновья женились по воле родителей и очень рано. Один из них женился в 16 лет, даже не достигши принятого законом брачного возраста. Инициатива в женитьбе сыновей исходила от родителей. В отличие от старой патриархальной семьи сыновьям было предоставлено лишь право выбирать себе невесту из предлагаемых кандидатур.

Традиционны были в этой семье и внешние формы отношений: подчеркнутое почтение к старшим, стремление избежать всяких возражений отцу и т. п.

Таким образом, черты, характерные для старой патриархальной семьи, были присущи и семье Хасанбая Хашимова, хотя она ни в коем случае не может быть приравнена к старой дореволюционной семье, как и прочие описанные нами неразделенные семьи. Ведущими, основными во всех этих семьях являются черты, присущие новой, советской семье: участие в общественном труде всех взрослых членов семьи, в том числе и женщин, равноправные, дружеские отношения между мужьями и женами, сознание необходимости образования для молодежи обоого пола, участие всех членов семьи в общественной жизни.

Вместе с тем, в этих семьях ясно обнаружилась тенденция к разделению, распаду большой семьи. Это проявилось в происшедшем за последние годы разделении семьи Хасанбая Хашимова, еще недавно включавшей в себя четыре малые семьи; эта же тенденция сказывается в выделении старшего сына Иноятхана Султанова и в целом ряде подобных фактов.

Очень показательна история дробления семьи Ташбаевых. Глава этой семьи—отец—умер еще в двадцатых годах. Мать осталась с пятью детьми, из которых старшему сыну было около 20 лет. В 1930 г. он, после женитьбы, отделился, построив себе дом по соседству с матерью. В 1938 г. разделились и остальные братья, все уже женатые, жившие до того вместе, одной общей семьей. Средний, Ахмаджан Ташбаев, остался со своей семьей в отцовском доме. Двое младших—Эргашбай и Таштемир—со своими семьями переехали в купленный ими совместно у колхоза новый дом. С ними поселилась и мать. Позже оба брата разъехались: один переехал на работу в районный центр, другой—к своей второй жене; дом остался под наблюдением матери, которая живет в нем вместе со взрослой племянницей—колхозницей. Превращение этой неразделенной семьи в несколько малых семей протекало естественным путем, по мере того, как сыновья становились взрослыми и приобретали экономическую самостоятельность. Их отделение, порождавшееся стремлением устроить свою жизнь в соответствии с личными склонностями, не вызвало противодействия со стороны старших членов семьи.

Несмотря на то, что все члены бывшей неразделенной семьи стали жить раздельно, отношения между родственными семьями остались очень близкими. Сыновья материально поддерживали нетрудоспособную старушку-мать, которая очень часто навещала своих детей и внучат.

Много случаев распада больших семей наблюдалось на протяжении трех лет работы экспедиции в колхозе.

К недавно разделившимся семьям относится семья Газибаевых. До 1951 г. в состав семьи входили: Газибай Муслимов, работающий в бригаде стариков в колхозном саду, его жена Тохтахан, член шелководческой бригады, сын Аббас, электромонтер колхозной ГЭС,

участник Великой Отечественной войны, его жена Турсунхан, — рядовая колхозница, младший сын А'лохон, сначала студент Ферганского пединститута, позже — преподаватель литературы в колхозной школе-десятилетке. В семье жила также внучка стариков Караматхан, дочь старшего сына, погибшего на фронте во время Великой Отечественной войны.

В 1951 г. Аббас со своей женой, которая вошла в их семью лет пять тому назад, отделился. Дом, имущество были разделены, образовались две семьи, каждая из которых зажила своей обособленной жизнью, самостоятельно распоряжаясь своими доходами. Внешне, как будто, ничего не изменилось. Все попрежнему остались в одном доме, попрежнему поддерживались тесные родственные связи. Однако по существу в семье произошла коренная ломка: исчезла старая неразделенная семья, зародилась отдельная семья брачной пары.

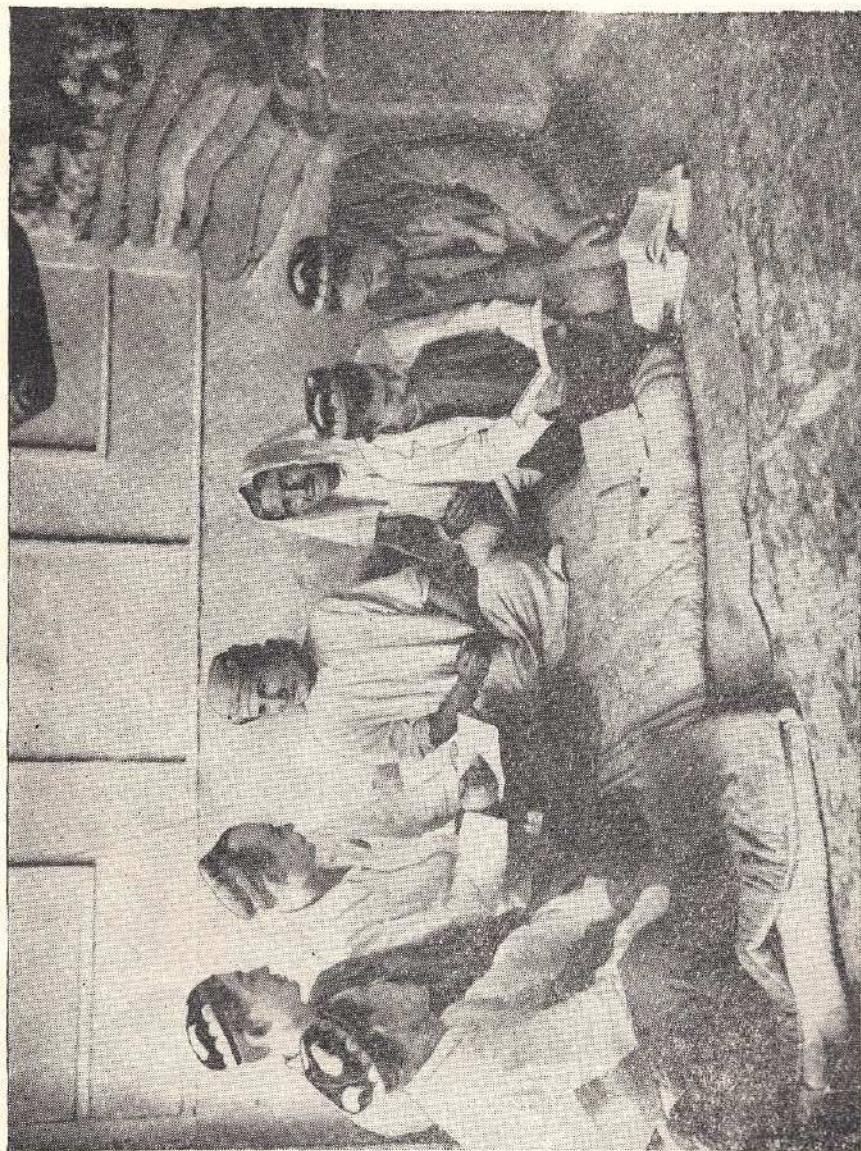
При внимательном обследовании обнаруживается, что семей, подобных газибаевской, в колхозе имеется множество.

Года два тому назад произошло разделение в семье Ортыкча Игамбердыева. Семья состояла из матери, двух взрослых сыновей, старший из которых был женат, и пяти младших детей. Доход семьи составлялся, главным образом, из заработков взрослых сыновей, из которых старший, Бахреддин является колхозным шофером, младший, Ортыкча — звеньевым и поливальщиком хлопководческой бригады; свою долю в бюджет семьи вносили также жена старшего брата — колхозница и мать — член шелководческой бригады. После женитьбы Ортыкчи старший брат со своей семьей отделился. Так как отношения у его жены со свекровью не сложились, разделение произошло к общему удовольствию.

К числу недавно разделившихся семей относится и семья тракториста Юлдашева. Раньше семья состояла из матери, двух женатых сыновей и двух дочерей. После того, как старший сын Бувахан погиб на фронте, его вдова ушла к своим родителям. Когда дочери стали самостоятельно зарабатывать, младший сын со своей семьей отделился и переехал в другой дом, оставив мать на попечении дочерей. Так как старшая имеет семью, а младшая, Чолпан-ой, еще девушка, занимает в колхозе руководящую должность, являясь звеньевой, она и содержит мать. Такое решение вопроса весьма знаменательно, — в нем проявилось коренное изменение в положении женщины.

Раньше обязанность содержать родителей лежала исключительно на сыновьях, теперь она в равной степени относится и к дочерям. Последние, благодаря своему участию в общественном труде, имеют возможность материально поддержать своих престарелых родителей не хуже, чем сыновья.

Приведенные примеры в своем большинстве характеризуют такие разделы семей, которые протекали мирно, с обоюдного согласия и в обоюдных интересах. Наряду с ними в колхозе бывали случаи, когда разделение проходило не столь безболезненно, сопровождалось разладом, конфликтами, разрешение которых тянулось нередко несколько лет, приводя к сложению в семье тяжелой обстановки. Неизжитый еще полностью взгляд на большесемейный уклад, как на нормальный, правильный, привычное повиновение старшим затрудняли решение этого вопроса. Часто родители, являясь вполне трудоспособными и не нуждаясь в поддержке детей, даже помогая им материально, все же возражали против раздела, усматривая в этом проявление неуважения к себе.

Подписка на заем в доме колхозницы Саджирахан Таджибаевой.

Нередко молодые, желая отделиться, долго не решались заявить об этом родителям. Не смея заговорить с ними, они обращались к местным властям, в частности, в Айкыранский сельсовет, что делалось не из-за опасения отказа со стороны родителей, а из нежелания выказать им неуважение, лично обратившись с такой просьбой. Предпочитали, чтобы это было сделано каким-либо уважаемым лицом, например, председателем сельсовета. Джумабай Абдуллаев, бывший в течение многих лет председателем Айкыранского сельсовета, сообщал, что к нему за последние годы поступало много заявлений такого характера.

Членам экспедиции пришлось лично наблюдать подобную сцену. В сельсовет явились муж и жена, державшая на руках ребенка. Молодая женщина заявила, что она не в состоянии больше жить в семье мужа. Со свекровью у нее установились недружелюбные отношения; между ними происходят частые ссоры, основной причиной которых является нежелание свекрови отпускать невестку на колхозную работу, запрещение уходить из дому. Ссылаясь на то, что этот запрет лишает ее заработка, жена просила председателя сельсовета либо помочь им выделиться, либо способствовать разводу. Муж, молча и мрачно выслушавший речь своей жены, на вопрос председателя сельсовета ответил, что „у него нет такой жены, с которой он хотел бы развестись“. Тогда молодой паре было обещано поговорить с родителями об отделении.

Острым конфликтом сопровождалось выделение молодых членов семьи ответственного работника А. Недовольство свекрови тем, что невестка слишком много внимания уделяет колхозной работе, по ее мнению, в ущерб дому, и нежелание невестки отказаться от активного участия в колхозном производстве привели к тому, что молодая женщина после ссоры ушла к своим родителям и не захотела вернуться в дом свекра, который взял сторону своей жены. Муж молодой женщины был в отсутствии. Положение еще больше осложнилось, когда он вернулся. Лишь вмешательство партийной организации предотвратило развод и привело к тому, что родители мужа согласились выделить молодых.

Многочисленные факты разделения больших семей характерны не только для колхоза им. Сталина. Наблюдаются они и в других местах. В Узбекистане идет активный процесс образования малой отдельной семьи, которая является характерной для большинства народов Советского Союза.

Причинами, стимулирующими разложение большой семьи, являются: сохранение ею некоторых черт патриархальности, несовместимых с советским строем; противоречие между индивидуальным распределением доходов в колхозе — что является одним из стимулов повышения производительности труда — и уравнительным принципом их распределения в неразделенных семьях; неудобства совместного проживания нескольких брачных пар; протест против ограничения личной свободы авторитетом старших.

Изучение процесса сложения новой семьи и развития новых семейных отношений показало, что в настоящее время основной формой узбекской семьи становится малая семья, состоящая из мужа, жены и их детей и иногда включающая в себя родителей мужа или жены. Такая семья уже на данном этапе является типичной и для колхоза им. Сталина.

Малые семьи образуются по двум линиям: за счет сложения новых молодых семей, которые сразу после женитьбы начинают жить отдельно, и за счет разделения больших неразделенных семей.

Стремление молодой пары жить самостоятельно особенно сильно в семьях, где родители придерживаются старых взглядов — желают сохранить полную власть над молодыми, диктовать им свою волю, ограничивать их участие в жизни колхоза, полновластно распоряжаться их заработком, препятствовать установлению нового уклада, новых отношений. Молодежь, за редкими исключениями, не желает с этим мириться. Экономическая самостоятельность, равноправное положение в обществе каждого члена колхоза независимо от пола и возраста порождают стремление к личной свободе и самостоятельности, стесняемой в большой семье авторитетом, а иногда и деспотизмом родителей и необходимостью считаться с желаниями и характерами многочисленных членов семей нескольких совместно живущих братьев.

Инициаторами отделения семьи обычно является молодежь, чаще всего жена сына — невестка, которая в патриархальной семье была самым униженным, бесправным, страдающим лицом. Хотя ее положение теперь коренным образом изменилось, все же в неразделенной семье она не пользуется той самостоятельностью, на которую ей дает право ее самоотверженный труд в колхозе и личный заработок. Естественное ее желание быть хозяйкой своего дома и распорядительницей своих трудовых доходов. Если сыновья, привыкшие с детства подчиняться отцу, связанные с ним сыновней привязанностью и к тому же стоящие гораздо дальше от организации семейного быта, меньше тяготятся своей зависимостью от родителей, то их жены нередко активно добиваются возможности построения своей собственной отдельной семьи.

О том, что процесс распада неразделенной семьи и возникновения новой современной семьи глубоко проник в быт и сознание узбекского сельского населения, свидетельствует и новое отношение к этому процессу со стороны общественности.

Постепенно изживаются отсталые взгляды на семью, согласно которым отделение сыновей считалось позорным для сына и оскорбительным для отца. Старшее поколение начинает признавать за молодежью право на самостоятельность в выборе жизненного пути и устройстве семейной жизни.

Раздел больших семей, раньше вызывавший отрицательное отношение, теперь в народе расценивается как вполне нормальное явление, вызванное новыми, колхозными условиями жизни.

Вскрытый исследованием процесс изменения формы семьи является результатом крупных социальных сдвигов. Изменяется самая структура той первичной ячейки, которой является современная колхозная семья, тесно связанная с колхозным производством.

Изучение современной семьи, отражающей особенности советского строя и образа жизни советских людей, подтверждает глубокую правильность положения Ф. Энгельса, что семья, как продукт общественного строя, „...должна развиваться по мере того как развивается общество, и должна изменяться по мере того как изменяется общество“. Она должна „...отражать степень его культурного развития“¹.

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1948, стр. 95.

СЕМЕЙНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Наряду с разительными переменами, происшедшими в семье, нельзя не отметить нового отношения к семейным обрядам и обычаям, в частности, связанным с браком.

Вполне естественно желание колхозников достойным образом отметить такое важное событие в жизни, как вступление в брак. Стремление пышно отпраздновать свадьбу тем более понятно, что устройство свадебного пира является, благодаря материальной обеспеченности, доступным каждой колхозной семье.

Сложившийся издавна и требовавший больших расходов свадебный церемониал в прошлом не мог выполняться в полной мере в большинстве семей. До сих пор бывшие батраки и в особенности их жены с горечью вспоминают жалкое подобие свадебного пира, которым было отмечено начало их семейной жизни. Другие сообщают, насколько было подорвано все хозяйство их семьи расходами по свадьбе.

Сейчас колхозники располагают полной возможностью пышно отпраздновать вступление в брак, и сложившийся издавна церемониал, с его шумной веселостью и обильным угощением, еще соблюдается населением колхоза.

Однако присущие свадебному обряду культовые моменты, восходящие к древним формам идеологии — магии и анимизму, его символика, порожденная родовым строем и отражающая приниженное положение женщины, полностью в настоящее время не выполняются, так как вызывают протест со стороны громадного большинства молодежи.

Представители местной интеллигенции, коммунисты и комсомольцы крайне отрицательно относятся к устаревшей свадебной обрядности, к свойственным ей магическим действиям, которые совершались раньше с целью обеспечить плодovitость новобрачной и обереечь молодоженов от воображаемых злых духов и сглаза недругов.

Об отрицательном отношении комсомольцев к старым, религиозным свадебным обрядам свидетельствует, например, опубликованная в местной газете "Сталинчи" № 13 от 23 октября 1938 г. статья под заглавием „Қзыл той пардасы астида қора той“ (Под видом красной свадьбы — черная свадьба), судя по всему, написанная очевидцем — односельчанином. В статье указывалось, что комсомолец Хайдарали Мирмахмудов бракосочетался по старому мусульманскому закону, соблюдая все требования ислама, даже с чалмой на голове. В том же номере газеты сообщалось, что комсомольская организация колхоза, обсудив этот факт, исключила Хайдарали из своих рядов.

Наиболее передовая часть населения полностью отказалась от старой формы свадьбы. Свадебное торжество нового типа, в отличие от старой свадьбы (той), население называет „қзыл той“ (красная свадьба).

Основная линия церемониала новой свадьбы определяется принципиальным отрицанием затворничества женщин. Самой характерной особенностью ее является то, что гости — мужчины и женщины — пируют за общим столом, за которым восседают и молодожены. Этим новая свадьба в корне отличается от старой, во время которой мужчин и женщин принимали в разных помещениях, а иногда и в разные дни, а молодожены сидели в углу комнаты за занавесью (чимылдык), чтобы никто не мог их видеть, „причинить им зло“ взглядом или каким-либо магическим действием.

Следует отметить, что в колхозе им. Сталина еще не установился церемониал новой свадьбы. Он определяется индивидуальными склонностями строителей и носит черты своеобразия в каждом отдельном случае.

Первым актом свадьбы является регистрация в ЗАГСе. День регистрации ничем особенным не отмечается, — разве только тем, что жених и невеста приходят в ЗАГС в самой лучшей одежде, в сопровождении нескольких своих родственниц и родственников. Получив на руки брачные свидетельства, молодожены расходятся по своим домам. Пиршество (той), то есть собственно свадьба, бывает на следующий день или через несколько дней после регистрации. Основная часть свадебного праздника обычно проводится в доме жениха, куда невеста приезжает со своими подругами и родней и где ждут ее гости, приглашенные со стороны жениха.

Характерно, что, приглашая на свадьбу нового типа женатых или замужних гостей, ставят непременно условие — прийти со своим супругом или супругой.

Небольшое пиршество устраивается также и в доме невесты перед отъездом ее к мужу. Родители невесты приготавливают угощение, на которое собираются их родственники и соседи, а также некоторое количество гостей со стороны жениха. Это празднество бывает пышным лишь в том случае, если жених является членом другого колхоза, в особенности, если родители невесты — мать или отец — занимают в колхозе ответственную должность, играют заметную общественную роль; однако и в таких случаях главное торжество все же происходит в доме жениха. Переезд невесты совершается, по традиции, поздно вечером. Эта традиция в настоящее время поддерживается тем, что колхозники днем бывают обычно заняты.

В числе приглашенных на свадьбу нередко бывают гости из районного центра — служащие, ответственные работники, без различия их национальной принадлежности. Свадьба сопровождается обильным угощением, заключающимся в большом количестве национальных блюд с непременно включением плова — любимого кушанья колхозного населения — и в различных закусках, к которым подают вино, пиво, водку. Пьют за здоровье молодых. Нередко присутствующие произносят тосты и речи.

Очень часто на свадьбу приглашаются артисты и музыканты из Намангана. Выступают не только профессионалы, но нередко и колхозные певцы, танцоры и музыканты.

Красная свадьба, как прогрессивное нововведение, находит горячее одобрение, с каждым годом все более возрастающее, со стороны колхозной молодежи. С особым удовлетворением рассказывают

очевидцы о свадьбе уже упоминавшегося выше коммуниста Юлдашбая Халтураева, женившегося в 1931 г. Хорошо помнит население колхоза состоявшуюся в 1939 г. свадьбу комсомольцев — табельщика Бувахана Юлдашева и выпускницы семилетки Хайрихан. В организации этой свадьбы активное участие принимала коммунистка Ульпатхан Ахмадалиева. Артисты и музыканты, приглашенные из Намангана, внесли в свадебное пиршество особое оживление и веселье. В таком же, совершенно новом стиле была отпразднована до войны свадьба ответственного работника Таштемира Ташбаева, теперь инвалида труда.

Таджихан Каримова, учительница местной школы, рассказывает, что организатором ее свадьбы был заведующий районным отделом народного образования; горячее участие в устройстве свадьбы приняли также учителя — друзья невесты. В числе гостей, присутствовавших на свадьбе, был весь педагогический состав школы № 8, где работала Таджихан Каримова, и учителя Чартакской русской школы, где ее муж преподавал узбекский язык.

В 1950 г. была торжественно отпразднована, также по-новому, свадьба Муродилло Турабаева, сына председателя колхоза, молодого агронома, окончившего Ташкентский сельскохозяйственный институт и женившегося на работнице аппарата райкома ВЛКСМ.

Несмотря на то, что новая свадьба с каждым годом получает все более широкое распространение, она является характерной только для передовой части населения. Труднее всего прививается обычай совместного пирования мужчин и женщин, которые, хотя и привыкли постоянно общаться друг с другом в процессе труда, все же избегают свободного общения вне производственных условий.

Все еще часты случаи совершения старого традиционного свадебного обряда. При этом в старый обряд вносятся изменения, он совершается не полностью, а выполнение некоторых обрядов носит несерьезный, шутливый характер.

Из старых брачных обрядов в колхозе во время обследования экспедиции еще широко бытовал обычай сватовства. Даже в тех случаях, когда молодые сами договаривались о браке, сватовство как проформа сохранялось. Со стороны жениха, с ведома и по согласию невесты, к родителям девушки посылались свахи (джавчи).

Обряд сватовства в этих случаях совершается по традиции, для удовольствия родителей молодой пары, вступающей в брачный союз. В тех случаях, когда инициаторами женитьбы являются родители, сватовство сохранило, до известной степени, и свое старое значение.

После получения согласия родителей выдать дочь замуж обе стороны договариваются о дне свадьбы, о порядке ее организации и несении свадебных расходов. Значительная часть тяжести последних, даже по пиршеству, устраиваемому в доме невесты, и поныне падает на семью жениха. Кроме расходов на угощение, подносятся богатые подарки невесте, главным образом в виде ценных тканей, из которых ей шьются многочисленные наряды. Одариваются и ее ближайшие родственники. В ответ семья невесты дарит жениху полный парадный костюм и преподносит подарки его близкой родне.

Калым, как плата за жену, в настоящее время полностью изжит. Однако нельзя не расценивать как пережиток этого позорного обычая то отношение, которое сохранялось к свадебным подаркам в отдельных отсталых семьях, где ценные подношения невесте и ее родным считаются обязательными и рассматриваются иногда как основное условие для согласия на брак. Следует также констатиро-

вать, что пережитки религиозной идеологии заставляли еще, по наблюдениям экспедиции, отсталые семьи закреплять брак, помимо ЗАГСа, религиозным мусульманским обрядом (никох), который, по обычаю, должен происходить в день свадебного праздника в доме родителей невесты. Этот обряд совершался по инициативе старшего поколения; сохранение его в значительной мере объясняется тем, что он не требует от молодой четы активного участия. Многие другие обряды, в том числе и магические, воспринимаются в наши дни как действия настолько нелепые и смешные, что мало кто из молодежи соглашается выполнять их. К таким обрядам относится, например, обязательный ранее обычай забираться на крышу дома и оттуда осыпать невесту землей, чтобы она, подобно земле, была плодородна. Но обычай „очищения“ невесты огнем сохранился—арба или автомашина, в которой прибывает невеста со своими родственницами, проезжает через пылающий костер. Следует отметить, что обряду этому уже не придается магического значения, он рассматривается как веселое развлечение.

Характерной чертой современной свадьбы как нового типа, так и сохраняющей характер старого свадебного обряда является то, что в ней нередко принимают участие гости других национальностей. На одной наблюдавшейся нами свадьбе были и русские гости, которые пришли со своими музыкальными инструментами—гитарой и балалайкой. Русские пляски „барыня“, „камаринская“, исполнявшиеся под звуки этих инструментов, сменялись национальными узбекскими танцами под такт бубна. Веселье, при обильном вкусном угощении, продолжалось до глубокой ночи. Гости, как мужчины, так и женщины (даже пожилые узбечки, которым была отведена отдельная комната), с удовольствием смотрели на пляску. Остались довольны и гости, и устроители свадьбы.

На смену старым, отживающим традициям и обычаям в колхозе им. Сталина, в особенности среди передовой части населения, стали появляться новые. Отмечается семейным торжеством получение правительственных наград. По этому случаю в семье награжденного устраивается угощение для многочисленных гостей, приходящих поздравить хозяина.

Большим новшеством является празднование дня рождения детей (тугулган кун). Этот обычай, получивший очень широкое распространение у многих народов Советского Союза, входит и в быт узбеков, в особенности городских, в первую очередь в Ташкенте. Начал распространяться он за последние годы и в Айкыране.

Так, в 1952 г. коммунисты Ибрагимджан Гаиббаев и Халихан Туляматова, заведующая колхозным детским садом первого участка, устроили большое торжество по случаю годовщины со дня рождения их первого ребенка. В числе приглашенных, помимо родственников и друзей, были сослуживцы отца и матери, а также медицинский персонал родильного дома, где увидел свет виновник торжества. Для гостей был приготовлен хорошо сервированный стол и обильное угощение. За здоровье и счастье ребенка и его родителей поднимались бокалы и произносились речи.

В том же году отметила семейным праздником день рождения племянника Ачахан Закирова, коммунистка, работающая поваром в колхозном детском саду второго участка. Празднование дня рождения ребенка в этой семье было устроено впервые, по желанию отца мальчика, находившегося в рядах Советской Армии. В своем письме

он дал указание, как провести праздник, и прислал деньги на необходимые расходы.

Празднование дня рождения пока что не приняло массового характера, но оно вызывает общий интерес и одобрение. Сам факт празднования дня рождения, несомненно, явление прогрессивное, свидетельствующее о росте культуры населения, так же как и о росте благосостояния колхозников.

Не лишне напомнить, что до Великой Октябрьской социалистической революции население не знало точно не только дня, месяца, но и года своего рождения. При отсутствии метрических свидетельств о рождении и поголовной неграмотности, счет велся по двенадцатилетнему животному циклу „мучаль“, в котором каждый год обозначался именем какого-нибудь животного.

Таким образом, можно констатировать, что даже в трудно поддающейся изменениям области жизни — в семейных обрядах — наметились очевидные сдвиги. Изменяются и переосмыслиются старые обряды, появляются новые. Сочетаясь со старыми традиционными формами быта, эти ростки нового бурно развиваются, поддерживаемые всем строем советского общества, воспитываемого Коммунистической партией.

Необходимо отметить актуальность не только для Узбекистана, но и для многих республик Советского Союза вдумчивого и сознательного участия работников культурного фронта в деле разработки новой семейной обрядности. Протекая стихийно, процесс ее сложения не всегда идет к своему завершению кратчайшим и наилучшим путем, и его развитие намного отстает от потребностей сегодняшнего дня. Отсутствие сформировавшегося нового церемониала заставляет нередко обращаться к отжившим реакционным обрядам, которые, хотя и соблюдаются в основном внешне, формально, все же нетерпимы в нашей жизни. Они должны быть изжиты, как находящиеся в вопиющем противоречии со всем строем жизни и идеологией советских людей.

Из старых религиозных семейных обычаев крепче всего держится обычай делать мальчикам обрезание.

Ислам укрепил для своих последователей этот вредный, варварский обычай, признав его обязательным (суннат). Многовековая практика привела к тому, что обрезание начало рассматриваться не только как религиозная обязанность, но и как бытовая норма, как требование личной гигиены; выработалось безразличное отношение к тем, над кем не совершен этот обряд, что делает особенно трудным его изживание.

До 1952 г. этот обычай не был изжит и в колхозе им. Сталина: обрезание делали своим сыновьям все родители. Многие люди колхоза с передовым образом мыслей, в особенности из интеллигенции, а тем более члены Коммунистической партии, отрицательно смотрели на этот обряд, не намеревались совершить его над своими сыновьями. Однако они не всегда оказывались в силах устоять перед упреками и насмешками, которые, к тому же, нередко обращались на маленького виновника этой борьбы. Борьба эта, иногда очень ожесточенная, наблюдалась во многих айқыранских семьях.

Несмотря на то, что обычай обрезания (вредность и опасность которого усугубляется тем, что совершение операции находится в руках цирюльников, не имеющих представления об антисептике) устойчивее всех остальных обычаев, прежний взгляд на него как на празднество, приносящее устраивающему почет и уважение, поколеблен. Однако для полного уничтожения этого обычая необходима упорная борьба с ним, широкая разъяснительная работа.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

При рассмотрении семьи и взаимоотношений ее членов особо следует остановиться на детях, будущих активных участниках сложения советской семьи, строителях коммунистического общества.

В колхозных семьях исключительное место занимают дети. Их чрезвычайно любят, в младшем возрасте не в меру балуют, редко наказывают. Между мальчиками и девочками, особенно в передовых семьях, различия не делают. Смысл семейной жизни видят в детях. Без них семейная жизнь не считается счастливой, если даже супруги любят друг друга и взаимоотношения у них прекрасные.

Старая народная узбекская пословица „болалик уй — бозор, бола-сиз уй — мазор“ (дом, где есть дети — базар, оживление; дом без детей — кладбище, уныние) широко бытует в народе. Очень горюют, если в семье нет детей. Такие семьи часто распадаются, причем инициатива развода обычно исходит от мужчины. До настоящего времени бездетность является одной из основных причин разводов; на этой почве иногда расходятся супруги, прожившие во взаимном согласии десять и более лет. По этой причине, например, распались первый и второй брак Таджихан Исабаевой, а также семья Ачахан Закировой, прожившей с мужем в мире и согласии одиннадцать лет. На грани распада находится несколько хороших, но бездетных семей. Дело доходит иногда до курьеза: назначаются сроки, и если за это время ребенок не родится, супруги решают разойтись. Чувствуется неудовлетворенность даже в тех семьях, где имеется только один ребенок. Чем больше в семье детей, тем больше радости.

До Великой Октябрьской социалистической революции в бедняцких семьях было очень трудно прокормить и вырастить детей. Сейчас положение совершенно иное. Материальная обеспеченность колхозников и помощь государства многодетным матерям, лечебные и воспитательные учреждения облегчают дело воспитания детей. Многодетность не считается обузой, родители не тягостятся детьми, наоборот, они ими гордятся.

В колхозе им. Сталина немало семей, где имеются по 7—8 детей. В Айкыранском сельсовете зарегистрировано более 250 многодетных матерей, получающих государственное пособие. Многие из них награждены орденами „Материнская слава“ и медалями материнства. Среди них Аимхан Иноятова, 46 лет, червовод, Халимахан Гафурова, 51 года, активистка, одна из первых женщин-культпросветработников — обе они имеют по 9 детей; Зубайрахан Турабаева, 37 лет, жена председателя колхоза, Хасиятхан Арифбаева, 38 лет, жена уполно-

моченного Министерства заготовок по Чартакскому району—у каждой из них по 8 детей; Назирахан Рустамова, 42 лет, бригадир хлопководческой бригады, Хуриниса Абдурахманова, 43 лет, колхозница—имеют по 7 детей. В 1952 г. присвоено почетное звание „Мать-героиня“ колхознице Насыровой, родившей и воспитавшей десять детей.

В колхозе нет случаев, чтобы дети отдавались на усыновление бездетным родственникам, а тем более чужим, как это имело место до Великой Октябрьской социалистической революции, когда немущие родители вынуждены были отказываться от своих детей и отдавать их на воспитание. Не отдают детей также и в детдома, как это бывало в тяжелые годы гражданской и отчасти Великой Отечественной войны. Следует отметить, что родители, отдавая своих детей в детдома, всегда смотрели на это, как на временную меру. Они не считали, что при этом лишаются родительских прав на детей. Существовало представление о детдоме, как о школе с интернатом, где дети получают не только образование, но также пищу и одежду.

В первые годы после революции были случаи, когда дети постарше сами уходили из родительского дома в находившийся в районном центре детдом, чтобы иметь возможность учиться. Так поступили Ахмеджан Ташбаев, ныне учитель средней школы № 8, и его шестеро товарищей. Позже в интернате воспитывался младший брат Ахмеджана, Таштемир Ташбаев, получивший там семиклассное образование. Воспитывался в детдоме круглый сирота Таджибай Газибаев, получивший там полное среднее образование, что дало ему возможность поступить в педагогический институт, затем в аспирантуру Института языка и литературы Академии Наук Узбекской ССР и защитить диссертацию на степень кандидата наук.

Если многодетные семьи в настоящее время не отдают своих детей на воспитание, то обратное явление в колхозе им. Сталина встречается нередко: бездетные и малодетные семьи усыновляют детей, взятых из родильных или детских домов.

Воспитание детей разного возраста в колхозных семьях различно. Обращение с детьми младшего возраста, лет до шести, с педагогической точки зрения следует считать неправильным: в большинстве семей детей неразумно балуют, им предоставляется полная, даже излишняя свобода действий. Их не останавливают и не наказывают даже тогда, когда они позволяют себе лишнее: озорничают за едой, во время которой в узбекских семьях принят строгий этикет, или портят что-нибудь в доме. Например, в одной семье, где долго не было детей, четырехлетнему сынишке позволили оборвать все завязи с посеянных на приусадебном участке дынь. В другом доме взятый из родильного дома, усыновленный и любимый всеми в семье голубоглазый мальчик перебил для забавы все фарфоровые пиалы. Не наказывают детей, если они, раскапризничавшись, дергают мать за волосы или даже бьют ее по лицу. Не запрещают маленьким детям произносить ругательства, чего не позволяют себе дети постарше. Это попустительство объясняют нежеланием огорчить ребенка, отравить ему детство.

Такое неправильное воспитание детей младшего возраста является, несомненно, признаком недостатка культуры—родители не сознают, какой вред причиняет оно формированию характера ребенка. Следует отметить, что в наиболее культурных семьях такие явления уже не наблюдаются.

Отношение к детям семи-восьмилетнего возраста незаметно меняется. К ним относятся требовательнее, начинают учить их прави-

лам поведения. Перелом, который в течение короткого времени происходит в детях, поразителен.

В переходе от безграничной вольности в младшем возрасте к дисциплинированности в более старшем велика роль труда, участие в котором дети начинают принимать очень рано. Родители привлекают детей семи-восемилетнего возраста к посильным работам, и чем дальше, тем более активно участвуют дети в трудовой жизни семьи и отчасти колхоза: им поручается пастьба скотины (баранов, козы или коровы), доставка из колхозного сада тутовых листьев для выкармливаемых матерью шелковичных червей; они помогают родным в сборе хлопка, в работе на приусадебных участках.

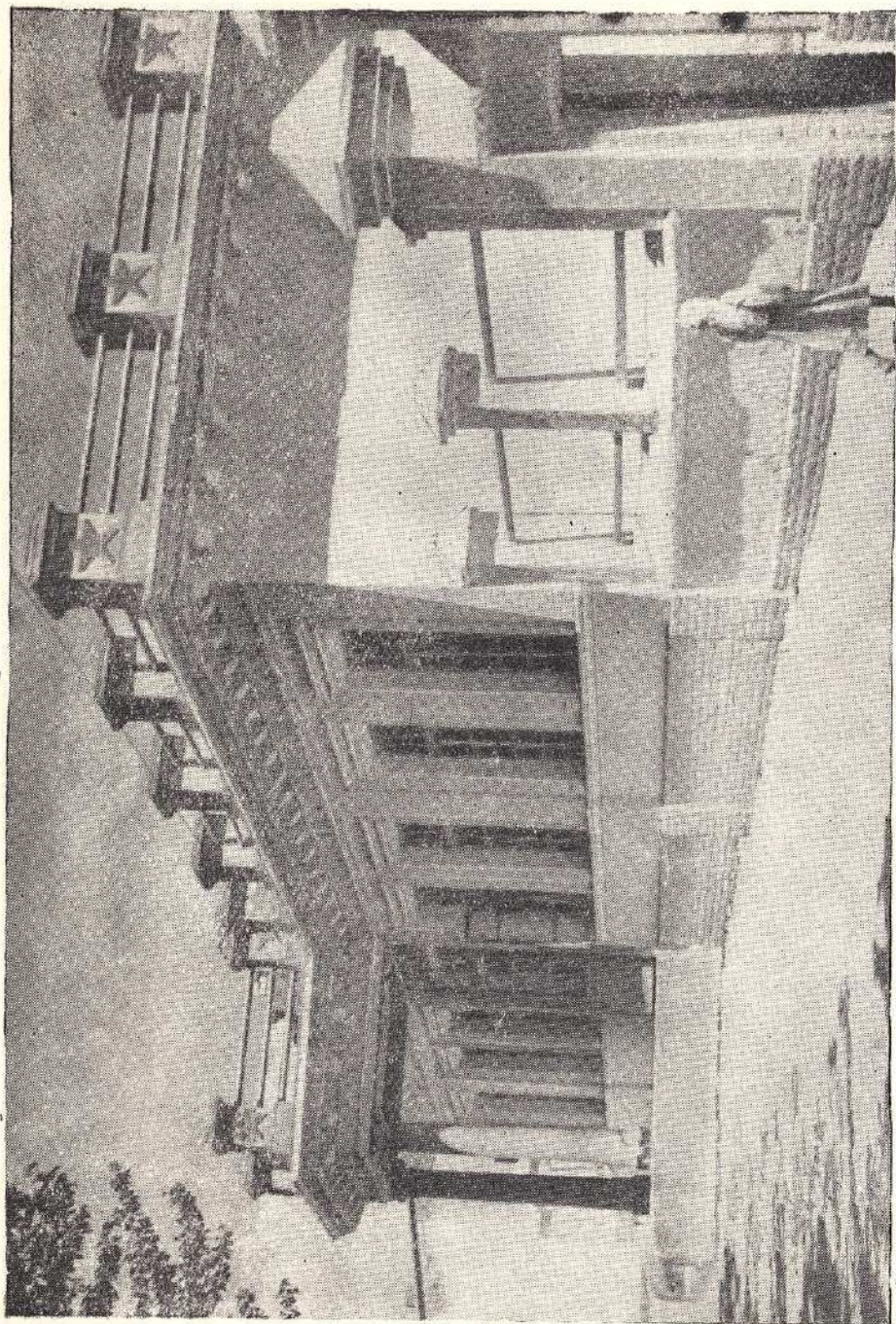
Очень многие школьники, даже из семей, материально хорошо обеспеченных, по своему личному желанию, без всякого принуждения со стороны родителей, во время летних каникул регулярно работают на колхозных полях. Так поступают, например, оба сына председателя совета урожайности Убайдуллы Мирабдуллаева, старший сын бывшего председателя Айкыранского сельсовета Джумабая Абдуллаева и др. Деньги, полученные за выработанные трудовые, они обычно тратят на себя, на свои культурные нужды. В 1952 г. братья Мирабдуллаевы приобрели на эти деньги велосипед, их товарищ купил себе книги.

Участие в труде расширяет круг интересов ребенка, воспитывает в нем уважение к старшим. В процессе труда к нему предъявляются определенные требования. Одновременно ребенку начинают прививать правила поведения: его учат послушанию, вежливости, почтительности к родителям. От прежней безграничной вольности не остается и следа, — дети начинают проявлять по отношению к родителям почтение, в обращении с ними вежливы, не позволяют себе разговаривать с ними, как и вообще со старшими, грубо, всегда обращаются к ним на вы. Бабушки, по традиции, стараются прежде всего внушить уважение к отцу. Более свободные отношения с матерью постепенно переходят в сознательную любовь и привязанность, чрезвычайно характерные для всех колхозных семей.

Участие в труде вырабатывает в детях колхозников положительные черты: сознание своего долга по отношению к семье, к своим обязанностям, к учебе, к труду, тесно связанному с жизнью колхоза. Дети постоянно видят, как трудятся их родные, соседи-колхозники, и у них самих зарождается любовь к труду. В огромном большинстве дети колхозников хорошие, неиспорченные, преданные Родине, своей семье и своему колхозу.

Большое значение в воспитании детей играет школа. Она не только дает им знания, но и прививает культурные навыки, вырабатывает сознательность, углубляет то трудовое воспитание, которое дети получают в семье и в колхозе. Роль школы в воспитании и судьбе детей полностью понимается колхозниками. Родители, особенно в семьях передовых, стараются дать образование всем детям без исключения, как мальчикам, так и девочкам. Придавая серьезное значение учебе детей, в учебное время стараются освободить школьников от домашних работ, не отрывать их от основных обязанностей — учебы.

Интересно отметить, что некоторые колхозники в последние годы стали отдавать детей в русскую школу, несмотря на то, что она находится в районном центре Чартаке, в трех километрах от колхоза. Как родители, так и сами школьники придают большое значение знанию русского языка. Для достижения этого не останавливаются перед тем, что переход в русскую школу связан с потерей одного-

Детский сад первого участка колхоза.

двух лет, так как приходится поступать на один, а иногда и на два класса ниже, чтобы компенсировать недостаточное знание языка. Так, перевел в третий класс русской школы своего сына, перешедшего в пятый класс, бухгалтер сельсовета Устобобо Гафуров. В 1951 г. мальчик учился уже в пятом классе русской школы, хорошо успевая по всем предметам, в том числе по русскому языку, и являясь активным участником проводимой школьниками общественной работы. В третьем классе той же школы учился во время работы экспедиции внук Гафурова, поступивший в русскую школу с первого класса. В четвертом классе училась дочь председателя райторготдела коммунистки Ульпатхан Ахмадалиевой. В начальных классах русской школы учатся воспитанники районного детдома, в большинстве узбеки. Наличие в детдоме русских воспитательниц помогло ребятам прекрасно овладеть русским языком.

Определение детей в русскую школу объясняется стремлением наиболее сознательных и дальновидных родителей наилучшим образом подготовить детей к учебе в высших учебных заведениях.

Многие родители стремятся дать своим детям, особенно сыновьям, специальность. Хотя за последние годы были факты отправки девушек на учебу в высшие учебные заведения и отъезд их из дому, все же это пока еще не вошло в широкую практику колхозных семей. Сыновей же, оканчивающих среднюю школу, колхозники стараются послать учиться в специальные учебные заведения—в техникумы и вузы. Уехавшим учиться многие родители постоянно оказывают материальную помощь—посылают деньги, продукты. Сознывая, насколько необходимо специальное образование для дальнейшей судьбы детей, родители соглашались на их отъезд, хотя расстаются с ними с грустью и неохотой.

Участившиеся за последние годы факты отъезда молодых людей на учебу и особенно отдельные факты отправки в высшие учебные заведения девушек свидетельствуют о значительном культурном росте населения. Еще несколько лет назад многие колхозники в своей слепой любви к детям стремились удержать их при себе и не давали им согласия на отъезд.

Наряду со школой и высшими учебными заведениями, громадное значение для формирования характера и роста сознательности колхозной молодежи имеет действительная служба в рядах Советской Армии. Демобилизованные из Советской Армии молодые колхозники возвращаются в колхоз хорошо грамотными, культурными, разбирающимися в политике людьми, полными патриотического желания принести пользу своей родине и колхозу. Тотчас по возвращении из армии они включаются в работу, и их влияние ощущается далеко за пределами их семьи. Бакыбай Джурабаев, демобилизованный в 1948 г., развитой, культурный человек, прекрасно изъясняющийся по-русски, рассказывает, что когда он был взят на военную службу, он абсолютно не понимал русской речи, был малограмотным. За время пребывания в рядах Советской Армии, как говорит он сам, он совершенно переродился (қайтадан туғылдым). Много получили от пребывания в армии тракторист колхоза Шарипбай Кульбаев, табельщики Турабай Усманов, Турахан Рузматов, электромонтер колхоза Аббас Газибаев и другие колхозники.

Весь строй жизни колхозной семьи, основанный на общем участии в производственном труде, в котором большую роль играют женщины, в том числе и женщины-матери, сделал необходимыми дошкольные учреждения—детские сады и детские ясли. Они берут на себя заботу о маленьких детях, как правило, многочисленных в колхозных семьях, снимая эту заботу с матерей и открывая для них

возможность производственной и общественной деятельности. С другой стороны, в сельских местностях, в прошлом особенно отсталых, эти детские учреждения играют большую культурную роль. Система дошкольных учреждений, где работают люди, получившие специальную подготовку или имеющие природные педагогические способности, ведет к улучшению дела воспитания детей в целом. В то время как дома колхозные дети, особенно в период полевых работ, бывают предоставлены самим себе, в детских учреждениях для них создаются наиболее подходящие условия, их время заполняется интересными и полезными занятиями.

Питомцам детских учреждений с ранних лет прививаются культурные навыки—умение пользоваться мебелью, постельными принадлежностями, зубной щеткой и порошком; детей приучают соблюдать режим дня и правила санитарии.

Детские учреждения повышают культуру не только детей, но и их матерей, распространяя среди них современные навыки воспитания ребенка.

В колхозе им. Сталина в 1952 г. имелась довольно развитая сеть детских учреждений: в каждом из трех участков колхоза функционировали постоянные детские сады, рассчитанные на 30 детей каждый. Сюда принимались, как правило, дети матерей, занятых на колхозной работе и не имеющих в доме помощницы. Детские сады охватывали в основном детей дошкольного возраста (от трех до семи лет).

Постоянных яслей в колхозе во время работы экспедиции не было. Матери, кормящие грудью детей (по обычаю, очень долго—до двух и даже до трех лет) брали их на работу в поле, где на период летних и осенних работ были организованы временные ясли. Их обслуживали пожилые женщины, специально выделенные на эту работу из членов бригады. Полевые ясли имели специальное оборудование, состоявшее из подвесных люлек, в теплое время подвешиваемых где-нибудь на воздухе, в холодное—помещаемых в специально отведенной для детей комнате полевого стана.

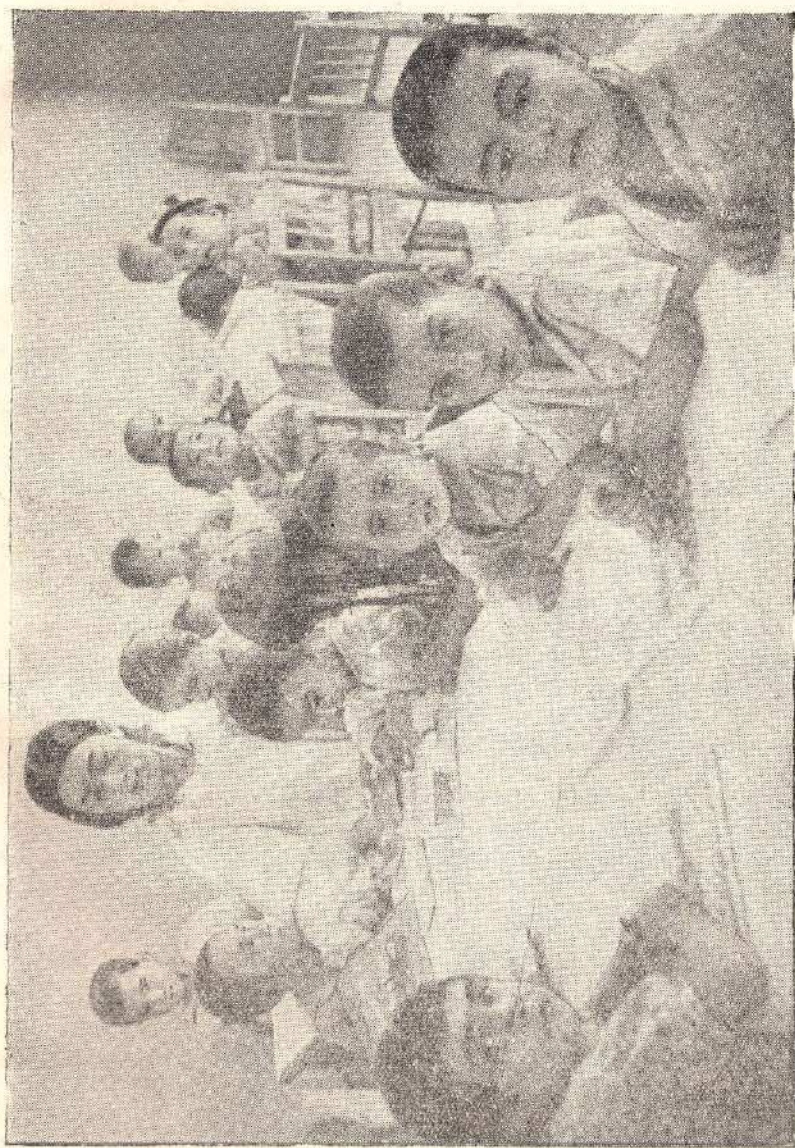
Некоторые бригадные полевые станы были оборудованы специальными зонтами в виде вращающейся на столбе круглой крыши, защищающей детей от солнца. К перекладинам столба на крючках подвешиваются люльки, и если какая-нибудь из них оказывается на солнце, ухаживающая за детьми женщина легко может повернуть вокруг оси, как карусель, все сооружение, и таким образом передвинуть люльку со спящим ребенком в тень.

Зимой женщины, имеющие грудных детей, как правило, к работе либо вовсе не привлекались, либо получали задания, которые могли быть выполнены дома. Поэтому они нередко оставляли дома и более старших ребятшек, и работа детского сада замирала до начала весенних полевых работ.

Некоторые дети ясельного возраста, матери которых работали в селении или на близлежащих участках и могли прийти покормить ребенка, сдавались в детские сады. Так как таких детей бывает немного, они не отделялись от старших детей, и присмотр велся одновременно за теми и другими. Лишь в детском саду первого участка, наиболее посещаемом, существовала особая младшая группа.

Все три постоянных детских сада колхоза помещались в специальных зданиях европейского типа.

Лучшим являлся детсад первого участка. Он расположен на главной улице, и его здание, выстроенное колхозом им. Сталина в 1936г., было на ней самым заметным и красивым. Дом состоит из пяти комнат

Занятия с детьми в старшей группе детского сада первого участка колхоза.

(3 м × 5 м), большой веранды с деревянным полом и нескольких служебных помещений: кухни, прачечной и склада. Спальни очень хорошо оборудованы: в них стоят чистенькие, опрятно заправленные белые кровати, на окнах — занавески, защищающие детей от летнего зноя и от мух. Режим дня в саду соблюдается более или менее точно, дети спят каждый день.

Комната для занятий и игр служит в то же время и столовой, она оборудована детскими столиками и стульчиками. Этот незначительный на первый взгляд факт получает в условиях Средней Азии особую важность: он приучает детей с малых лет пользоваться мебелью, способствует изживанию антигигиенической и неудобной привычки сидеть на полу, обходиться без стульев и столов.

В детсаду имеется довольно много игрушек: куклы, лошадки, игрушечные автомашины, ружья, сабли и т. д. Для детей ясельного возраста предназначена специальная игральная комната, оборудованная которой состоит из большой кошмы, лежащей на полу, и игрушек.

По приходе из дома дети переодеваются в одежду, принадлежащую детсаду, и снимают ее, уходя домой.

Обслуживающий персонал детсада состоял в 1952 г. из шести человек, в число которых входили заведующая детсадом, две воспитательницы, повариха, прачка, она же и уборщица, и сторож.

Распорядок дня в колхозных детских садах тот же, что и в городских: дети приходят утром, причем, поскольку их матери уходят на работу очень рано, на рассвете, воспитательницы сами приводят многих детей, и это отнимает у них немало времени. Когда все соберутся, устраивается первый завтрак, после которого дети младшего возраста играют, а дети старшего возраста занимаются — рисуют, знакомятся с азбукой, учатся писать. Больше всего дети любят лепить из глины разные фигурки. После занятий детей часто выводят на прогулку, которая воспитательницами рассматривается как экскурсия и называется этим термином. В 12 часов дня бывает обед. В летнее время перед обедом детей купают. После обеда дети спят, а проснувшись — снова играют. В большом ходу танцы под бубен. Иногда дети, собравшись в кружок вокруг воспитательницы, танцуют на улице перед зданием. В шесть часов дети ужинают, а в семь часов их начинают разводить по домам. Распорядок дня вывешен в детском саду на видном месте.

Одна из комнат здания детсада во время работы экспедиции была превращена во врачебный кабинет, где работала медицинская сестра-акушерка. Она регулярно участвовала в приеме приводимых в детский сад детей, не допуская туда больных; работники детского сада имели возможность обратиться к ней в случае заболевания ребенка.

Второй участок колхоза также имел постоянный детсад, помещавшийся в специальном здании, расположенном на территории селения Булянак. Здание состояло из четырех комнат: большой передней, использовавшейся в качестве комнаты для игры малышей, столовой, где проводили время дети постарше, спальни и кухни. Здание это строил колхоз Байнальмилляль в 1936—1937 гг. В строительстве принимали активное участие сами колхозники, заинтересованные в организации дошкольных учреждений. Каждая полеводческая бригада выделяла в помощь строителям определенное количество людей; кроме того, многие колхозники работали на строительстве по вечерам, приходя с полей.

В кухне детского сада первого участка

Здание оформлено с некоторой фантазией: по крыше идет ряд украшений, над входной дверью сделано из алебаstra изображение часов.

Оборудование, до недавнего времени более примитивное, чем в детском саду первого участка, после слияния колхозов улучшилось: столовая пополнилась мебелью—детскими столиками и стульчиками, в спальнях появились железные кровати.

В 1952 г. детский сад не имел земельного участка, и здание не было огорожено. Это позволяло ребятишкам разбегаться в разные стороны и лишало их нормальных условий для проведения времени на свежем воздухе.

Детсад третьего участка помещался в бывшем здании правления колхоза Кыл Октябрь, занимая четыре комнаты: в одной комнате была устроена спальня, в другой—столовая, третья оборудована под кухню. Четвертая, небольшая комната, была превращена в кабинет заведующей и одновременно в склад, где хранились продукты.

До слияния колхозов детсад этого участка не имел своего помещения, и работа проводилась на дому у воспитательницы. Оборудование его было самое примитивное, кроваток и прочей мебели не было. После объединения колхозов детский сад третьего участка стал постепенно приобретать более культурный вид. Помимо предоставления отдельного, сравнительно удобного помещения, колхоз снабдил его неплохим оборудованием. Были куплены хорошие железные кровати, которые обеспечены всеми постельными принадлежностями, вплоть до белоснежных простынь и наволочек, сделаны детские стульчики и столики. Однако в 1952 г. здание было до крайности запущено. В результате бесхозяйственности бывшего правления колхоза Кзыл Октябрь, оно давно не ремонтировалось, ничем не было огорожено. Разбивка сада являлась одной из первоочередных задач его благоустройства.

В 1952 г. участок перед детским садом был несколько приведен в порядок. На нем разбили большую клумбу, засаженную георгинами и другими цветами.

Продукты питания детские учреждения получали от колхоза: им отпускались мука, рисовая сечка, масло, мясо, сахар, конфеты, сухие фрукты, мед; летом и осенью детсады получали свежие овощи и фрукты. Из последних следует отметить изобилие в осенние месяцы винограда и гранатов. Однако мясом и сладостями детсады обеспечивались не особенно регулярно. Недостаточно обеспечены были детские учреждения и молочными продуктами, в связи с тем, что колхозный скот выпасается летом далеко в горах. Правление колхоза, изыскивая выход, предлагало выделить по дойной корове каждому детскому учреждению. Однако руководительницы детских садов второго и третьего участков принуждены были отказаться от этого из-за отсутствия необходимых условий для содержания скота. Корову взял только детский сад первого участка, который поместил ее на колхозном скотном дворе, расположенном недалеко от детского сада. Три раза в день повариха детсада ходила доить корову. Благодаря этому, питание детей здесь было лучше, чем в двух других детских садах колхоза. Дети получали молоко пресное и кислое, забеленный чай и заправленный кислым молоком суп.

Во всех детских садах детей кормили три раза в день: утром и вечером им давали чай со сладостями и с лепешками или пирожками, на обед варили лапшу или суп из рисовой сечки; нередко детям готовили плов.

С точки зрения современных высоких требований к организации детского питания, питание детей в дошкольных учреждениях колхоза им. Сталина, вследствие однообразия и не всегда достаточной калорийности, нельзя признать вполне удовлетворительным. В то же время нельзя не отметить, что ни в прежнее время, ни в описываемый период дети-дехкан не получали дома такого обильного и регулярного питания. В 1952 г. для детей, воспитывающихся дома, вплоть до детей руководящего состава колхоза, пища специально не готовилась, и они, несмотря на изобилие продуктов, питались хуже и менее регулярно, чем дети, посещающие детсад.

Отрадным явлением в работе детских учреждений можно считать неплохо поставленное врачебное и санитарное наблюдение, осуществляемое районными медицинскими организациями; в каждом детском саду имеется специальная тетрадь, куда медицинская сестра, проверяющая здоровье детей, записывает результаты очередного осмотра, замечания о санитарном состоянии сада и качестве питания. Записи показывают, что такие осмотры производились достаточно

часто. Обслуживающий персонал детских садов регулярно проходил медицинский осмотр в районных медицинских учреждениях.

Как показали наблюдения, главным недостатком детских садов и детских ясель являлась слабая воспитательная работа, обусловленная малой подготовленностью и текучестью обслуживающего персонала. Подготовка воспитательских кадров для колхозных дошкольных учреждений и повышение их квалификации стояли еще на очень низком уровне. В то время как к работникам колхозных школ предъявлялись большие требования, преподавательский состав должен иметь соответствующую квалификацию и систематически ее повышать, от работников дошкольных колхозных учреждений специального образования не требовалось. Их назначением ведал в основном не районный отдел образования, а правление колхоза. До 1951 г. в детские сады и ясли, как правило, назначали тех колхозниц, которые не могли быть использованы на полевых работах, или тех, кому хотели предоставить более легкую и чистую работу. Некоторые воспитательницы, недостаточно грамотные, неспособные вести воспитательную работу, были скорее нянями, занятыми обслуживанием детей. Такие воспитательницы не могли явиться проводниками культурных методов воспитания детей.

В 1951—52 гг. на правильное комплектование работниц детских учреждений в колхозе им. Сталина было обращено большее внимание. На должность заведующей детским садом первого участка была назначена Халихан Туляматова, которая по общему культурному уровню вполне соответствовала своему назначению, несмотря на то, что не имела специального образования. Халихан Туляматова — одна из представительниц местной трудовой интеллигенции, видная общественная работница, коммунистка. Окончив среднюю школу, она в продолжении многих лет занимала ответственные должности (бригадира, заместителя председателя колхоза, председателя женотдела при райкоме партии). К исполнению обязанностей заведующей колхозным детсадом Халихан Туляматова отнеслась с должной серьезностью, интересом и ответственностью.

До нее в течение более десяти лет детским садом первого участка заведовала Саджирахан Абдурахманова, татарка по национальности. Имея восьмиклассное общее образование и проучившись два года на рабфаке, Саджирахан за время работы заведующей и воспитательницей в детском саду колхоза им. Сталина приобрела большой опыт. К сожалению, после выхода замуж она устранилась от этого дела, и колхозные детские учреждения лишились наиболее опытного и подготовленного работника.

В 1951 г. воспитательницами детского сада первого участка были назначены Хайрихан Исамеддинова и Тургуной Алимова, имеющие семиклассное образование. До этого назначения обе работали на поле: Тургуной — рядовой колхозницей, Хайрихан — звеньевой. Весной 1951 г. они прошли подготовку на специальных месячных курсах, организованных для работников дошкольного воспитания в районном центре. Обладая природными способностями воспитательниц, они в 1952 г. с любовью работали среди детей: Тургуной с группой младшего возраста, Хайрихан — старшего. Работавшую до них в детском саду воспитательницу Ширванби Хамдамову, любовно и умело общавшуюся с детьми, но, к сожалению, не имевшую образования, перевели в ясли полевого стана.

Хорошим работником детских учреждений является заведующая детским садом третьего участка Инобатхан Убайдуллаева, уроженка Намангана, член партии. Она имеет семиклассное образование, в

детском саду работает в течение нескольких лет. В качестве воспитательницы в этом детском саду с 1949 г. работала Рысликби Турабаева, имеющая пятиклассное образование и отличающаяся природными воспитательскими данными.

Наиболее слабо поставлена была работа в детском саду второго участка.

Задача укрепления всей работы детских учреждений колхоза путем специального отбора людей и их подготовки в различных специальных учебных заведениях является первоочередной и неотложной.

Некоторые меры в этом направлении предпринимались: заведующая женотделом Чартакского района тов. Ахмедшина в 1951 и 1952 гг. организовала при районных яслях месячные курсы по подготовке и повышению квалификации дошкольных работников района; на этих курсах обучались, как уже сказано, и некоторые воспитательницы детучреждений колхоза им. Сталина.

Несмотря на то, что в работе детских учреждений колхоза им. Сталина имелся, с точки зрения современных требований, предъявляемых советским детским учреждениям, ряд недостатков, значение их для колхозных семей было, несомненно, большое, и колхозники это за последние годы вполне осознали. Еще в 1936—1937 гг. детей отдавали в детские сады преимущественно те родители, у которых в семье не было пожилых, освобожденных от полевых работ женщин, могущих присмотреть за детьми. Функцией детучреждений колхозное население считало только присмотр за детворой, воспитательной работе не придавалось должного значения. В последние годы отношение к детским учреждениям изменилось: в детский сад стремятся определить детей и те колхозники, дети которых не остаются без присмотра и в их отсутствии.

Родители прежде всего ценят то, что в детском саду дети получают более правильное, чем в домашних условиях, воспитание и развитие: разучивают стихи, песенки, учатся грамоте.

Хорошая организация в колхозе дошкольного воспитания делает возможным для молодых матерей активное участие в производственной жизни колхоза, а также сказывается на улучшении подготовки детей к переходу в школу. Задача коренного улучшения всей системы дошкольного воспитания в колхозах является одной из самых неотложных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили в первом разделе этой книги положение трудового крестьянства, издольщиков и батраков в дореволюционном ферганском кишлаке.

На примере селения Айкыран мы имели возможность убедиться в том, что экономическое развитие, приводившее к обогащению баев, оставляло бедняков в состоянии полной деградации. Примитивные, чуть ли не первобытные орудия труда, господство отсталых феодальных отношений, при которых половина крестьян была лишена земли и воды, жестокая эксплуатация, забитость и приниженность, нищенское жилище, скудная пища и одежда, невозможность получения образования и культурного развития—таково было положение дехкан Айкырана до Октябрьской революции. Таковым и поныне остается положение крестьян в отсталых зависимых и колониальных странах.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и коллективизация сельского хозяйства, помощь рабочего класса в техническом, организационном и культурном преобразовании кишлака открыли перед крестьянством Узбекистана величайшие перспективы экономического и культурного прогресса. За самый короткий исторический срок произошли разительные перемены в кишлаке. Прежние батраки, издольщики, закабаленные крестьяне получили землю и воду, машины и удобрения, начали использовать в своем производстве достижения передовой агротехнической науки. Впервые в истории крестьяне стали пользоваться плодами своего труда и с величайшим энтузиазмом участвуют в создании и укреплении нового социалистического общественного строя.

Этнографическое изучение колхоза им. Сталина вскрыло яркие факты, свидетельствующие о глубочайшей культурной революции, которая произошла в узбекском кишлаке за годы Советской власти. Эта культурная революция имеет своей основой прочный базис социалистической экономики, сложившийся и укрепившийся за годы Советской власти в процессе строительства социализма и подготовки условий для перехода к коммунизму.

Освобождение тружеников-дехкан от эксплуатации, огромная помощь деревне со стороны социалистического государства, превращение отсталого, рутинного дехканского хозяйства в крупное механизированное высокопродуктивное колхозное хозяйство сделали членов колхоза зажиточными, неизмеримо повысили их культурный уровень. Наблюдения над жизнью колхозников на производстве и в семье, ознакомление с их отношением к Родине и колхозу, к науке и об-

разованию, к нелегкому, но почетному и выгодному колхозному труду, изучение отношений людей друг к другу показали, что колхозный строй в корне преобразовал основы производства, быта и психологии колхозников.

На базе колхозного строя в селении Айкыран, как и во всем Узбекистане, произошло действительное раскрепощение женщины-деханки, ставшей равноправным членом советского общества, своим трудом создающей условия для построения коммунизма. Большая роль женщины-колхозницы в производстве и ее экономическая независимость привели к коренному изменению положения женщины не только в обществе, но и в семье.

В колхозе складывается новая семья, построенная на прочных и здоровых основаниях, свойственных советской семье: на отношениях дружбы, любви, взаимного уважения и равноправия всех ее членов. Современная колхозная семья представляет собой трудовой коллектив, спаянный общностью интересов, теснейшим образом связанный с жизнью всего колхоза. Успешно изживаются пережитки патриархально-феодалных отношений в семье, меняется форма семьи, определяемая теперь не сложившимися истари отсталыми нормами морали и права, а социалистической действительностью и формирующимся социалистическим сознанием.

Культурный рост колхозников и повышение их материального благосостояния привели к ликвидации противоположности между городом и деревней, постепенному стиранию существенных различий, существовавших раньше между ними, к перестройке всего быта.

Бывший до Великой Октябрьской социалистической революции отсталым кишлаком, Айкыран превратился в цветущий передовой колхоз. Все эти преобразования сделались возможными в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Они осуществились благодаря правильной национальной политике советской власти и постоянному руководству Коммунистической партии и Советского правительства.

Вся жизнь колхоза им. Сталина является ярким примером проявления основного экономического закона социализма. История селения Айкыран после Великой Октябрьской революции—это история борьбы коммунистов и всех трудящихся за лучшую жизнь народных масс, за максимальное удовлетворение их постоянно растущих материальных и культурных потребностей путем развития производительных сил и раскрытия творческих возможностей людей колхоза. История селения Айкыран есть история борьбы за овладение новой, растущей и развивающейся техникой колхозного производства, оснащение его новыми, все более совершенными механизмами.

Исследование показало все более углубляющийся процесс изживания былой культурной отсталости сельского населения и приближения его культурного уровня, потребностей и образа жизни к уровню жизни и культуры города. Наряду с этим было обнаружено своеобразие в укладе жизни и культуре, порожденное национальными особенностями, природными и бытовыми условиями, в которых протекает жизнь и работа населения колхоза.

Вместе с тем исследование вскрыло, что производительные силы колхоза и возможности дальнейшего увеличения его общественного богатства и материального благосостояния колхозников используются еще далеко не полностью. Достигнув крупных успехов в хлопководстве, колхоз совершенно запустил такие отрасли своего хозяйства, как травосеяние, бахчево-огородные культуры, садоводство; слабо развито животноводство. Недостаточно используются способности и

творческие силы колхозников и особенно колхозниц. Остановились на достигнутых успехах, медленно растут руководящие работники колхоза, низко их образование, недостаточно высок культурный уровень. Особенно заметными стали все эти недостатки после укрупнения колхоза, когда все его хозяйство сделалось более сложным и технически более высоким.

Огромные возможности для дальнейшего роста колхоза им. Сталина, как и всех других колхозов Советской страны, открывают постановления сентябрьского и последующих Пленумов ЦК КПСС. Они ставят перед колхозниками задачу добиться крутого подъема сельского хозяйства, необходимого для повышения материального благосостояния всего общества и снабжения промышленности сельскохозяйственным сырьем, указывают пути дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства на основе повышения всего уровня производственной культуры: лучшего использования машин и дальнейшей механизации сельского хозяйства, более широкого внедрения в практику достижений агробиологической науки, повышения квалификации работников сельского хозяйства.

Решения ЦК Коммунистической партии указывают пути повышения доходности всех отраслей сельского хозяйства, намечая для каждой из них ряд практических мероприятий, подчеркивая необходимость развития в колхозах не только основной, но и второстепенных отраслей их производства.

Эти решения подчеркивают, что дальнейшего подъема сельское хозяйство может достигнуть лишь при строгом соблюдении принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства, в увеличении его доходности.

Постановление сентябрьского Пленума ЦК предоставило крепким, преуспевающим коллективным хозяйствам, каким является и изученный нами колхоз, возможности лучшего использования сложившихся у них преимуществ.

Изменение норм обязательных поставок государству, повышение заготовительных цен, снижение норм обложения личного хозяйства колхозников — все это сказалось на повышении благосостояния членов колхоза.

Успехи, достигнутые колхозом, свидетельствуют о том, что в нем созданы все условия для нового крутого подъема хозяйства, для дальнейшего культурного роста населения. Этот подъем обеспечивается генеральной линией, которую проводит Коммунистическая партия Советского Союза.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	7
Прошлое кишлака Айкыран	11
Некоторые данные из истории кишлака Айкыран	13
Население	21
Занятия населения	27
Формы землевладения	33
Социальные отношения	40
Селение Айкыран после Октябрьской революции	61
Краткие сведения из истории селения Айкыран после Великой Ок- тябрьской социалистической революции	63
Краткая характеристика колхоза им. Сталина	73
Бытовые условия жизни колхозников	97
Культурно-просветительные учреждения колхоза	126
Проявление культурной жизни колхозников в словесном творчестве	158
Семья в колхозе	171
Старая дореволюционная семья	173
Формирование новой семьи после Октябрьской революции	179
Современная колхозная семья и отношения между ее членами	187
Сложение молодых семей	195
Изменение формы семьи	202
Семейные праздники	215
Воспитание детей	220
Заключение	234